D 34/577

Д 34/577

Д. Н. АНУЧИНЪ.

САНИ, ЛАДЬЯ и КОНИ
КАКЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
ПОХОРОННАГО ОБРЯДА.

АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

СЪ 44-мя РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

(Изъ XIV тома «Древностей»).

МОСКВА.
Типографія и Словолитня О. О. Гербекъ.
18[illegible]

Д 34/577
ф 1-75/18781
т. 1

Д. Н. АНУЧИНЪ.

САНИ, ЛАДЬЯ и КОНИ
КАКЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
ПОХОРОННАГО ОБРЯДА.

АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

СЪ 44-мя РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

(Изъ XIV тома «Древностей»).

МОСКВА.
Типографія и Словолитня О. О. Гербекъ.
1890.

Печатано по распоряженію и опредѣленію Редакціоннаго Комитета Императоскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его устава.

САНИ, ЛАДЬЯ И КОНИ,
КАКЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОХОРОННАГО ОБРЯДА.

I.
САНИ.

Употребленіе саней при похоронномъ обрядѣ въ до-Петровской Руси.—Сани при погребеніи В. Кн. Владиміра въ іюлѣ мѣсяцѣ 1015 г.—Обычай «проиманія» помоста.—Толкованіе Котляревскаго.—«Потаеніе» тѣла Владиміра.—Выраженіе «спрятать тѣло».—Перевязываніе умершаго.—Позднее введеніе деревяннаго переноснаго гроба.—Обычай вынесенія умершаго не черезъ двери, а чрезъ проломъ въ стѣнѣ или крышѣ.—Широкое распространеніе этого обычая въ древнія времена и теперь.—Объясненіе этого обычая.—Употребленіе саней при погребеніи и перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба.—Миніатюры Сильвестровскаго списка Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ.—Сани при похоронахъ другихъ великихъ князей въ XI—XIII вѣкахъ, въ лѣтнюю половину года.—Одръ въ видѣ саней при погребеніи митрополита Петра.—Сани въ похоронной процессіи съ тѣломъ В. Кн. Василія Ивановича.—Употребленіе «выносныхъ» саней при царскихъ похоронахъ въ XVII вѣкѣ по даннымъ дворцовыхъ разрядовъ и другихъ записей.—Разъясненіе обычая пользованія санями при похоронахъ.—Мнѣніе Успенскаго и Котляревскаго и его несостоятельность.—Древнѣйшія русскія повозки на колесахъ.—Употребленіе саней при древнихъ царскихъ и частныхъ русскихъ свадьбахъ.—Сани при нѣкоторыхъ религіозныхъ церемоніяхъ въ XVI—XVII вѣкахъ, въ лѣтнее время въ Москвѣ.—Сани, какъ царскій подарокъ лѣтомъ.—Сани, какъ парадный и обыденный экипажъ патріарховъ и митрополитовъ.—Вербныя сани въ недѣлю Вaій.—Состояніе въ прежнія времена дорогъ и улицъ.—Сани и колесные экипажи въ царскомъ и боярскомъ обиходѣ XVII вѣка.—Объясненіе употребленія саней при погребеніи, предложенное Труворовымъ, и его недостаточность.—Сани при похоронахъ у сѣверныхъ инородцевъ, у Приуральскихъ и Приволжскихъ Финновъ.—Перевезеніе покойника лѣтомъ на саняхъ—у Вотяковъ, Зырянъ, Черемисовъ и Чувашей.—То-же въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ западной Европы.—Слѣды того-же обычая въ русскихъ сказкахъ.—Погребальныя сани у древнихъ Египтянъ.—Молотилки въ видѣ саней—на Востокѣ, въ сѣверной Африкѣ, въ южной Европѣ и въ Закавказьи.—Сани, какъ древнѣйшая повозка.—Первообразъ саней, волокуша, ея виды и ихъ распространеніе.—Этимологія слова «сани».—Преданія о болѣе позднемъ изобрѣтеніи повозки на колесахъ.—Два слова о генезисѣ телѣги и колесъ.—Заключеніе.

Употребленіе саней при похоронномъ обрядѣ, не только зимою, но и лѣтомъ, было дѣломъ обычнымъ въ до-Петровской Руси, особенно въ княжескомъ и царскомъ обиходѣ, о которомъ до насъ дошло вообще гораздо болѣе свѣдѣній, чѣмъ о частной, народной жизни. Мы находимъ

рядъ извѣстій объ этомъ обычаѣ, начиная съ XI и до XIII вѣка, имѣемъ указанія на существованіе его въ XIV—XVI вѣкахъ и располагаемъ особенно обстоятельными свѣдѣніями отъ XVII вѣка. Древнѣйшее свидѣтельство находится въ лѣтописи подъ 1015 годомъ. Разсказывая, подъ 15-мъ числомъ іюля, о кончинѣ великаго князя Владиміра, лѣтописецъ говоритъ: «Умре-же на Берестовѣмъ, и потаиша ѝ, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ. Ночью же межю клѣтьми проимавше помостъ, обертѣвши въ коверъ и ужи съвѣсиша на землю; *възложъше ѝ на сани, везъше, поставиша ѝ въ святѣй Богородици*, юже бѣ създалъ самъ. Се же увидѣвъше людье, безъ числа снидошася и плакашася по немъ». [1]). Изъ этого извѣстія видно, что несмотря на средину лѣта (іюль мѣсяцъ) тѣло великаго князя везли на саняхъ и, какъ будто, на саняхъ-же поставили его въ церкви. Было высказано предположеніе, что слово «сани» разумѣлось въ древности не всегда въ современномъ его значеніи, что въ данномъ случаѣ подъ «санями» слѣдуетъ разумѣть какую-то особую повозку на колесахъ,—мнѣніе раздѣлявшееся, между прочимъ, Успенскимъ (въ его «Опытѣ о русскихъ древностяхъ») и Котляревскимъ (въ его сочиненіи «О погребальныхъ обычаяхъ Славянъ»). Далѣе мы разберемъ этотъ вопросъ, покуда-же замѣтимъ, что въ подкрѣпленіе такого мнѣнія не было представлено никакихъ убѣдительныхъ данныхъ.

Приведенный разсказъ лѣтописца заслуживаетъ вниманія еще и въ другихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, загадочнымъ представляется выраженіе: «потаиша ѝ» и тотъ фактъ, что выносъ тѣла былъ сдѣланъ ночью и не черезъ двери, а чрезъ разобранный помостъ, послѣ чего однако тѣло было выставлено въ церкви, куда сошлось множество народа. Котляревскій [2]) говоритъ по поводу приведеннаго извѣстія слѣдующее: «Лѣтописецъ наклоненъ объяснять этотъ поступокъ желаніемъ скрыть отъ Святополка смерть Владиміра, но не странно-ли, что вслѣдъ за тѣмъ тѣло умершаго князя выставляется въ церкви, къ нему приходятъ «людіе безъ числа», и похороны совершаются гласно и торжественно: объясненіе, очевидно, не идетъ къ происшествію. Мы имѣемъ основаніе видѣть здѣсь особый погребальный обычай, по которому усопшаго выносили не дверью, но разнимали помостъ и въ отверстіе спускали тѣло. Такой обычай сохранился и доселѣ у племенъ нѣмецкихъ и славянскихъ. Какъ бы ни объясняли точный смыслъ словъ лѣтописца, [3]) несомнѣннымъ останется, что тѣло Владиміра было вынесено не чрезъ дверь, а чрезъ проломъ. Подъ вліяніемъ христіанства языческій обычай сталъ глухимъ суевѣріемъ и въ такомъ видѣ встрѣчается въ началѣ XVII вѣка: по одному

---

[1]) Пол. Собр. Рус. Лѣт. I, стр. 56.

[2]) *Котляревскій*, «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ». М. 1868, стр. 124.

[3]) Весьма вѣрное объясненіе, по словамъ Котляревскаго, сдѣлалъ Борисовъ: тѣло князя, по его мнѣнію, было спущено съ верхнихъ въ нижнія сѣни чрезъ проломанный помостъ. Далѣе мы увидимъ, что едва-ли это объясненіе вѣрно.

современному извѣстію, тѣло Бориса Годунова, оглашеннаго чародѣемъ, было извергнуто изъ могилы (въ Архангельскомъ соборѣ) чрезъ нарочно сдѣланный въ стѣнѣ проломъ. Въ современномъ быту, когда умирающій долго томится, то, чтобы помочь душѣ его выйти изъ тѣла, считаютъ нужнымъ приподнять въ потолкѣ *матицу* (отсюда и народная примѣта— «матица трещитъ, кто нибудь умретъ»). Колдуны, по народнымъ разсказамъ, всегда долго томятся въ предсмертныхъ мукахъ; для облегченія кончины ихъ также приподнимаютъ потолочную матицу и тѣла такихъ людей выносятъ не въ дверь, а вытаскиваютъ вонъ *изъ окна*. При повальной болѣзни, мертвецовъ иногда выносятъ *не дверью, а чрезъ окно;* у Мазуровъ, когда у кого умираютъ дѣти и хотятъ прекратить это, то тѣла ихъ выносятъ не въ дверь, а спускаютъ *чрезъ окно*. Эти ослабѣлые остатки древности даютъ намъ нѣкоторое право предполагать въ лѣтописномъ извѣстіи о смерти Владиміра не какую нибудь случайную черту, но особый погребальный обычай языческой старины. Смыслъ его теменъ: быть можетъ его создала мысль, что мертвецъ, отошедшій изъ царства жизни, не долженъ выходить тѣмъ же путемъ, который служитъ для прихода и ухода живыхъ; смерть не должна знать семейнаго порога и двери, открывающейся лишь для родныхъ и друзей». Но почему мертвецъ не долженъ выходить тѣмъ же путемъ, которымъ выходятъ живые,—для разъясненія этого вопроса Котляревскій даже не сдѣлалъ попытки...

Къ приведенному толкованію Котляревскаго слѣдуетъ прибавить, что въ другихъ лѣтописяхъ «утаеніе» смерти Владиміра приписывается приказанію Святополка: «Въ лѣто 6523 (1015) Володымеръ готовяшеся на Ярослава сына своего, не вѣдый, яко прійде конецъ живота его; не помнозѣ бо вопадѣ въ болѣзнь велику. И въ то время прійде ему вѣсть, яко Печенѣзы идутъ на Русь; бяху же тогда при немъ два сыны его, Борисъ и Святополкъ. Володымеръ же боленъ сый, не могій самъ пойти противу Печенѣговъ, но посла противу имъ, со всею силою, Бориса сына своего, а Святополкъ оста въ Кіевѣ. Володымеръ же, день отъ дня изнемогая, преставися съ добрымъ исповѣданіемъ въ 15 день мѣсяца іюля, на Берестовомъ, княживъ лѣтъ 35, въ невѣріи лѣтъ 8, а окрестившися 27 лѣтъ. Святополкъ же, хотя самъ сѣсти на великомъ княженіи кіевскомъ по Володымеру отцу своему, повелѣ таити смерть его; и тоя нощи тай вземъ тѣло его и положи въ церкви Пресвятой Богородици. Но единаче людіе всѣ увѣдаша, иже и собрашася всѣ отъ мала и до велика, и плакахуся по немъ, яко по отцѣ и заступнику. И положиша его честно, съ обычными пѣсньми, въ церкви Пресвятой Богородици, въ гробѣ мраморнѣмъ». Далѣе говорится, что «Святополкъ, по смерти отца своего, сѣде на великомъ княженіи кіевскомъ и умысли таити еще смерть Володымера отца своего, дондеже бы моглъ избити всю братію нечаянно, а самъ единовластецъ сотворитися въ Руси». [4]) Это объясненіе представ-

---

[4]) Пол. Соб. рус. Лѣт. II, стр. 261.

ляется нѣсколько болѣе правдоподобнымъ, но и оно возбуждаетъ сомнѣнія, такъ какъ, очевидно, что если тѣло князя было погребено при многочисленномъ стеченіи народа, то кончина его не могла не сдѣлаться извѣстною, и вѣсть о ней легко могла дойти до братьевъ Святополка, какъ это дѣйствительно и случилось. Съ другой стороны, выраженіе «потаиша и» невольно вызываетъ сопоставленіе его съ выраженіемъ «спрятавше», встрѣчающимся позже весьма часто въ лѣтописи при описаніяхъ похоронъ. Такъ о похоронахъ Ярослава говорится: «Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, везоша и Кыеву,... принесше, положиша и въ рацѣ мороморянѣ, въ церкви святое Софьѣ»; о мнихѣ Исакіѣ: «и братья спрятавше тѣло его и погребоша и»; о Ярополкѣ Изяславичѣ (1170 г.), что, узнавъ о его болѣзни, братъ его Мстиславъ «посла къ игумену Поликарпови и къ Данилови попови своему, веля има ѣхати къ брату Ярополку, река има тако; аще ва Богъ поиметъ брата моего, да спрятавше тѣло его везите же къ святому Ѳеодору»; о Мстиславѣ Ростиславичѣ (1179): «и тако спрятавше тѣло его, съ честью и съ благохвальными пѣсньми и съ кадилы благоуханьными... и положиша тѣло его въ той же гробници, идѣже лежитъ Володимеръ, сынъ великаго князя Ярослава Володимерича»; о Романѣ Ростиславичѣ (1180): «и спрятавше тѣло его епископъ Константинъ, игумени вси, съ благохвальными пѣсньми и съ кандѣлы благоуханьными, положиша тѣло его въ святѣй Богородици. И плакашася по немъ вси смолняне, паче же и сынове его плакахуся... и послѣднюю службу створше родителю своему, опрятавше тѣло его, вложиша въ гробъ» и т. п. [5]). Нельзя-ли предположить, что выраженіе «потаиша и» могло употребляться иногда въ смыслѣ «спрятавше» и что слова «бѣ бо Святополкъ Кыевѣ» были прибавлены уже впослѣдствіи для объясненія утратившаго свой прежній смыслъ выраженія; этимъ могли-бы изъясняться различія въ истолкованіи цѣли и иниціативы «потаенія», о которомъ притомъ въ другихъ источникахъ (лѣтописяхъ и житіяхъ) и совершенно умалчивается. [6]) Лингвисты доказываютъ однако, что слова «таити», «потаити» являются въ славянскихъ языкахъ со значеніемъ — «скрывать» или въ переносномъ отсюда (словенск. tajiti — leugnen), тогда какъ первоначальное значеніе *прятати* было «связывать».

Любопытно, что во всѣхъ только что приведенныхъ извѣстіяхъ нигдѣ не упоминается о выносѣ тѣла въ гробу, и подъ гробомъ разумѣется могила или гробница въ церкви, иногда мраморная, иногда вмѣстившая уже въ себѣ ранѣе останки другаго лица, такъ что подъ «спря-

---

[5]) Полн. Соб. рус. Лѣт. I. стр. 70, 85, 88; II. стр. 10, 22, 29, 74, 91, 98, 102, 121, 123, 144 и друг. Интересно сопоставить также извѣстіе о Татарахъ путешественника XIII в. Плано Карпини, который говоритъ, что знатный татаринъ выносился изъ жилья и погребался всегда скрытно (sepelitur occulto) см. «Путешест. къ татарамъ» Спб. 1825. Плано Карпини, стр. 94—95.

[6]) Въ словарѣ Даля: «*спрятать*, убрать, сохранить; скрыть, схоронить, *по(у)таить*. Спрятать, старин.—опрятать, обмыть, одѣть, убрать».

таніемъ» («опрятаніемъ») слѣдуетъ очевидно разумѣть въ этомъ случаѣ— обертываніе и увязываніе тѣла въ «коверъ», полстину, корзно (плащъ) и т. п., подобно тому, какъ это и говорится о князѣ Владимірѣ. Слово «коверъ» впрочемъ могло означать и не коверъ въ современномъ его смыслѣ, а просто толстую, тканую полсть, войлокъ или одѣяло [7]). Изъ описанія лѣтописца видно, что обернувши тѣло въ «коверъ», перевязывали его «ужами» (веревками), за свѣсившіеся концы которыхъ и брали, вѣроятно, трупъ при его переносѣ и опусканіи въ могилу. Выраженіе «спрятать» тѣло имѣло первоначально смыслъ по преимуществу увязыванія его ужами, веревками, въ извѣстную оболочку [8]).

Какъ извѣстно, перевязываніе умершихъ было весьма распространено, не только на Востокѣ, напримѣръ въ Египтѣ (гдѣ муміи обертывались широкими полотняными лентами, длина которыхъ доходила до сотенъ футовъ), въ Палестинѣ и т. д., но и у многихъ другихъ, культурныхъ и первобытныхъ народовъ. Такъ многія индѣйскія племена Америки обертываютъ и теперь еще своихъ покойниковъ въ шерстяныя одѣяла, перевязываютъ ихъ веревками или ремнями и такъ несутъ или везутъ на мѣсто погребенія. Древнія перуанскія муміи (такъ же какъ и находимыя на сѣверо-западныхъ берегахъ Сѣверной Америки) всѣ приведены въ сидящее (съ подведенными къ туловищу ногами) положеніе, обернуты тканями и перевязаны веревками. Первобытные Австралійцы, именно тѣ племена ихъ, которыя практикуютъ погребеніе труповъ или выставленіе ихъ на особыхъ подмосткахъ, также обертываютъ умершаго въ шкуры опоссума и затѣмъ крѣпко его перевязываютъ. Сибирскіе инородцы-звѣроловы (Тунгусы и друг.) завертываютъ трупъ въ звѣриныя шкуры, связываютъ ремнями и въ такомъ видѣ ставятъ его на возвышенный помостъ или, какъ теперь

---

[7]) Когда былъ убитъ Андрей Боголюбскій и тѣло его было выброшено на огородъ, то одинъ кіевлянинъ Кузмище, жалѣя о князѣ, просилъ убійцу, ключника Амбала, о прикрытіи трупа: «сверзи коверъ-ли что-ли, что постьлати или чимъ прикрыти господина нашего», и Амбалъ, сначала отказавшій въ томъ, наконецъ «сверже коверъ и корзно», и Кузмище «обертѣвъ й и несе й въ церковь,.. прикрывъ й корзномъ». П. С. Р. Л. II, стр. 114—115.— Слово «коверъ» толкуется въ словарѣ Даля какъ «толстая тканая полсть, полстина; узорчатая, обычно шерстяная подкладка». *Ковóра* въ Курской губ. употребляется въ значеніи одѣяла. — Впрочемъ и настоящіе ковры были довольно распространены у Норманновъ, которые вели ими значительную торговлю. (*Weingold*, Altnordisches Leben). Одѣваніе и положеніе покойника въ гробъ еще въ началѣ XVIII в. называлось офиціально «скутаніемъ и «окутываніемъ». См. «Матеріалы для исторіи Москвы», изд. подъ руковод. Забѣлина, I. стр. 1083.

[8]) Слово *потаити*—въ церковно-славянскомъ языкѣ Миклошичъ переводитъ— abscondere, celare. *Съ—прятати* въ церковно-славянскихъ текстахъ, по Миклошичу, имѣетъ значенія: contrahere, supprimere, sedare, componere ad sepulturam, deponere. По мнѣнію Ф. Ѳ. Фортунатова, наиболѣе основное значеніе славянскаго *прятати*, должно быть «связывать» или «стягивать». Въ письмѣ ко мнѣ по поводу исторіи значенія этого слова Ф. Ѳ. предлагаетъ, между прочимъ, сравнить значенія латинскаго *componere:* «складывать, соединять, связывать, составлять, сочинять, приводить въ порядокъ, оправлять, выставлять» (о тѣлѣ умершаго) и т. д., а также сравнить, напримѣръ, различныя значенія нашего «прибирать».

чаще, хоронятъ въ землѣ. Обыкновеніе класть покойника въ гробъ, — замѣчаетъ Котляревскій, — не было, кажется, непремѣннымъ обычаемъ славянскаго язычества; на это указываетъ и переносное значеніе слова «гробъ», собственно вырытое мѣсто, готск. graban, лит. grabas, могильная комната, потомъ переносно — ящикъ, въ которомъ хоронятъ мертвеца; въ первомъ значеніи слово часто встрѣчается въ древне-русскомъ языкѣ и въ нынѣшнемъ малорусскомъ. Въ смыслѣ погребальнаго ящика значеніе слова, несомнѣнно, не древнее; это подтверждается и тѣмъ, что у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, напримѣръ — Болгаръ, тѣло еще въ недавнее время опускалось прямо въ землю; равнымъ образомъ нѣтъ гробовъ (по Караджичу) и въ Черногоріи, но простыя доски, которыми обставляется тѣло покойника. «Такъ точно было и на Руси уже по принятіи христіанства; тѣло обертывалось въ лубъ, отчего гробъ вообще назывался *корстой* (мощи Никиты Переяславскаго были найдены «въ берести»). Покойникъ, который сожигался, не имѣлъ нужды въ гробѣ, не имѣлъ въ томъ особой нужды и погребаемый; его, какъ свидѣтельствуютъ Ибнъ-Доста, Массуди и множество могилъ, прямо могли полагать въ могильную комнату. Тѣмъ не менѣе, у языческихъ Славянъ были, кажется, въ употребленіи и особаго рода гробы въ видѣ пустыхъ выдолбленныхъ колодъ, въ которыя прятали мертвеца». [9]) Не касаясь вопроса о колодахъ, о которыхъ намъ придется говорить въ другомъ отдѣлѣ настоящей статьи, замѣтимъ, что переносный деревянный гробъ вошелъ, повидимому, въ употребленіе, сравнительно у немногихъ народовъ и лишь въ позднѣйшее время получилъ болѣе широкое распространеніе. Переноснаго гроба нѣтъ у Австралійцевъ, Папуасовъ, Индѣйцевъ, Негровъ и многихъ азіатскихъ народовъ; его не было у древнихъ Грековъ; у Римлянъ онъ вошелъ въ употребленіе, по крайней мѣрѣ у высшихъ классовъ, также сравнительно поздно; даже въ Германіи, еще въ прошломъ столѣтіи, мѣсто гроба занималъ нерѣдко пеньковый мѣшокъ или бѣлый оберточный холстъ. Въ городѣ Равенсбургѣ, еще въ 1742 г. трупъ зашивался въ холстъ, относился на кладбище на общественныхъ носилкахъ, тамъ снимался съ нихъ и клался въ могилу. Въ Цюрихскомъ кантонѣ существовалъ такой же обычай: тѣло зашивалось до лица въ холстъ и переносилось на кладбище на скамьѣ, безъ гроба, даже въ городѣ [10]). Въ Россіи многіе инородцы: Лопари, Самоѣды, Остяки, Черемисы, Чуваши, Вотяки, Татары, Киргизы — хоронили до недавняго времени своихъ покойниковъ безъ гроба, обкладывая только ихъ въ могилѣ берестой или досками, а нѣкоторые поступаютъ такъ еще и

---

[9]) *Котляревскій*, l. c. стр. 218. Слово *керста* употребляется еще и теперь въ Архангельской губ. (Онежск. у.) въ смыслѣ могилы. «Ходила на керсту». См. «Опытъ областнаго великорусскаго словаря». Спб. 1852, стр. 82. У Вотяковъ гробъ называется koros; прежде Вотяки хоронили въ берестѣ. «Корстою» называлась иногда и мраморная гробница. Такъ, о тѣлѣ Владиміра сказано: «и вложиша ѝ въ *корѣсту* мраморяну».

[10]) *Rochholz*, Deutscher Glaube und Brauch B. 1867. I. S. 193.

теперь [11]). Собственно у Русскихъ, по крайней мѣрѣ у высшихъ классовъ, деревянный переносный гробъ вошелъ въ употребленіе также, по видимому, поздно, и даже тѣло в. к. Василія Ивановича († 1534) было несено въ церковь на одрѣ и лишь по отпѣваніи опущено въ каменную гробницу [12]). Даже въ XVII в., когда гробъ сталъ составлять неизбѣжный атрибутъ похоронъ, онъ употреблялся иногда только какъ временный пріемникъ тѣла, для отнесенія его въ церковь, гдѣ, послѣ отпѣванія, тѣло снова вынималось и опускалось уже въ каменную гробницу, которая за тѣмъ закрывалась плитой и задѣлывалась. Такъ поступали именно съ тѣлами патріарховъ въ Москвѣ, причемъ относительно патріарха Іоасафа есть свѣдѣніе, что временный деревянный гробъ его царь Михаилъ Ѳедоровичъ приказалъ поставить (послѣ погребенія тѣла) на соборную колокольню подъ большой колоколъ [13]).

---

[11]) По словамъ Миллера («Описаніе живущихъ въ Казан. губ. языческихъ народовъ, яко то Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ». Спб. 1791)—«Черемисы и Чуваши кладутъ умершихъ въ могилу между двумя досками и сверхъ оныхъ покрываютъ еще доскою»; «Вотяки погребаютъ умершихъ въ ихъ платьѣ, обвернувши берестами».— Георги говоритъ объ отсутствіи гробовъ у Лопарей, Вотяковъ, Вогуловъ, Татаръ, Мордвы и др. Гробъ еще и нынѣ не употребляется у многихъ урало-алтайскихъ народностей, у Тунгузовъ, Самоѣдовъ, Калмыковъ, у Черемисовъ Оренбур. губ., (*Черемшанскій*, Описаніе Оренб. губ. Уфа 1859, стр. 191) у Черемисовъ Красноуфимскаго у. Пермс. губ., у нѣкоторыхъ Вотяковъ и т. д. По словамъ Островскаго: «въ старину Вотяки хоронили покойниковъ, какъ и Татары, безъ гробовъ. Но такъ какъ крещеные подвергались за это преслѣдованію, то обыкновенно употреблялась хитрость: на кладбище приносили покойника въ гробу, но гробъ сколачивался такъ, что когда покойника опускали въ могилу, то доски распадались сами собою, и мертвое тѣло опускалось въ одной одеждѣ; доски же ставились въ сторонкѣ до слѣдующаго покойника. См. *Островскій*, Вотяки Казан. губ. Каз. 1874, стр. 40.

[12]) Это видно изъ соотвѣтственной миніатюры, изображающей похоронное шествіе и приложенной къ рукописной «Царственной Книгѣ», въ Синодальной библіотекѣ.

[13]) Въ выпискахъ изъ дѣлъ Патріаршаго Приказа, изд. въ «Матеріалахъ для исторіи, археологіи и статистики Москвы», собр. В. и Г. Холмогоровыми, подъ рук. И. Е. Забѣлина, находимъ, между прочимъ, слѣдующія свѣденія (въ расходныхъ книгахъ): 1) «Генваря 1 (1641 г.), соборныя церкви Успенія Пр. Богородицы, сторожамъ Сенькѣ Омельянову съ товарищи за гробъ дубовый, въ чемъ св. патріархъ (Іоасафъ) вынесенъ въ соборъ и изъ того гроба переложенъ въ каменный гробъ, имъ 2 руб.; а тотъ гробъ по государеву указу велѣно поставить въ колокольницу, подъ большой колоколъ. 2) «198 г. марта въ 17 день (1689 г.)... подъячему Тимофею Васильеву, что онъ купилъ къ погребенію ковчегъ дубовый, сирѣчь гробъ, въ чемъ было положено тѣло святѣйшаго патріарха Іоакима и несено до каменнаго гроба его, и въ соборной церкви изъ того ковчега тѣло его переложено въ гробъ каменный, безъ деревяннаго ковчега, и за тотъ деревянный ковчегъ 2 руб.» Послѣдній патріархъ, Адріанъ, былъ однако уже опущенъ въ могилу вмѣстѣ съ гробомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующая запись: 3) «1700 г. октября въ 15 день тѣло... св. Киръ-Адріана скутано и положено въ гробъ, а на окутаніе его св. патріарха тѣла въ гробѣ выдано бархату зеленаго гладкаго одинакова 6 аршинъ; и тотъ бархатъ сшитъ въ два полотнища и постланъ во гробу сверхъ тафтянаго тюфяка, и положено въ томъ бархатѣ тѣло св. патріарха. Да на обивку одра и рукоятокъ, на которомъ въ церковь вынесено тѣло св. патріарха, выдано бархату чернаго гладкаго одинакова 13 арш. съ $^1/_4$... И октября въ 17 день, въ четвертокъ

Относительно «проиманія помоста» для выноса тѣла приведенное выше замѣчаніе Котляревскаго нуждается въ пополненіи. Обычай вынесенія трупа не черезъ дверь, а чрезъ особое, нарочно продѣланное отверстіе, несомнѣнно, весьма древній и существовалъ не у однихъ только германскихъ и славянскихъ народовъ. Мы встрѣчаемъ его еще и теперь въ различныхъ частяхъ свѣта и у многихъ первобытныхъ и варварскихъ племенъ. Обдорскіе Самоѣды, напримѣръ, не выносятъ трупъ изъ чума чрезъ то отверстіе, въ которое входятъ живые, *а раскрываютъ чумъ съ противоположной стороны на столько, чтобы можно было вытащить потомъ мертвеца,* кладутъ его въ гробъ, сколоченный изъ досокъ, лицо мертвому и вообще голову зашиваютъ въ сукно, въ гробъ кладутъ всѣ принадлежности мертвеца, которыя были необходимы ему при жизни... и въ такомъ видѣ уносятъ гробъ на кладбище» [14]). Архангельскіе Самоѣды— «*раздираютъ чумовое покрывало въ томъ мѣстѣ, противъ котораго лежитъ покойникъ и переламливаютъ шесты, на которыхъ оно держится, выносятъ въ это отверстіе покойника,* одѣваютъ его въ ту одежду, которую онъ при жизни носилъ и завертываютъ въ оленью шкуру» [15]). Подобнымъ же образомъ поступаютъ и Енисейскіе (Туруханскіе) Самоѣды, а равно и другіе инородцы того же края, — Остяки, Юраки, Тунгузы по описанію Третьякова [16]). «Когда въ семьѣ Самоѣда кто-либо умретъ, то картина отчаянія бываетъ, по истинѣ, самая печальная. Не довѣряя своимъ глазамъ, покойника, «бодырьбу», сначала трясутъ, приподнимаютъ и крикомъ стараются вызвать къ жизни: на всѣхъ лицахъ видѣнъ ужасъ, и вскорѣ все жилище оглашается воплями. Наконецъ, умершаго обмываютъ, одѣваютъ въ лучшую одежду..., на глаза накладываютъ повязку съ двумя корольками (бусами) и, обернувъ тѣло оленьими шкурами, зашиваютъ въ холстъ или одѣяло. *Выносятъ покойника не въ дверь, а по направленію головы; въ моментъ его смерти для того въ этомъ мѣстѣ разбираютъ чумъ*». Юраки, «прикрывъ сомкнутые глаза покойника лоскутомъ ровдуги (замши), на которомъ нашиты два королька, одѣваютъ его въ лучшее платье, по-

---

послѣ божественныя литургіи и по отпѣваніи во соборной церкви Успенія Пр. Богородицы св. патріархъ въ деревянномъ гробѣ и съ зеленымъ бархатомъ со всѣмъ опущенъ въ каменную гробницу; а со одра и съ гробовой покрышки черный бархатъ снятъ долой»... См. «Матеріалы», стр. 1055, 1063, 1083.—По словамъ Георги, у Казанскихъ и Оренбургскихъ Татаръ «умершаго несутъ къ могилѣ во гробѣ, головою впередъ, а въ могилу опускается безъ гроба». По Фуксу («Казанскіе Татары» Каз. 1844, стр. 73) «покойника кладутъ на лубокъ и на плечахъ выносятъ изъ дома... Во могилѣ дѣлается боковая ниша, въ которую тѣло, снявъ съ лубка, кладутъ на правый бокъ, лицемъ къ Меккѣ.

[14]) *Кушелевскій,* Сѣверный Полюсъ и земля Ялмалъ. Спб. 1868, стр. 119. Обычай класть въ гробъ, повидимому, заимствованъ у Русскихъ. Другія племена Самоѣдовъ гроба не знаютъ.

[15]) *Иславинъ,* Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. Спб. 1847, стр. 135 и 136.

[16]) *Третьяковъ,* Туруханскій край, его природа и жители. Спб. 1871, стр. 168 177, 184, 189.

крываютъ оленьими шкурами и, увязавъ плетеными ремнями, *выносятъ ногами впередъ въ особое отверстіе, сдѣланное въ чумѣ*». У Тунгузовъ, «какъ скоро кто померъ, *чумъ немедленно съ одной стороны раскрывается и въ снятый нюкъ* (верхняя покрышка чума изъ оленьихъ шкуръ) *зашиваютъ покойника* въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ онъ померъ, и кладутъ на лабазъ, устроенный между двухъ или трехъ деревьевъ въ сажень отъ земли; на этомъ помостѣ при покойникѣ кладутъ принадлежащія ему вещи... и затѣмъ трупъ обставляютъ досками на подобіе гроба». У Енисейскихъ Остяковъ, «*умершій выносится не дверью, а въ особое отверстіе, сдѣланное въ чумѣ* и кладется на лабазъ, устраиваемый какъ у Тунгузовъ». У Маньзовъ (Вогуловъ) «*тѣло умершаго выносится не черезъ дверь, а чрезъ окно или чрезъ особое отверстіе, нарочно прорѣзанное, если покойникъ находится въ чуму*» [17]. Съ тѣмъ же обычаемъ мы встрѣчаемся и въ Америкѣ, у Эскимосовъ и различныхъ племенъ Индѣйцевъ. Такъ, Оджибвеи и Алгонкинцы *выносятъ своихъ покойниковъ не черезъ дверь, а чрезъ нарочно проломанное отверстіе въ стѣнѣ (или крышѣ) вигвама* [18]. У нѣкоторыхъ племенъ Эскимосовъ, когда больной находится при смерти, строятъ наскоро шалашъ, снабжаютъ его ночникомъ, провизіей и другими необходимыми предметами и переносятъ въ него умирающаго, но *не черезъ дверь, а чрезъ проломъ въ стѣнѣ*, и оставляютъ его тамъ умирать одного [19]. У другихъ племенъ Эскимосовъ (въ Гренландіи), по словамъ Кранца, умершій вытаскивался изъ зимняго жилища *чрезъ окно*, а изъ лѣтняго чума *чрезъ разборъ его покрышки*. За покойникомъ шла старуха, махая зажженной лучиной и крича—«пиклеррукпокъ», что значитъ «здѣсь для тебя ничего нѣтъ» [20]. О похоронахъ одного вождя Индѣйцевъ-Тлинкитовъ (въ бывшей Русской Америкѣ), практикующихъ еще и теперь сожженіе труповъ, корреспондентъ газеты «New-York Herald» сообщалъ недавно слѣдующее [21]. «Трупъ былъ разукрашенъ по праздничному и помѣщенъ въ сидячемъ положеніи у средины задней стѣны его дома. На головѣ его была деревянная шляпа съ вырѣзанными на ней изображеніями вороновъ, лице его было раскрашено, вокругъ тѣла обернуто шерстяное одѣяло, украшенное пуговицами. На колѣняхъ трупа были положены два красивыхъ коврика индѣйской работы, а на нихъ пачка рекомендательныхъ писемъ, присланныхъ покойному въ разное время мѣстнымъ начальникомъ и другими болѣе

---

[17]) Рукописное свѣдѣніе, полученное мною отъ Н. Л. Гондатти; у Лопарей въ прежнее время также практиковался обычай — выносить покойника чрезъ отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ напротивъ двери.

[18]) *Waitz*, Anthropologie der Naturvölker. III. S. 199. Вайцъ почему-то считаетъ этотъ обычай «вѣроятно новымъ» (wahrscheinlich neue), повидимому, безъ достаточныхъ основаній. Извѣстно, что онъ существовалъ ужъ у древнихъ Караибовъ.

[19]) *Wood*, the Natural History of Man. II. L. 1870, p. 719.

[20]) *Crantz*, Beschreibung von Grönland. I, S. 300.

[21]) «New-York Herald» 1881, 16 Апрѣля; см. *Krause*, Die Tlinkit Indianer. Jena. 1885. S. 225.

важными бѣлыми, и кинжалъ въ ножнахъ, украшенныхъ рѣзьбою. По одну сторону отъ покойника были выставлены его сокровища, состоявшія большей частью изъ шерстяныхъ одѣялъ и ковровъ; по другую сторону, завернувшись въ одѣяло, сидѣла его жена; она не могла говорить ни съ кѣмъ въ теченіе восьми дней послѣ смерти мужа. Передъ сожженіемъ трупа *была разобрана часть задней стѣны дома и трупъ былъ вынесенъ чрезъ образованное такимъ образомъ отверстіе*, въ сопровожденіи живой собаки, которая, по понятіямъ Индѣйцевъ, должна унести съ собою всякій слѣдъ болѣзни, произведшей смерть». Трупъ былъ положенъ на костеръ изъ кедровыхъ полѣньевъ, устроенный въ видѣ квадратнаго сруба, внутрь котораго и опустили покойника на шерстяной коверъ, а сверху покрыли другими полѣньями. Во время горѣнія костра десять Индѣйцевъ колотили въ тактъ палками по доскѣ; родственники сидѣли въ это время на корточкахъ, обратившись къ огню спиною. Сожженіе сопровождалось раздачей подарковъ, а пепелъ былъ собранъ въ одѣяло и положенъ въ небольшой деревянный ящичекъ.—Наконецъ, то же обыкновеніе выносить покойника не обычнымъ ходомъ, а чрезъ особое отверстіе, было констатировано и въ Африкѣ,— у Готтентотовъ, Бушменовъ, Бечуановъ, Кимбунда и другихъ негритявскихъ племенъ (при чемъ въ области р. Конго былъ подмѣченъ обычай, что трупъ выбрасывался чрезъ отверстіе въ крышѣ), а равно существуетъ и въ Полинезіи, напр. на островахъ Фиджи [22]), также въ Индіи, въ странѣ Лаосъ, на островѣ Бали, у Сіамцевъ (которые, кромѣ того, трижды обносятъ бѣгомъ покойника вокругъ жилища), а ранѣе — въ Тибетѣ и въ Китаѣ. По словамъ путешественника XIII в. Марко Поло, въ странѣ Тангутъ (Тибетѣ, гдѣ господствовалъ уже буддизмъ) существовали замѣчательные похоронные обряды, предшествовавшіе сожженію трупа. Между прочимъ, говоритъ Марко Поло, «иногда звѣздочеты объявляютъ роднымъ, что тѣло нельзя выносить изъ дома черезъ главную дверь... и что должно выносить его съ другой стороны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они даже заставляютъ родныхъ *проламывать стѣну* прямо противъ благопріятной и благодѣтельной планеты и выносить покойника черезъ это отверстіе, представляя имъ, что если не сдѣлаютъ такъ, духъ покойника разсердится на свою семью и станетъ дѣлать ей зло». Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло, очевидно, съ древнимъ обычаемъ, нѣсколько видоизмѣнившимся подъ вліяніемъ буддизма. Относительно Китая извѣстно изъ свѣдѣній, собранныхъ въ прошломъ столѣтіи іезуитами, что ранѣе, для выноса богдыхановъ и ихъ женъ открывались во дворцѣ новыя двери, но что одинъ богдыханъ измѣнилъ потомъ этотъ обычай, который сохранился еще въ болѣе отдаленныхъ провинціяхъ. Въ настоящее

---

22) Относительно Готтентотовъ см. *Bastian* Der Mensch in der Geschichte L. 1869. II. S. 322—323; о другихъ африканскихъ народахъ — *Тайлоръ*, Первоб. Культура II, 104. У негровъ Бамбарра, по словамъ Раффенеля, тѣло короля, хотя выносится изъ дворца и черезъ двери, но двери эти послѣ того закладываются камнемъ, см. *Waitz*, Antropologie II, 199. О племенахъ Конго; см. *J. Liebrecht*, Zur Volkskunde. 1879. S. 372.

время у Китайцевъ практикуется обрядъ — пробивать отверстіе въ крышѣ, при отходѣ умирающаго, для облегченія выхода изъ дома его души [23]).

Въ Европѣ обычай вынесенія покойника чрезъ проломъ существовалъ у древнихъ Скандинавовъ, у которыхъ, по Вейнгольду, «умершаго нельзя было выносить въ двери, чрезъ которыя входили и выходили живущіе; для этого требовался проломъ стѣны, приходившейся за головой покойника, или же прорытіе отверстія подъ южной стѣной, чрезъ которое и вытаскивался трупъ. Повидимому, замѣчаетъ Вейнгольдъ, — это былъ обычай, общій для всѣхъ Германцевъ, такъ какъ мы встрѣчаемъ его еще и теперь въ Верхней и Нижней Германіи, въ примѣненіи къ трупамъ преступниковъ и самоубійцъ, которые вытаскиваются чрезъ проломъ въ стѣнѣ или чрезъ дыру подъ порогомъ. Но теперь такой обычай служитъ позоромъ и примѣняется лишь къ трупамъ, считаемымъ нечистыми; въ древнія же времена, когда всякій умершій возбуждалъ страхъ; одинъ и тотъ же обычай прилагался ко всѣмъ» [24]). Къ даннымъ Вейнгольда слѣдуетъ прибавить собранныя Рогхольцемъ, изъ которыхъ видно, что кромѣ преступниковъ и самоубійцъ, необычнымъ путемъ вытаскивались также изъ жилья трупы еретиковъ, ростовщиковъ, вообще лицъ возбудившихъ ненависть и презрѣніе. Въ началѣ прошлаго столѣтія, когда на островахъ Швеціи свирѣпствовала чума, народъ разбивалъ окна въ домахъ умершихъ, разбиралъ простѣнки и вытаскивалъ трупы баграми чрезъ образованныя такимъ образомъ отверстія. Съ возведеніемъ болѣе прочныхъ построекъ изъ камня, продѣлываніе отверстія стало однако трудно выполнимымъ и его стали замѣнять вытаскиваніемъ чрезъ окно или чрезъ особыя двери. По словамъ де-Губернатиса, въ нѣкоторыхъ городахъ средней Италіи, напр. въ Перуджіи и Ассизи, (такъ же какъ въ одномъ селеніи близь Амстердама) можно видѣть еще и теперь почти въ каждомъ домѣ особые выходы и двери для выноса умершихъ [25]). — Въ виду всего изложеннаго, «проиманіе помоста» для выноса тѣла

---

[23]) *Тайлоръ,* Первоб. Культура, II, стр. 103; *Frazer,* On Certain Burial Customs., въ «Journal of the Anthr. Institute». XV, 1. 1885, p. 70; *Bastian,* Beiträge zur vergl. Psychologie. Die Seele. S. 15; *Марко Поло,* рус. пер. Шемякина, стр. 145—146. Въ Лаосѣ такъ поступали только съ тѣлами беременныхъ женщинъ.

[24]) *Weinhold,* Altnordisches Leben. B. 1856. S. 476.

[25]) *Rochholz,* Deutscher Glaube und Brauch. B. 1867. II, S. 171. ff. Съ приведеннымъ обычаемъ слѣдуетъ сопоставить еще слѣдующіе. Въ Люцернѣ капуцины выгоняли духовъ изъ дома тѣмъ, что протыкали палку подъ порогъ и тѣмъ давали имъ выходъ. У Монголовъ, по Плано Карпини, считалось грѣхомъ, если кто возьметъ въ ротъ кусокъ и, не будучи въ состояніи его проглотить, выброситъ вонъ; такого вытаскивали чрезъ отверстіе подъ ставкою и убивали безъ милосердія» (... si alicui morsus imponitur, et deglutire non potest et de ore suo eijcit eum, fit foramen sub statione, et extrahunt per illud foramen et sine ulla misericordia occiditur». См. «Путеш. къ Татарамъ», изд. Языкова 1825, стр. 90—91. У Римлянъ былъ обычай, что если кто возвращался изъ путешествія, признанный, вслѣдствіе невѣрныхъ слуховъ, уже умершимъ, то онъ долженъ былъ входить въ домъ не чрезъ двери, а чрезъ отверетіе въ крышѣ (per impluvium; Plutarch. Quaest. Rom. V; impluvium или compluvium открывался въ atrium, а atrium первоначально былъ и столовой и кухней вмѣстѣ, такъ,

великаго князя Владиміра было очевидно, выраженіемъ того же общаго стародавняго обычая, слѣды котораго сохранились еще и до сихъ поръ какъ у многихъ дикарей, такъ и у германскихъ и славянскихъ народностей.

Обычай, нѣкогда имѣвшій, а отчасти еще и теперь имѣющій столь широкое распространеніе, очевидно, долженъ же былъ на чемъ нибудь основываться, и разъясненіе его надо искать, конечно, въ понятіяхъ тѣхъ народовъ, у которыхъ онъ еще сохранился. Готтентоты говорятъ, что они не выносятъ покойника черезъ дверь (чрезъ обыкновенный низкій входъ въ ихъ полукруглый шалашъ) для того, чтобы умершій забылъ, такъ сказать, обратный путь и не могъ найти, еслибъ вздумалъ возвратиться, дорогу въ жилище. Обитатели Конго объясняли свой странный, приведенный выше, обычай тѣмъ, что помощью такой процедуры душа умершаго не можетъ сдѣлаться «зомби», т. е. не въ со-

---

что compluvium соотвѣтствовалъ въ древности дымовой трубѣ). Рогхольцъ объясняетъ этотъ обычай тѣмъ, что недалеко отъ двери стояли домашніе боги, Лары, съ которыми отъѣзжавшій прощался и просилъ ихъ о помощи для благополучнаго возвращенія. Но въ данномъ случаѣ Лары оказывались какъ-бы обманутыми, вслѣдствіе чего считавшійся мертвымъ не долженъ былъ появляться предъ ними безъ нѣкотораго искупленія. Проще объяснять такъ, что если человѣкъ былъ признанъ умершимъ, если его можетъ быть даже похоронили заочно (такой обычай существуетъ у многихъ народовъ), то онъ долженъ былъ считаться мертвымъ и не могъ войти въ домъ тѣмъ ходомъ, которымъ входили живые, а долженъ былъ проникать другимъ путемъ, и именно тѣмъ, чрезъ который выходитъ, по преимуществу, душа умершаго,—чрезъ отверстіе въ крышѣ. Интересно, что такой же обычай практикуется еще и теперь въ Персіи, и ему долженъ былъ подвергнуться даже европейскій изслѣдователь, Бругшъ, возвратившись послѣ долгаго отсутствія, въ теченіи котораго его считали умершимъ. Судя по одному свидѣтельству Агаѳія (Agathias, II. 23.) обычай этотъ существовалъ въ Персіи уже въ VI вѣкѣ. Въ Германіи существуетъ другой, не менѣе любопытный обычай: изъ дома, гдѣ дѣти умирали и были выносимы чрезъ двери, новорожденныхъ выносятъ для крещенія черезъ окно для того, чтобы такъ сказать предохранить ихъ отъ преждевременнаго выноса черезъ порогъ, въ гробу.— Въ Римѣ были особыя ворота для выноса покойниковъ (какъ и теперь еще въ городахъ Бирмы), и только въ знакъ особой почести сенатъ разрѣшалъ проходъ похоронной процессіи чрезъ porta triumphalis. Любопытенъ еще одинъ обычай, соблюдающійся кое-гдѣ въ Галиціи при свадьбѣ: третій мужъ, возвращаясь съ вѣнца, долженъ входить въ домъ черезъ окно. (Kolberg). «Народныя русскія сказки доселѣ сохраняютъ воспоминаніе о томъ, что мертвые вытаскивались иногда чрезъ отверстіе, прорытое подъ порогомъ», См. *Афанасьевъ*. «Для Археологіи русскаго быта» въ «Древностяхъ» I, стр. 40 и его же «Нар. рус. сказки» вып. VI, № 66. Въ этой сказкѣ разсказывается, какъ «нечистый» явился къ одной дѣвушкѣ Марусѣ въ видѣ красиваго богатаго парня, какъ онъ уморилъ затѣмъ ея отца и мать и сказалъ ей, что она и сама умретъ. Тогда Маруся идетъ совѣтоваться къ слѣпой «старой бабушкѣ», и та говоритъ ей: «ступай скорѣй къ попу, попроси его: коли ты помрешь, чтобы вырыли подъ порогомъ яму, да несли бы тебя изъ избы не въ двери, а протащили бы сквозь то отверстіе; да еще попроси, чтобъ похоронили тебя на перекресткѣ»... «Вынесли Марусю подъ порогомъ, схоронили на раздорожьи». На могилѣ ея выросъ цвѣтокъ, онъ превратился снова въ Марусю, которая, послѣ нѣкоторыхъ новыхъ козней «нечистаго», наконецъ одолѣла его и стала жить счастливо замужемъ. — При кончинѣ папъ въ Римѣ, тѣло папы выносится чрезъ особую дверь, которая затѣмъ запирается до выноса его преемника. См. *Frazer*, l. c. p. 70.

стояніи являться живущимъ, какъ опасное привидѣніе, одинъ взглядъ на которое уже можетъ быть причиною смерти. По понятіямъ Юраковъ, «если вынести покойника въ дверь, то онъ можетъ вернуться тѣмъ же путемъ и утащить кого-либо изъ живыхъ». Подобныя же воззрѣнія существовали, очевидно, и у другихъ народовъ; въ основаніи ихъ лежало, слѣдовательно, убѣжденіе, что умершій опасенъ для живыхъ, что онъ можетъ вернуться въ жилье и утащить или умертвить кого-нибудь изъ оставшихся. Для отвращенія этого и былъ придуманъ наивный способъ, если можно такъ выразиться, обманыванія покойника. Вынесенный не обычнымъ ходомъ, умершій, — такъ представляли себѣ (точнѣе — его духъ, которому придавали все-таки нѣкоторую матеріальную субстанцію), — еслибы и пожелалъ вернуться тѣмъ же путемъ, то не могъ-бы проникнуть въ жилище. (Народная фантазія признаетъ, повидимому, что умершій можетъ вернуться только тѣмъ путемъ, по которому его вынесли). Основаніемъ обычая былъ, слѣдовательно страхъ, боязнь покойника, какъ объекта опаснаго (и прибавимъ еще — нечистаго). Этотъ страхъ передъ умершимъ, опасеніе — какъ бы онъ не вернулся и не причинилъ зла, боязнь даже прикосновенія къ нему и нахожденія подлѣ него, мы встрѣчаемъ, въ бо́льшей или меньшей степени, повсюду, во всѣхъ частяхъ свѣта, у самыхъ различныхъ народовъ. Здѣсь не мѣсто представлять тому доказательства, а равно анализировать причины такого страха, — мы имѣемъ въ виду посвятить этому вопросу особую статью, — достаточно замѣтить, что страхъ передъ умершимъ, признаніе его опаснымъ и нечистымъ, можетъ быть констатированъ, какъ у дикихъ Австралійцевъ, Индѣйцевъ, Готтентотовъ, такъ и у древнихъ Грековъ, Римлянъ и у современныхъ Германскихъ и Славянскихъ народовъ, при чемъ страхъ этотъ отражается и на похоронныхъ обрядахъ — принятіемъ извѣстныхъ предосторожностей или предохранительныхъ мѣръ отъ возвращенія мертвеца въ жилище и отъ вреда, который онъ можетъ причинить живымъ.

Мы однако отклонились отъ нашей ближайшей темы, — отъ обычая пользоваться санями при похоронномъ обрядѣ. Весьма интересныя данныя въ этомъ отношеніи представляетъ Сильвестровскій списокъ Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ, facsimile котораго издано Русскимъ Археологическимъ Обществомъ [26]). Списокъ этотъ интересенъ какъ своимъ текстомъ, такъ и своими миніатюрами, разъясняющими и пополняющими текстъ. Въ текстѣ говорится, что когда князь Борисъ былъ пораженъ копьями убійцъ, посланныхъ Святополкомъ, тѣло его, «обертѣвше въ шатеръ (т. е. въ шатровый наметъ, подобно тому, какъ у Самоѣдовъ и Тунгузовъ въ нюкъ чума), възложивъше на кола, повезоша». Но князь не былъ еще мертвъ («еще дышющю ему» — въ Лаврентьевской): «и яко быша на бору, начатъ въскланяти святую свою главу, и се оувѣдѣвъ Святополкъ, посла два Варяга и прободоста ѝ мечемъ въ сердце... И положиша тѣло іего, принесъше таи

---

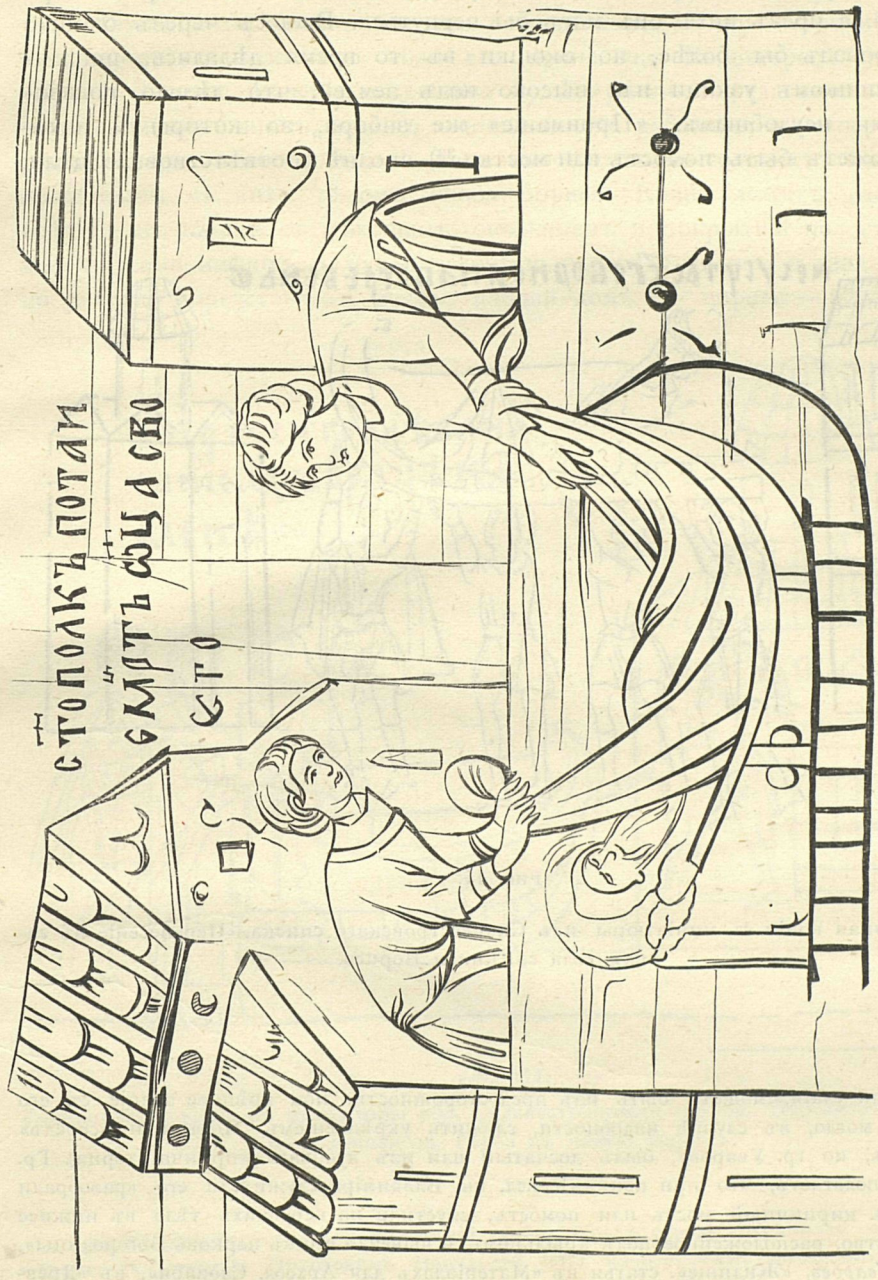
[26]) Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XVI в. По порученію Археол. Общества издалъ Срезневскій. Спб. 1860.

Вышегородѣ у церкви святого Василія, въ земли погребоша й». Затѣмъ, близъ Смоленска, при устьѣ рѣчки Смядины, въ ладьѣ (въ «насадѣ»; въ Лаврентьевской — въ «кораблѣ») былъ зарѣзанъ ножемъ кн. Глѣбъ: «убіену же бывшу Глѣбови и повержену на пустѣ мѣстѣ межю двѣма кладома». Со вступленіемъ на великокняжескій престолъ Ярослава, тѣло Глѣба было отыскано, привезено въ ладьѣ въ Вышегородъ и положено рядомъ съ тѣломъ Бориса. (Въ Лаврентьевской: «Глѣбу же убьену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣми колодами, посемъ же вземше, везоша й и положиша й у брата своего Бориса»). При Изяславѣ Ярославичѣ, взамѣнъ обветшалой церкви, была выстроена новая, деревянная же, и въ нее перенесены мощи съ большимъ торжествомъ. «И въземше первоіе святаго Бориса въ рацѣ деревянѣ на рама князи (по Лаврентьевской—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ)... и принесъше, поставиша въ церкви... (въ Лавр. «вложиша й въ раку камену»). По семъ же въземше Глѣба въ рацѣ каменѣ, *въставивше на сани и іемъше ужи повезоша*» (въ Лавр. «и положиша й мѣсяца мая 2 день»). При Владимірѣ Мономахѣ состоялось еще разъ перенесеніе мощей въ новый каменный храмъ Вышегородскій ... «Во вторый день мая начаша пѣти утрьнюю въ обою церковью. И *въставивше на сани на красны, яже быша на то учинены, повезоша* преже святаго Бориса... Идяху влекуще ужи великыми... Тако же и святаго Глѣба по немь, *въставивше на другыи сани*»... (Въ Ипатьевской: «и взяша раку Борисову и *въставиша й на возила, и поволокоша ужи* князи и бояре... Тѣмъ же образомъ и святаго Глѣба привезоша и поставиша, у брата»). Иллюстраціями къ тексту Сказанія служатъ миніатюры, которыя, какъ сказано, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его дополняютъ, Такъ, между 56 и 57 страницами изданія помѣщена миніатюра съ надписью: «Святополкъ потаи смерть отца своего». Представлены два зданія и между ними разобранный до половины заборъ, чрезъ который два отрока спускаютъ тѣло великаго князя въ стоящія за заборомъ красныя (окрашенныя красной краской) сани. Тѣло обернуто бѣлой пеленой («ковромъ»), за углы которой и держатъ его отроки [27]). Изображеніе это интересно тѣмъ, что даетъ понятіе — что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ «проиманіемъ помоста». Оказывается, что оно заключалось не въ разборѣ пола, отдѣлявшаго верхнія сѣни отъ нижнихъ, какъ это полагалъ Борисовъ и допускалъ Котляревскій, и не въ разломѣ стѣны дома, а въ разборѣ до половины ограды двора. Солидное, повидимому многоэтажное зданіе великокняжескаго дворца дѣлало неудобнымъ пробиваніе особаго отверстія въ стѣнѣ; спусканіе же тѣла

---

[27]) Курьезная ошибка сдѣлана по поводу этой миніатюры Шиманомъ въ его сочиненіи — «Россія, Польша и Лифляндія до XVII вѣка». (Schiemann, Russland, Polen und Livland bis ins 17 Jahrhundert» (Onken's Allg. Geschichte, 2-te Hauptabth., 10 Theil). Воспроизводя описанный рисунокъ съ его надписью, Шиманъ переводитъ послѣднюю: «Swjätopolk an der Leiche seines Vaters» и поясняетъ: «er hebt mit seiner Frau die in einem Schlitten liegende Leiche empor». Такимъ образомъ, Шиманъ призналъ въ двухъ отрокахъ — Святополка и его жену и понялъ такъ, что они не опускаютъ, а подымаютъ тѣло!

изъ верхнихъ сѣней или клѣти въ нижнія или въ подклѣть, — какъ это принималъ гр. Уваровъ, не соотвѣтствовало бы, по нашему мнѣнію, цѣли



Копія съ миніатюры изъ Сильвестровскаго списка Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ. Надъ рисункомъ надпись: «Святополкъ потаи смерть отца своего».

рис. I.

обряда [28]). Въ самомъ дѣлѣ, цѣлью его могло быть, — по аналогіи съ подобными же обрядами у другихъ народовъ, — «обманываніе» умершаго и

[28]) Великокняжескія постройки, судя по рисунку, были трехъ-этажныя или о двухъ этажахъ съ «вежами», «вышкою». Окна въ нихъ, особенно въ нижнихъ эта-

предохраненіе семьи отъ его возвращенія. Но спусканіе тѣла изъ верхняго этажа въ нижній, чрезъ разобранный помостъ, не достигало бы сказанной цѣли, потому что покойника все-таки пришлось бы выносить черезъ двери и ворота, а чрезъ нихъ онъ могъ бы вернуться. Выносъ черезъ окошко гарантировалъ бы болѣе, но окошки въ то время дѣлались, повидимому, слишкомъ узкими или высоко надъ землей, что̀ дѣлало пользованіе ими неудобнымъ. «Проиманіе» же забора, за которымъ находился, можетъ быть, помостъ или мостки [39]) вполнѣ соотвѣтствовало цѣли,

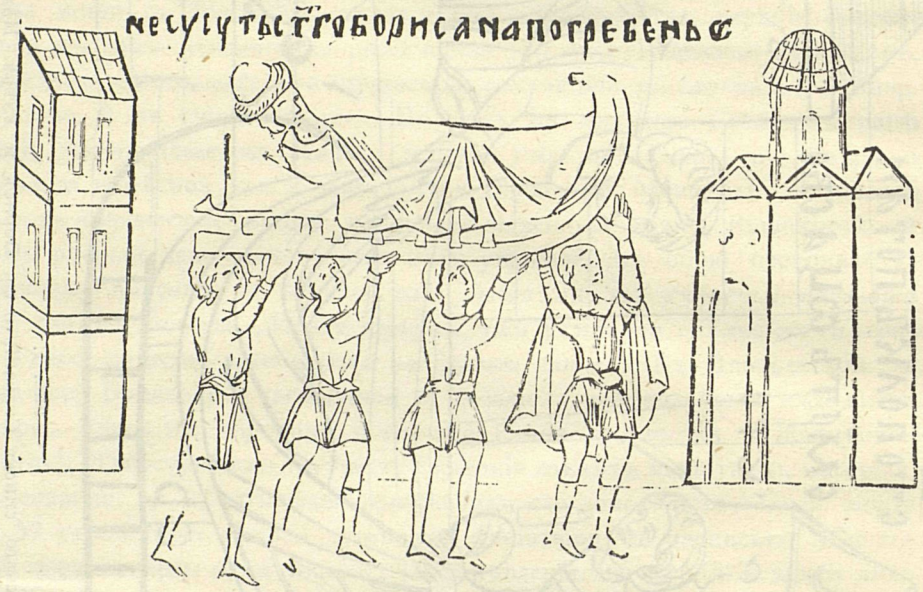


рис. II.

Уменьшенная копія съ миніатюры изъ Сильвестровскаго списка. Перенесеніе въ саняхъ тѣла св. князя Бориса.

жахъ, были узкія, можетъ быть изъ предосторожности, ибо крѣпкое зданіе съ его заборомъ могло, въ случаѣ надобности, служить укрѣпленіемъ. Полъ или «середъ» въ сѣняхъ, по гр. Уварову, былъ досчатый или изъ дубоваго кирпича (торца). Гр. Уваровъ полагаетъ, что при кончинѣ вел. кн. Владиміра служители его «разобрали въ сѣняхъ кирпичный мостъ или помостъ, спустили на веревкахъ тѣло въ нижнее пространство, расположенное подъ крыльцомъ, и вывезли его въ церковь Богородицы». См. гр. *Уваровъ*, «Жилище». статья въ «Матеріалахъ для Археол. Словаря», въ «Древностяхъ» II, вып. 2.

[39]) Такъ можно предполагать, судя по рисунку, ибо часть забора, чрезъ которую пускаютъ тѣло, замѣтно выше нижней части тѣла отроковъ, скрытой за заборомъ, Мостки могли служить для сообщенія между двумя зданіями — собственно дворцомъ и, вѣроятно службами, а также, въ случаѣ надобности, для защиты отъ нападенія такъ какъ на нихъ могла стоять стража и стрѣлять черезъ заборъ въ нападавшихъ.

потому что оно могло быть легко выполнено (и легко же исправлено) и въ то же время вполнѣ предохраняло отъ прихода умершаго, который еслибы подошелъ къ забранной оградѣ, не могъ бы чрезъ неё проникнуть [40]).

Другая интересная миніатюра находится на 79 стр. «Сказанія», противъ словъ: «и положиша тѣло его, принесоше Вышегородѣ у церкви святаго Василія, въ земли погребоша ѝ». На рисункѣ представлены четыре человѣка безъ шапокъ, три въ подпоясанныхъ рубахахъ, а четвертый, передній, сверхъ того въ плащѣ, какъ они несутъ на головахъ сани съ положеннымъ въ нихъ тѣломъ князя Бориса. Князь лежитъ въ саняхъ, одѣтый, въ шапкѣ съ мѣховымъ околышемъ и покрытый полостью (пеленою); сани имѣютъ полозья, загнутыя напереди вверхъ и взадъ. Влѣво, на рисункѣ, представленъ двухъэтажный домъ [41]), вправо — церковь объ

рис. III.

Уменьшенная копія съ миніатюры изъ Сильвестровскаго списка. Перевезеніе въ саняхъ мощей св. Глѣба въ новую церковь.

---

[40]) Интересно, что слѣдъ спусканія гроба черезъ ограду сохранился и до сихъ поръ въ Малороссіи. По словамъ Васильева («Къ малорусскимъ похороннымъ обрядамъ», въ «Кіев. старинѣ», 1889, гл. XXV, стр. 636) «Подъ Ромнами «труну» не проносятъ черезъ ворота, а передаютъ черезъ «тынъ»: значеніе этого неизвѣстно».

[41]) Собственно домъ трехъэтажный, но въ нижнемъ этажѣ нѣтъ оконъ, — новое подтвержденіе тому, что въ то время дома строились съ извѣстными приспособленіями на случай внезапнаго нападенія, и что спусканіе умершихъ черезъ окно было неудобоисполнимо.

одной главѣ. Изображенъ, повидимому, тотъ моментъ, когда сани принесли къ церкви и готовятся опустить ихъ на землю, чтобы внести мощи. Надъ рисункомъ надпись киноварью: «несуть святаго Бориса на погребенье». Очевидно рисовальщикъ XIV вѣка понималъ слово «принесоше» такъ, что принесли въ саняхъ, согласно тому, какъ это дѣлалось, вѣроятно, въ его время, въ XIV в. На 128-й страницѣ помѣщенъ другой рисунокъ, на которомъ представлены сани со стоящимъ въ нихъ каменнымъ гробомъ св. Глѣба (форма гроба, какъ у извѣстной мраморной гробницы Ярослава), передъ церковью, въ двери которой тащитъ сани одинъ человѣкъ за «ужи». За санями идетъ епископъ, влѣво отъ него—дьяконъ, держащій митру, сзади человѣкъ въ плащѣ (князь). Надъ рисункомъ надпись: «везуть святаго Глѣба на санкахъ въ рацѣ каменѣ». (См. рис. III). Этотъ рисунокъ относится къ перенесенію мощей въ новую деревянную церковь при Изяславѣ. Надъ описаннымъ рисункомъ помѣщенъ другой съ надписью: «несуть святаго Бориса». Представлена та же церковь, и къ ней идутъ: епископъ, дьяконъ, а за ними три князя, въ корзнахъ, несущіе на плечахъ деревянную раку св. Бориса. Въ данномъ случаѣ мы видимъ, слѣдовательно, что болѣе легкій деревянный гробъ несли на рукахъ, тогда какъ болѣе тяжелый каменный везли въ саняхъ, какъ это было и при новомъ перенесеніи мощей Владиміромъ Мономахомъ. Но по отношенію къ первому погребенію св. Бориса, когда тѣло его, безъ гроба, несли въ саняхъ, подобное объясненіе неприложимо и мы имѣемъ, дѣло очевидно, просто съ обычаемъ. То же слѣдуетъ сказать и относительно перевезенія на саняхъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, тѣла великаго князя Владиміра.

Въ лѣтописи мы встрѣчаемъ еще нѣсколько извѣстій объ употребленіи саней при похоронномъ обрядѣ. Такъ о погребеніи вел. кн. Ярослава говорится, что сынъ его, Всеволодъ, «спрята тѣло отца своего, *възложше на сани везоша ѝ Кыеву* (изъ Вышегорода), попове поюще обычныя пѣсни». Ярославъ скончался 19 февраля, когда еще могъ быть снѣгъ, такъ что это извѣстіе, само по себѣ, не доказываетъ еще какого-либо особаго употребленія саней при погребеніи. То же можетъ быть замѣчено и относительно перевезенія тѣла Ярополка Изяславича (1086), убитаго какимъ-то злодѣемъ Нерадцемъ на пути въ червенскій Звенигородъ. Отроки Ярополковы отвезли его тѣло во Владиміръ и изъ Владиміра въ Кіевъ, «лежащу (Ярополку) на возѣ», причемъ этотъ возъ, на миніатюрѣ Кенигсбергскаго списка, представленъ въ видѣ саней [42]). Но Ярополкъ былъ убитъ въ концѣ ноября, когда тоже уже могъ быть снѣгъ. Убѣдительнѣе свидѣтельство лѣтописи о похоронахъ Изяслава Яросла-

---

[42]) *Карамзинъ*, II, прим. 89. — Въ Лаврентьевской лѣтописи сказано однако: «Лежащю ѝ ту на возѣ, саблею съ коня прободе ѝ (проклятый Нерадець)», но затѣмъ: «Ярополка вземше отроци на конь передъ ся... несоша и Володимерю, а оттуду Кыеву», т. е., какъ будто нѣсколько отроковъ положили трупъ передъ собой на коней (поперекъ?) и такъ «несли» его. Это позволяетъ, предполагать не былъ ли «возъ» — въ данномъ случаѣ — телѣгой.

вича (подъ 1078 г.): «Убьенъ бысть князь Изяславъ (на Нежатинѣ нивѣ) мѣсяца октямбря въ 3 день, и вземше тѣло его, привезоша ѝ въ лодьи и поставиша противу Городьци; изыде противу ему весь городъ Кыевъ и *взложивше тѣло его на сани* повезоша ѝ; съ пѣснми попове и черноризци понесоша ѝ въ градъ... и принесше положиша тѣло его въ церкви Святыя Богородицы, вложивъше ѝ въ раку мраморяну» [43]). Въ началѣ октября едва ли могъ быть снѣгъ въ Кіевѣ, а между тѣмъ тѣло везется на саняхъ и только послѣ того вносится попами и черноризцами въ церковь.

Еще болѣе убѣдительно извѣстіе о погребеніи князя Михаила-Святополка, подъ 1113 годомъ. «Представися благовѣрный князь Михаилъ, зовемый Святополкъ, мѣсяца априля въ 16 день, за Вышегородомъ, и привезоша ѝ въ лодьи Кіеву и спрятавше тѣло его и *взъложиша въ санѣ*... и положиша въ церкви святаго Михаила». Въ половинѣ апрѣля въ Кіевѣ уже никакъ не могло быть снѣга.

Въ поученіи вел. кн. Владиміра Мономаха находится такое мѣсто «*сѣдя на санехъ*, помыслихъ въ души своей и похваливъ Бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади». Это мѣсто, начиная съ перваго издателя «Поученія» (въ 1793 г.), всѣ толкователи объясняютъ такъ, что выраженіе «сѣдя на санехъ» равнозначительно «будучи при дверяхъ гроба», «приближаясь ко гробу» или «стоя одною ногою въ могилѣ» [44]). Замѣчательно однако, что подобное выраженіе нигдѣ болѣе, насколько извѣстно, въ древнихъ памятникахъ не встрѣчается. Съ другой стороны еще Карамзинъ указалъ на то, что поученіе было писано на пути въ Ростовъ («се нынѣ иду Ростову») и, какъ будто, зимою («аще ли кому не люба грамотица си, а не поохритаються, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санехъ сѣдя, безлѣпицю си молвилъ»). Издатель «Старины русской земли» (Гатцукъ), правда, замѣчаетъ, что насколько ему помнится, на Руси доселѣ существуетъ поговорка: «посадить въ сани», все равно, что «на мель посадить» или «подъ корень подрѣзать», но намъ неизвѣстно, гдѣ было записано или слышано такое выраженіе.

Подъ 1288 годомъ въ лѣтописи разсказывается о кончинѣ вел. кн. Владиміра Васильковича. «Представленіе же его бысть въ Любомли городѣ, мѣсяца декабря въ 10 день... Княгини же его со слугами дворьными омывше его, и увиша ѝ оксамитомъ со круживомъ, якоже достоить царемъ, и *возложиша ѝ на сани* и повезоша до Володимеря (Волынскаго); горожане же отъ мала и до велика... съ плачемъ великимъ проводиша своего господина. Привезшимъ же ѝ во Володимерь у епископью ко святоѣ Богородици и тако *поставиша ѝ на санѣхъ во церкви*, зане бысть поздно [45])» Перевезеніе тѣла на саняхъ въ декабрѣ не представляется

---

[43]) Пол. Собр. Рус. Лѣт. I. 86.

[44]) Карамзинъ, (изд. Сленина), II, стр. 161; «Старина русской земли», изд. 3-е, 1874, стр. 8; также «Русская Старина»», 1877, дек. стр. 840.

[45]) Пол. Собр. Руск. Лѣт. II, стр. 220.

страннымъ, но интересно, что тѣло было поставлено на саняхъ въ церкви. Лѣтописецъ, правда, объясняетъ это тѣмъ, «зане бысть поздно», но такое объясненіе не совсѣмъ понятно; притомъ мы видѣли, что и тѣло вел. кн. Владиміра было, повидимому, внесено въ церковь на саняхъ и что на саняхъ же (см. миніатюру) были ввезены въ церковь и мощи св. Глѣба, при перенесеніи ихъ въ новую церковь при Изяславѣ.

Послѣ XIV в., въ XV и XVI-мъ, мы не встрѣчаемъ, насколько извѣстно, въ лѣтописяхъ упоминанія о саняхъ, на которыхъ бы несли умершихъ или везли ихъ въ церковь лѣтомъ. Мы не можемъ однако заключать отсюда, чтобы сани утратили уже въ это время свое прежнее значеніе и перестали употребляться при похоронахъ. Если пользованіе санями при погребеніи князей было дѣломъ обычнымъ, то лѣтописцу не было надобности каждый разъ о томъ упоминать. Во многихъ лѣтописяхъ (и житіяхъ) мы не находимъ упоминанія о саняхъ даже при описаніи похоронъ вел. кн. Владиміра, св. Бориса и т. д.; очевидно, многіе списатели выпускали подробности, не идущія, по ихъ мнѣнію, къ дѣлу. Если же это такъ, то мы не можемъ быть увѣрены, что когда въ лѣтописи говорится о тѣлѣ какого либо князя: «принесоша» или «привезоша», безъ упоминанія о саняхъ, чтобы въ этихъ случаяхъ тѣло неслось въ гробу или на носилкахъ, или везлось на телѣгѣ. Пользованіе санями при царскихъ похоронахъ въ XVII в. (какъ это мы увидимъ далѣе), причемъ въ современныхъ записяхъ обычай этотъ называется иногда «давнимъ», также говоритъ въ пользу существованія его и ранѣе, въ царскомъ обиходѣ XV и XVI вѣковъ. Кромѣ того, мы имѣемъ нѣсколько другихъ свидѣтельствъ, указывающихъ на употребленіе саней при похоронахъ въ указанный періодъ времени. Одно свидѣтельство дается иконой св. Петра митрополита въ Успенскомъ соборѣ, на которой, въ числѣ разныхъ эпизодовъ изъ житія святителя, изображено несеніе его тѣла къ гробницѣ. Тѣло несется священнослужителями на одрѣ (безъ гроба), имѣющемъ выгнутый къ верху передъ, какъ у саней и, повидимому, представляющемъ собою собственно сани [46]). Другое свидѣтельство мы встрѣчаемъ въ описаніи погребенія вел. кн. Василія Ивановича (1534), во второй Софійской лѣтописи: «Тогда же взяша тѣло великаго князя... старцы Троицкые и Осифовскіе и понесоша его на головахъ... Великую же княгиню Елену *несоша ея изъ еѣ хоромъ въ санѣхъ* на себѣ дѣти боярскые, а съ нею шли бояре»...

Въ Воскресенской лѣтописи о томъ же погребеніи сказано короче: «и понесоша великаго князя въ церковь... А на погребеніи были великая

---

[46]) Копія съ этой иконы имѣется въ Историческомъ музеѣ. Икона писана, повидимому, въ XVII вѣкѣ, но представляетъ, очевидно, копію съ болѣе древней. Святитель представленъ сидящимъ и благословляющимъ съ открытыми глазами и прислоненнымъ спиною къ выгнутому передку саней. Въ «Житіи Петра митрополита» (Книга Степенная, ч. I) о выносѣ тѣла святителя сказано: «И на одръ святаго поставльше, къ церкви понесоша, яко же обычай есть мертвымъ творити... И одръ убо съ мощьми къ гробу принесше... поставляютъ его въ немъ, мѣсяца декабря въ 21 день...

княгиня Елена, да братья его» и т. д., безъ упоминавія о саняхъ. Но извѣстіе Софійской лѣтописи перешло въ Царственную книгу, списокъ которой, находящійся въ Синодальной библіотекѣ (№ 149), украшенъ любопытными миніатюрами, дѣланными, по мнѣнію Буслаева, вѣроятно новгородскими мастерами [47]). Одна изъ миніатюръ изображаетъ и выносъ тѣла вел. кн. Василія Ивановича. Представленъ Кремль: на переднемъ планѣ верхи стѣнъ, на заднемъ — соборъ. Тѣло несется на одрѣ, безъ гроба, на плечахъ, монахами и боярами: за тѣломъ идутъ духовенство, князья, придворные и несутъ овдовѣвшую царицу въ саняхъ. Царица сидитъ одна, съ покрытою головою и, повидимому, утираетъ слезы кулаками, закутанными одѣяніемъ. Сани походятъ своею формой на изображенныя въ Сильвестровскомъ спискѣ Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ, только повидимому онѣ нѣсколько болѣе украшены рѣзьбою и снабжены болѣе креслообразнымъ задкомъ. Около саней и за ними идутъ бояре и боярыни, на заднемъ планѣ виднѣется народъ. Описанныя похороны интересны тѣмъ, что онѣ доказываютъ употребленіе саней, во время похоронной процессіи, для несенія живыхъ, именно вдовы умершаго; какъ увидимъ

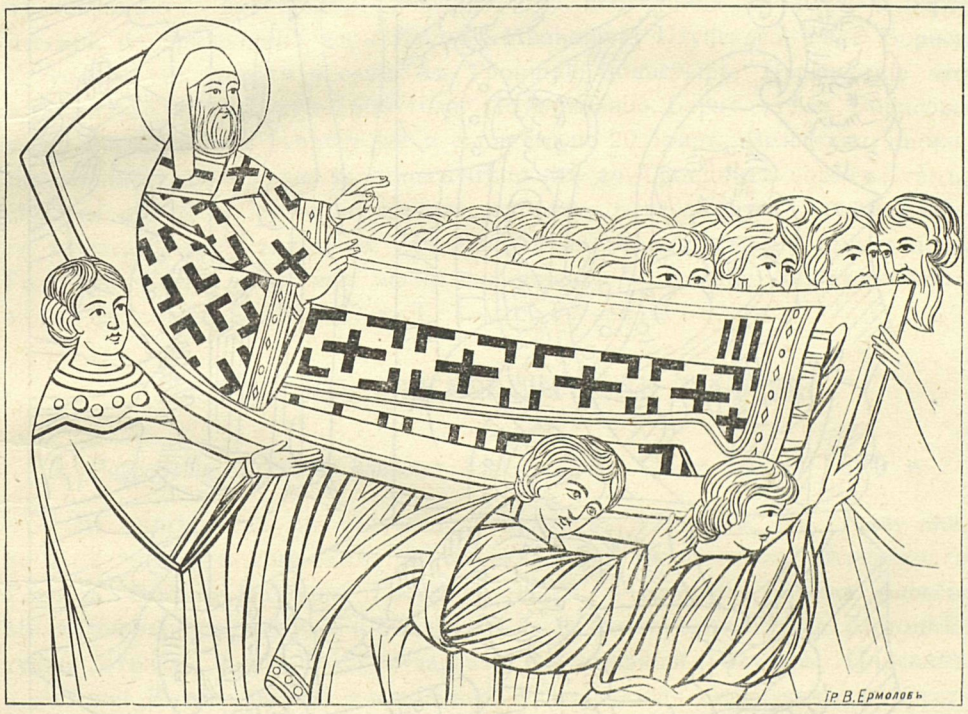


рис. IV.
Выносъ тѣла св. Петра, митрополита Московскаго. Уменьшенная копія съ иконы, находящейся въ Успенскомъ соборѣ (а въ копіи и въ Историческомъ музеѣ).

---

[47]) *Буслаевъ,* Очерки, I стр. 308 — 310. Царственная книга была, повидимому, одною изъ любимыхъ въ царскомъ обиходѣ. Экземпляръ ея былъ и у царевича Петра. См. статью *Забѣлина:* Дѣтство Петра Великаго въ «Опытахъ исторіи и древностей I».

далѣе, случай этотъ не былъ исключительнымъ, и отъ XVII вѣка извѣстно еще нѣсколько, когда и тѣло умершаго, и вдова покойнаго неслись одинаково до церкви (а вдова иногда и обратно въ хоромы) въ саняхъ [48]).

Отъ XVII вѣка мы имѣемъ вообще наиболѣе обстоятельныя описанія царскихъ похоронъ (особъ царскаго дома). Описанія эти относятся ко времени Алексѣя Михайловича и особенно его преемниковъ. Въ «Дворцо-

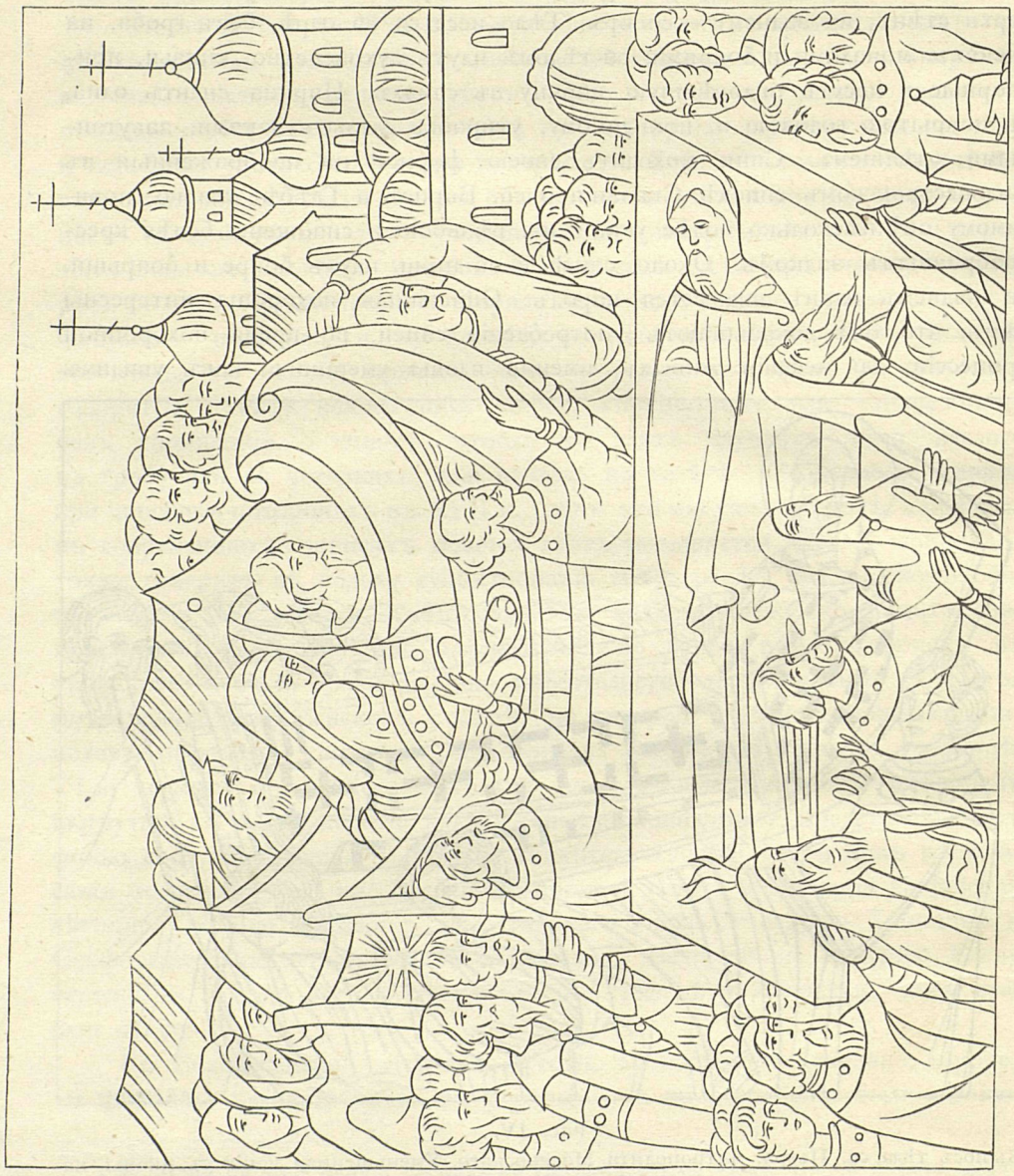


рис. V.
Копія съ миніатюры изъ Царственной книги. Процессія съ тѣломъ вел. кн. Василія Ивановича.

[48]) О погребеніи царя Ѳедора Ивановича въ лѣтописи (Лѣт. по Никон. списку VII. 1791, стр. 556) сказано: «Вземъ честныя мощи... принесоша въ соборную церковь Архистратига Михаила. По семъ же благочестивую царицу тамо *принесоша*...» (но не сказано на чемъ; надо полагать тоже на саняхъ).

выхъ разрядахъ», отчасти также въ «Выходахъ Государей» и другихъ записяхъ, похороны царскія описаны обыкновенно съ большими подробностями. Между прочимъ мы встрѣчаемъ въ нихъ часто упоминаніе и о саняхъ, съ показаніемъ даже, какъ были они убраны, кто ихъ несъ, гдѣ ставили и снимали съ нихъ гробъ и т. д. Намъ удалось найти всего девять описаній, въ которыхъ упоминается о саняхъ, и, въ виду ихъ интереса для нашей темы, мы приводимъ ихъ въ подлинникѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, выпуская лишь не имѣющія для насъ значенія подробности. Всѣ эти похороны относятся ко времени съ 1670 по 1706 годъ, но что сани употреблялись при погребальномъ обрядѣ и ранѣе, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ и даже при Василіи Ивановичѣ, доказываетъ, вопервыхъ, выписка изъ расходныхъ дворцовыхъ книгъ, помѣщенная въ сочиненіи Забѣлина, «Бытъ русскихъ царицъ», въ которой подъ 18-мъ августа 1644 г. сказано: «Къ государю въ хоромы $16^1/_2$ аршинъ камки бѣлой куфтерю да 18 аршинъ бархату чернова, принявъ окольничій В. И. Стрѣшневъ, а сказалъ — та камка бѣлая государинѣ царицѣ и вел. кн. Евдокѣѣ Лукьянишнѣ на саванъ, а бархатъ черный на выносные сани, на покрышку»; вовторыхъ, свидѣтельство иностранца М. Бэра о перенесеніи, по приказанію царя Василія Ивановича Шуйскаго, тѣлъ Бориса Годунова, его супруги и сына въ Троицкій монастырь. Перенесеніе это происходило въ августѣ 1606 года. По описанію Бэра: «тѣло Борисово несли 20 монаховъ, супругу же и сына его по 20 бояръ. Вельможи, иноки, священники провожали усопшихъ пѣшкомъ до Троицкихъ воротъ; тамъ, сѣвъ на коней, и *гробы поставивъ на сани*, отвезли ихъ въ монастырь съ торжественною тишиною. Позади ѣхала въ *закрытыхъ саняхъ* дочь Годунова Ксенія, испуская жалобные вопли» («Сказанія современниковъ о Дм. Самозванцѣ». Изд. 3-е, Т. I, стр. 80 — 81).

ВЫПИСКИ ИЗЪ ОПИСАНІЙ ЦАРСКИХЪ ПОХОРОНЪ.

1. Погребеніе царевича Алексѣя Алексѣевича, 18-го января 1670 г.

Въ нынѣшнемъ въ 178 годѣ, Генваря въ 17 числѣ, въ 7 часу дня, во 2-ой четверти того часа, въ понедѣльникъ, изволеніемъ Всесильнаго Господа Бога, — Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, благоцвѣтущая отрасль, сынъ Его Государевъ, Благовѣрный Государь, Царевичъ и Великій Князь Алексій Алексіевичъ... отъ житія сего отъиде и преселися въ вѣчное блаженство небеснаго царствія, отъ рожденія своего въ 16 лѣто. И по представленіи Его Государевѣ, Генваря въ 18 числѣ, въ 4 часу дня, въ началѣ передъ литургіею, изъ Его Государевыхъ хоромъ тѣло Его Благовѣрнаго Государя, Царевича... несли во гробѣ стольники комнатные. А тѣло Царевича и гробъ покрыто было объярью серебряною. А *у переградныхъ дверей изготовлены сани, обиты бархатомъ червчатымъ, и гробъ и тѣло поставлено въ тѣ сани подъ тѣмъ же покро-*

волъ. А сверхъ того прежняго покрова, тѣло и гробъ и сани покрыты оксамитомъ золотымъ. И отъ переградныхъ дверей тѣло... Царевича, Постельнымъ и Краснымъ крыльцомъ, на середнюю лѣстницу до соборныя церкви Архангела Михаила несли стольники, перемѣняясь. А изъ хоромъ до церкви Архангела Михаила передъ тѣломъ... шли со святыми иконы священницы и діаконы, а за ними шли пѣвчіе дьяки государевы и патріарши и пѣли надгробное. А по томъ шли преосвященные митрополиты и архіепископы и епископы и архимандриты и игумены, прежъ съ нижняго чина. А за ними несли тѣло... Царевича. А за тѣломъ... Царевича шелъ отецъ его Государевъ, Благовѣрный Вел. Гос. Царь и Вел. Кн. Алексій Михайловичъ... въ печальномъ, въ смирномъ платьѣ. А за нимъ Великимъ Государемъ шли царевичи: Грузинскій, Касимовскій, Сибирскіе, бояре и окольничіе и думные и ближніе люди и стольники и стряпчіе и дворяне и дьяки и жильцы, въ черномъ платьѣ. А какъ тѣло Благовѣрнаго Государя Царевича принесено къ церкви Михаила Архангела, и *у церковныхъ дверей тѣло Его Государево изъ саней приняли, и въ церковь внесли*, и на уготованномъ мѣстѣ среди церкви поставили стольники комнатные. И по принесеніи тѣла Его Государева въ церковь, служили литургію... А по совершеніи литургіи... служили надгробное пѣніе... А по томъ тѣло Его Благовѣрнаго Государя Царевича... по ихъ государскому обыкновенному чину, положено въ той Соборной церквѣ Архангела Михаила»... («Древняя Росс. Вивліоѳика», 2-ое изд. XIV., М. 1790., стр. 65 — 94). [49]).

2. Погребеніе Царя Алексѣя Михайловича, 30-го января 1676 г.

«Генваря въ 30 день, въ недѣлю Мясопусную, Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Алексѣевичъ... изволилъ быть на выносѣ и на погребеніи тѣла отца своего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя Ц. и Вел. Кн. Алексѣя Михаиловича... А на Великомъ Государѣ было платья: опошень, зуфь черна; ферези, тафта черножъ, исподъ черева лисьи; зипунъ, тафта черна, вмѣсто обнизи ожерелье бархатъ вишневъ; шапка, сукно черно съ пухомъ; посохъ индѣйскій черной. Стряпни было: полотенцы въ коричневомъ сукнѣ, а подножья и стула не было, для того, что Великаго Государя несли въ креслахъ [50]). А на вы-

---

[49]) Въ дѣлахъ Разряднаго Приказа (въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи), въ «записныхъ книгахъ» имѣется еще запись о погребеніи царевича Симеона Алексѣевича, умершаго четырехъ лѣтъ въ 1669 г., 12-го іюня. Она приведена г. Труворовымъ въ «Русск. Старинѣ», 1889 г., май, стр. 452 — 453. Въ ней выносъ тѣла описывается почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ и въ записи о погребеніи царевича Алексѣя Алексѣевича, причемъ такъ же упоминается, что «у переградныхъ сѣней изготовлены были сани, обиты сукномъ червчатымъ, и гробъ и тѣло поставлены въ тѣ сани» и что «у церковныхъ дверей изъ саней гробъ съ тѣломъ... до мѣста несли стольники комнатные».

[50]) Кресла — по крайней мѣрѣ у насъ, въ Россіи, — выказываютъ нѣкоторое родство съ санями. Въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ «кресломъ» называются «простыя дорожныя сани, съ обвязкою и отводами». — «Креслить сани» = обвязывать ихъ креслами (Даль).

носѣ блаженныя памяти Вел. Гос. Ц. и Вел. Кн. Алексѣя Михаиловича... тѣло во гробу покрыто было егожъ Великаго Государя царскимъ платномъ, бархатъ виницѣйскій золотной оксамиченъ, по немъ травы шолкъ червчатъ да зеленъ, круживо низано жемчюгомъ, безъ пугвицъ; а поверхъ платна покрыто было аксамитомъ по золотной землѣ петелчатымъ, по немъ коруны и травы золоты съ серебромъ; кровля гробовая была покрыта объярью по алой землѣ, по ней полосы серебрены, межъ полосъ травы золоты. А изъ деревяныхъ хоромъ тѣло блаженныя памяти Великаго Государя несли въ Передніе сѣни на рундукъ, а съ рундука въ Проходные сѣни, что передъ Золотою палатою Государыни Царицы, и на Постелное крылцо; а *на Постелномъ крылцѣ гробъ съ его Государевымъ тѣломъ поставленъ въ сани и на саняхъ несенъ* Постелнымъ и Краснымъ крылцомъ, а съ Краснаго крылца середнею лѣсницою, въ соборную церковь Архангела Михаила». («Выходы Государей Царей и Великихъ Князей, Михаила Ѳеодоровича, Алексія Михаиловича и Ѳеодора Алексіевича». (1632—1682). М. 1844., стр. 617). Въ «выписи о погребеніи царя Алексѣя Михайловича» (въ архивѣ св. Синода) значится еще: «*Государыню Царицу и Великую Княгиню Наталію Кирилловну несли изъ церкви въ верхъ въ саняхъ*, рундукомъ, на среднюю лѣстницу». («Рус. Старина», 1887. Дек. стр. 840).

3. Погребеніе Царицы Агаѳіи Симеоновны, 15-го іюля 1681 г.

«189 году, іюля въ 14 день и часъ, въ четвертокъ представилась Благовѣрная Царица и Великая Княгиня Агаѳія Семеоновна... И какъ патріархъ пришелъ въ соборную церковь, и по облаченіи ходъ по мощи, два креста хрестальныхъ и образъ Богородицы запрестольной и рипиды шли въ верхъ со звономъ; звонъ прежняго обычая къ погребенію. И взявъ мощи съ подобными надгробными пѣніи, несли въ Вознесенской монастырь со звономъ, во первыхъ хоругви, потомъ діакони, за ними кровлю гробную несли дворяне, потомъ священники... протопопы, игумены и архимандриты, за ними первая патріархова станица пѣвчихъ, по томъ образъ Богородицы, которой у гроба стоялъ, несъ протопопъ Спаской, за образомъ патріархъ, за нимъ архіереи, по томъ пѣвчіе второй крылосъ, по нихъ мощи, за мощами боляре и прочіе чины, а Государь въ провожденіи и на погребеніи не былъ, скорби ради. И какъ мощи на монастырь внесли, то у святыхъ вратъ была ектенія надъ ними, а *въ ектенію мощи на рукахъ держали, кои были въ саняхъ*, и дошедъ церкви, *выняли мощи изъ саней* и гробъ поставили среди церкви»... («Росс. Вивліоѳика». 2-ое изд. Т. XI, стр. 207 — 208) [51]).

---

[51]) Въ расходныхъ дворцовыхъ записяхъ, приведенныхъ Забѣлинымъ въ приложеніи къ его труду: «Дом. бытъ русск. царицъ». Прил. стр. 145; подъ статьей 101, значится: «А по представленіи еѣ великой государыни царицы подано въ хоромы: на саванъ камки бѣлова куфтерю 13 арш... На кровлю гроба, чѣмъ покрытъ

4. Погребеніе Царя Ѳедора Алексѣевича, 28-го апрѣля, 1682 г.

«Апрѣля въ 28 день въ пятокъ, въ 3-мъ часу дня, въ первой четверти, былъ благовѣстъ въ большой колоколъ, изрѣдка, къ выносу блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича... тѣла его государскаго... И облачась во архіерейскія одежды, изъ соборной церкви святѣйшій патріархъ, и митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты и игумены, протопопы, ключари, и соборные и приходскіе священницы и діакони, и весь освященный соборъ, во облаченіяхъ со крестами и со иконами, шли въ верхъ, для выносу государскаго тѣла, среднею лѣстницею Краснаго крыльца. И въ то время былъ звонъ перемѣняясь во всѣ колокола изрѣдка, а народомъ раздавали свѣщи. А съ верху святѣйшій патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, со крестами и съ иконами, шли въ соборъ Архангела Михаила въ 5-мъ часу дня, въ послѣдней четверти; а за крестами несли государское тѣло стольники и стряпчіе, подъ аксамитомъ, и шли бояре, и окольничіе, и думные, и ближніе люди въ черномъ платьѣ; и за государскимъ гробомъ *несли благовѣрную Государыню Царицу и Великую Княгиню Марѳу Матвѣевну на черномъ сукнѣ;* а за царицею шелъ Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ... въ смирномъ платьѣ, и за Великимъ Государемъ шла мать его государева Благовѣрная Царица и Великая Княгиня Наталія Кириловна. А *съ Краснаго крыльца государской гробъ и Благовѣрную Государыню Царицу и Великую Княгиню Марѳу Матвѣевну несли въ соборъ Архангела Михаила въ саняхъ стольники и стряпчіе*... И послѣ литургіи было дѣйство погребенія государскаго тѣла по чину»... («Выпись о погребеніи Царя Ѳеодора Алексѣевича», въ «Русс. Старинѣ» 1887 г., декабрь, стр. 838 — 839). Въ «Выписи», помѣщенной въ «Росс. «Вивліоѳикѣ», XI, стр. 212, не упоминается о саняхъ, а сказано только, что «взявъ мощи съ подобными надгробными пѣніи и со звономъ, несли во храмъ Архистратига Божія Михаила и поставили мощи на уготованномъ столѣ среди храма».

5. Погребеніе Царевны Маріи Іоанновны, 13-го февраля, 1692 г.

Февраля въ 13 день, въ 4 часу дня, тѣло ея Государынино изъ хоромъ вынесено въ церковь Рождества Пресвятые Богородицы, что у нихъ Великихъ Государей на сѣняхъ. И тогожъ числа, въ 5 часу дня,

---

былъ въ хоромехъ, сшито въ два полотнища, не разрѣзавъ, объярь золотная по червчатой землѣ 10 арш... На сани покровъ сшить въ два полотнища, не разрѣзавъ, аксамитъ по золотной землѣ травы золоты 12 аршинъ»... Въ «Выходахъ Государей», подъ 1681 г., іюля 14 дня отмѣчено: «Въ представленіе Вел. Гос. Царицы и Вел. Кн. Агаѳіи Симеоновны, покрытъ гробъ объярь по червчатой землѣ травы золотныя съ серебромъ; и на выносѣ покрытъ былъ тотъ гробъ и сани, сверхъ той объяри золотной, аксамитомъ золотымъ петельчатымъ... А на выносъ провожалъ Великій Государь гробъ Гос. Царицы до Краснаго крыльца и до *саней*». — Сани упомянуты также при погребеніи Вел. Кн. Ильи Ѳедоровича, 20 іюля 1681 г.

изъ тое вышепомянутые церкви тѣло ее государынино перенесено и положено въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ Вознесенскомъ дѣвичьѣ монастырѣ, въ соборной церкви Вознесенія... съ прочими ихъ государскими сродниками. А тѣло Государыни Царевны отъ церкви Рождества Пресвятые Богородицы до Красныхъ дверей, что ходятъ съ Постелнаго крылца на Красное крылцо, несли столники комнатные, а покрыто ее государынино тѣло во гробѣ аксамитомъ; а гробную дску изъ тое жъ церкви до тѣхъ мѣстъ несли столники жъ комнатные, а покрыта была дска объярью золотною. *А у тѣхъ дверей изготовлены были сани, обиты сукномъ червчатымъ и покрыты бархатомъ золотнымъ, и гробъ съ тѣломъ ее государынинымъ поставленъ въ тѣ сани* подъ вышеписаннымъ покровомъ. *И отъ тѣхъ дверей до Вознесенскаго монастыря тѣло ее государынино несли столники и дворяне,* перемѣняясь; а дску гробную несли столники 4 человѣка»... («Дворцовые Разряды», изд. по Выс. повел. Т. IV. Спб. 1855, стр. 644 — 646).

6. Погребеніе Царевича Александра Петровича, 14-го мая, 1692 года.

«200 году, Мая въ 14 числѣ, въ субботу, за три часа до свѣта, изволеніемъ Великаго Бога, Ц. и В. К. Петра Алексѣевича сынъ, благовѣрный Государь Царевичъ и В. К. Александръ Петровичъ,... отъ житія сего отъиде въ вѣчное блаженство небеснаго царствія. И того жъ числа, въ 6 часу дня, тѣло его Государя Царевича изъ его государевыхъ хоромъ вынесено и, по ихъ государскому обыкновенному чину, положено въ соборной церкви Архистратига Михаила... А тѣло его Государя Царевича изъ его государевыхъ хоромъ во гробѣ несли сквозь сѣни, что передъ Золотою палатою Государыни Царицы, черезъ Постелное крылцо до переградныхъ дверей Краснаго крылца стольники комнатные. А передъ тѣломъ несли до тѣхъ же дверей гробовую дску столники же комнатные. А какъ тѣло его Государя Царевича черезъ Постелное крылцо перенесли, и на *Красномъ крылцѣ у дверей изготовлены были сани, обиты сукномъ алымъ, и гробъ съ тѣломъ поставленъ въ тѣ сани и покрыты тѣ сани, сверхъ гробнаго покрова, бархатомъ золотнымъ... И съ того мѣста тѣло его Государя Царевича въ тѣхъ саняхъ несли* и кровлю гробную Краснымъ крылцомъ на середнею лѣстницу и до церкви Архангела Михаила столники въ черномъ платьѣ...» («Дворцовые Разряды». Т. IV, стр. 686).

7. Погребеніе Царицы Наталіи Кирилловны, 26-го января, 1694 года.

«Генваря въ 26 числѣ, въ пятокъ, въ 3 часу дня, тѣло благовѣрные Государыни Царицы и Великіе Княгини Наталіи Кириловны положено въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ въ Вознесенскомъ дѣвичьѣ монастырѣ, въ соборной церкви Вознесенія... съ прочими ихъ государскими сродники... А тѣло ее Великіе Государыни... изъ ее государынинихъ хоромъ во гробѣ несли околничіе, и столники комнатные и стол-

ники жъ ее Государыни Царицы... до переградныхъ дверей Краснаго крыльца; а гробъ покрытъ былъ бархатомъ чернымъ. *А у дверей Краснаго крылца подъ шатромъ изготовлены были, по давному обыкновенію, сани, а обиты сукномъ чернымъ и покрыты бархатомъ чернымъ же; и гробъ съ тѣломъ ее государынинымъ поставленъ въ тѣ сани, подъ вышеписаннымъ же покровомъ. И съ того мѣста тѣло ее благовѣрные Государыни Царицы въ саняхъ несли* на середнюю лѣстницу и площадью до Вознесенскаго монастыря столники и дворяне, перемѣняясь. А передъ тѣломъ ее государынинымъ несли гробную кровлю, покрыта бархатомъ же чернымъ, столники, перемѣняясь же; потомъ шли со святыми иконами и съ животворящими кресты» и т. д. («Дворцовые разряды». Т. IV, стр. 853—855).

8. Погребеніе Царя Іоанна Алексѣевича, 30-го января 1696 года.

«.... И тѣло государево изъ хоромъ его государевыхъ понесено къ погребенію дворомъ, что передъ церковью Нерукотвореннаго Спасова образа, и болшою лѣстницею и площадью, что за переградою, и на Красное крылцо въ двери, что подлѣ сѣней грановитые палаты; а несли его государево тѣло изъ хоромъ столники комнатные, а гробъ покрытъ былъ аксамитомъ золотнымъ. А передъ тѣломъ его государевымъ несли столники жъ гробную доску, а покрыта была объярью золотною. А какъ тѣло его государево изъ вышеписанныхъ дверей на Красное крылцо вынесено, *и у тѣхъ дверей на томъ крылцѣ изготовлены были сани, обиты сукномъ алымъ кармазиннымъ; и тѣло его государево во гробѣ поставили въ тѣ сани*... И отъ тѣхъ дверей несли тѣло его государево Краснымъ крылцомъ и середнею лѣстницею до соборные церкви Архангела Михаила комнатные жъ столники. А передъ тѣломъ... шли со кресты и со святыми иконы священницы и діаконы, а за ними шли государевы и патріарши пѣвчіе дьяки и подьяки и пѣли надгробное пѣніе. А потомъ шли игумены и архимандриты, а за ними архіепископы, а по нихъ митрополиты; а потомъ передъ самымъ тѣломъ государевымъ шелъ великій господинъ святѣйшій киръ Адріанъ, архіепископъ Московскій и всеа Русіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ. А за тѣломъ благовѣрнаго Великаго Государя изволилъ иттить братъ его государевъ, Великій Государь Ц. и В. К. Петръ Алексѣевичъ... въ печалномъ платьѣ. А передъ нимъ Великимъ Государемъ шли околничіе и думные дворяне и ближніе люди; а царевичи и бояре шли по сторонь его государева пути, въ черныхъ кафтанахъ... А какъ тѣло Великаго Государя принесено къ церкви Михаила Архангела, *и у церковныхъ дверей тѣло его государево изъ саней приняли, и во церковь внесли*, и на уготованномъ мѣстѣ среди церкви поставили комнатные же столники подъ прежнимъ покровомъ.... И по погребеніи тѣла его государева, Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ... и Великая Государыня Царица и Великая Княгиня Параскевія Ѳеодоровна изъ церкви Архангела Михаила изволили иттить въ свои государскіе хоромы»... («Дворцовые разряды». Т. VI, стр. 920—925).

9. Погребеніе Царицы Татіаны Михаиловны, 24-го августа 1706 года.

Въ 1706 годѣ, Августа противъ 24 числа, въ 1 часу ночи... изволеніемъ и судьбами всесильнаго Бога, В. Г. Ц. и В. К. Петра Алексѣевича... Тетка, Великая Государыня, Б. Ц. и В. К. Татіана Михаиловна отъиде въ вѣчное блаженство небеснаго Царствія. И Августа въ 24 день тѣло Ея... Благородныя Царевны... положено въ Вознесенскомъ монастырѣ... А тѣло ея... Царевны, изъ ея государыниныхъ хоромъ, во гробѣ несли стольники комнатные лѣстницею,... до площади, *а на площади гробъ съ тѣломъ поставленъ на одръ уготовленный, и тотъ одръ обитъ былъ сукномъ алымъ*, а гробъ съ тѣломъ ее Государыни Царевны покрытъ былъ атласомъ золотымъ травчатымъ, да сверхъ участкомъ (?) золотымъ. *И съ того мѣста одръ съ тѣломъ... несли...* мимо Постельнаго крыльца на Красное крыльцо до Вознесенскаго монастыря, стольники комнатные и иныхъ Московскихъ чиновъ люди, перемѣняясь. А передъ тѣломъ ея Государынинымъ несли гробную кровлю, покрыта объярью по брусничной землѣ, травы золотныя и серебряныя, дворяне, перемѣняясь... По томъ шли со святыми иконы и животворящими кресты священницы и діаконы, а за иконами и за кресты шли архимандриты и игумены, и Государынь Царицъ и Государынь Царевенъ пѣвчіи, да патріаршіе и архіерейскіе дьяки и пѣвчіе, и пѣли надгробное пѣніе, перемѣняясь. А потомъ шли архіереи... А за нимъ несли гробъ съ тѣломъ... А за тѣломъ ея изволилъ итти В. Г., Б. Царевичъ и В. К. Алексій Петровичъ,... В. Г. Б. Царица и В. К. Марѳа Матвѣевна, В. Г., Б. Ц. В. К. Параскевія Ѳедоровна,... Великая Княжна... Марія Алексіевна,... В. К. Софія Алексіевна,... В. К. Наталія Алексѣевна,... и... В. К. Екатерина Іоанновна, въ печальномъ смирномъ платьѣ со свѣщами. А предъ ними Великими Государи шли Бояре и Окольничіе и Думные и Ближніе люди, въ черныхъ французскихъ и саксонскихъ кафтанахъ, по обѣ стороны ихъ Государскаго пути. А за ними Великими Государи шли Комнатные и Ближніе же люди и Боярыни и Окольническія и Думныхъ и иныхъ Ближнихъ людей жены и стольники и стряпчіе и дворяне московскіе и дьяки и жильцы, въ черномъ же платьѣ со свѣщамижъ»... («Древняя Росс. Вивліофика», 2-е изд., т. XIV, стр. 111—121). Въ другой болѣе краткой выписи о томъ же погребеніи («Древ. Росс. Вивліофика». 2-е изд., т. XI, стр. 215) сказано: «а какъ съ верху шли и несли тѣло, звонъ заупокойный былъ, *а несли на одрѣ, а не на саняхъ*», и далѣе «и пришли въ Вознесенскій монастырь и *поставили посреди церкви на одрѣ, на чемъ несли*».

Изъ всѣхъ приведенныхъ описаній видно, что порядокъ похоронъ особъ царскаго семейства, даже малолѣтнихъ, былъ таковъ. Утромъ высшее духовенство отправлялось съ иконами и крестами въ верхъ, въ царскіе

хоромы [52]), откуда и начиналось печальное шествіе. Гробъ несли дворяне и стольники (иногда также окольничіе), какъ и «гробную кровлю» или «дску». На Красномъ крыльцѣ гробъ ставился въ заранѣе изготовленныя «выносныя» сани, обитыя обыкновенно краснымъ (рѣже, именно при погребеніи вдовъ, чернымъ) сукномъ, и которыя, вмѣстѣ съ гробомъ, неслись снова стольниками до Архангельскаго собора или Вознесенскаго монастыря. Тамъ сани ставились на землю, гробъ снимался съ саней, вносился въ церковь и ставился на приготовленное возвышеніе (столъ). За гробомъ шли царь, царевичи, бояре, думные и ближніе люди, дьяки, дворяне, стрѣлецкія головы, и т. д. Царица, царевны и боярыни принимали участіе въ похоронномъ шествіи не всегда, и при томъ ранѣе только ближайшія особы, вдова и мать, да и тѣ не шли, а были несены въ соборъ и обратно стольниками въ саняхъ. Только при погребеніи царя Ѳедора Алексѣевича, когда вдову его, царицу Марѳу Матвѣевну несли еще въ саняхъ, мать его, царица Наталья Кирилловна, шла пѣшкомъ за Государемъ Петромъ Алексѣевичемъ, какъ это говорится и о Царицѣ Прасковіи Ѳедоровнѣ въ описаніи погребенія царя Іоанна Алексѣевича. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и сани уже были оставлены: въ описаніи погребенія царевны Татіаны Михайловны (въ 1706 г.) отмѣчено, что гробъ несли «на одрѣ, а не на саняхъ» [53]). Кромѣ того, церемонія въ этомъ случаѣ отличалась еще тѣмъ, что въ шествіи принимали участіе и всѣ царевны. Новые порядки уже начали сказываться, а прошло еще 20 лѣтъ и погребеніе Государя Императора Петра Алексѣевича состоялось въ Петербургѣ уже совершенно по другому церемоніалу, сочиненному Брюсомъ, по западно-европейскимъ образцамъ.

Обратимся теперь къ разъясненію описаннаго нами на многихъ примѣрахъ обычая пользованія санями при похоронномъ обрядѣ. Мы упомянули выше о мнѣніи нѣкоторыхъ изслѣдователей, полагавшихъ, что сани, употреблявшіяся въ этомъ случаѣ, были не сани, а что-то другое. Въ своемъ «Опытѣ о древностяхъ русскихъ» [54]) Успенскій выразилъ мнѣніе, что слово «сани» «имѣло въ древности троякое знаменованіе: 1) означало обыкновенный простой зимній экипажъ; 2) одръ или повозку, на которой относили или отвозили къ погребенію покойниковъ, и наконецъ 3) родъ носилокъ, на коихъ нашивали иногда знаменитыхъ особъ, а особливо женскаго пола. Второе знаменованіе видно изъ употребленнаго В. К. Владиміромъ II въ духовной его выраженія: сѣдя на санехъ, т. е. будучи

---

[52]) Гробы царевенъ выносились сначала въ церковь Рождества Пресв. Богородицы, что̀ на сѣняхъ.

[53]) Относительно патріарховъ есть извѣстіе, что въ XVII в. гробъ ихъ несли въ церковь на одрѣ. Такъ, въ „чинѣ погребенія Патріарха Іосафа (1672) сказано: «понесли въ соборную церковь на рукахъ со одромъ протопопы и священницы». «Росс. Вивліоѳ.» VI, 33.

[54]) *Успенскій.* Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ. Изд. 2-е. Ч. I. Хар. 1818, стр. 140, примѣчаніе.

при дверяхъ гроба. Въ семъ знаменованіи слово «сани» употреблено и въ описаніи погребенія царя Ѳеодора Алексѣевича. Третье же видно изъ происшествія, бывшаго по смерти В. К. Василія Іоанновича... Супруга его, Елена Васильевна, по причинѣ огорченія не могши слѣдовать за тѣломъ супруга своего пѣшкомъ, несена была до церкви дѣтьми боярскими въ саняхъ. То же самое случилось и съ царицею Марѳою Матвѣевною». Мнѣніе Успенскаго раздѣлялъ позже Котляревскій, замѣтившій, что «подъ словомъ сани едва-ли можно въ данномъ случаѣ понимать сани въ теперешнемъ значеніи; это былъ, какъ полагалъ Успенскій, родъ особой повозки, покойной и небольшой, на ней ѣздили и лѣтомъ, её же съ мертвецомъ иногда поставляли въ церкви». Оба эти толкованія — и Успенскаго, и Котляревскаго, — по нашему мнѣнію, совершенно произвольны и ни на чемъ не основаны. Хотя названія «одръ, одра, одрецъ» и прилагаются мѣстами, въ областныхъ нарѣчіяхъ, къ обозначенію повозки, но нигдѣ эта повозка не отождествляется съ санями и нельзя доказать, чтобы она употреблялась по преимуществу для перевозки умершихъ» [55])... Въ описаніяхъ похоронъ *одръ* иногда даже противополагается санямъ; такъ мы видѣли, что въ выписи о погребеніи царевны Татіаны Михайловны положительно отмѣчено, что тѣло царевны несли «на одрѣ, а не на саняхъ». Съ другой стороны, сани — не носилки, хотя онѣ и могли иногда замѣнять послѣднія. Мы видѣли, что на миніатюрѣ, изображающей похоронное шествіе съ тѣломъ В. К. Василія Ивановича, въ Царственной Книгѣ, великая княгиня Елена Васильевна представлена несомою именно въ саняхъ, а не на носилкахъ. Притомъ носилки, уже въ Лаврентьевской лѣтописи, не смѣшиваются съ санями, какъ то доказываетъ разсказъ о Святополкѣ: «И бѣжащю ему... разслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти, и несяхуть ѝ на носилѣхъ» (П. С. Р. Л. т. I. 62). Носилки упоминаются позже въ описаніи царскихъ и великокняжескихъ свадебъ; на нихъ несли свадебные короваи. Но сани, употреблявшіяся при похоронахъ, никогда не назывались носилами; притомъ мы имѣемъ рядъ изображеній этихъ саней, не оставляющихъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это были именно сани. Мнѣніе, что подъ «санями» разумѣлась въ древности какая-то особая, небольшая и покойная повозка, невѣроятно уже потому, что въ древнее время трудно и вообразить себѣ такую повозку. Древнѣйшимъ экипажемъ у насъ была *кола;* изображеніе ея можно видѣть въ Сильвестров-

---

[55]) *Одеръ, одра́,* по Областн. Словарю и Словарю Даля, — «носилки, на которыхъ носятъ покойниковъ» (Костром., Кинеш.); — «мѣстами — одноколка, у которой двѣ грядки или дроги тащатся волокомъ, волокушка»; — «двуколесная телѣга» (Рязан., Касим.); — «родъ арбы» (Оренб.); «верхняя часть телѣжнаго кузова» (Новг., Тихв.; Псков., Опоч., Псков.) *Одръ, одрецъ* (сѣв. вост. губ.), *одеръ* (Ряз. — Тамб.), *одряна* (Тамб.) — «сноповозка, сноповая телѣга, рыдванъ, большая развалистая, на долгихъ дрогахъ, съ высокими дробинами». *Одръ, одрикъ* — (Каз.; Урал. казач.) — «долгуша, тарантасъ, телѣжный или иной кузовъ на долгихъ зыбкихъ дрогахъ»; *Одрецъ* (Волог.) — «телѣга со столбиками для перевозки сѣна». *Одръ* — «кровать, постель, ложе».

скомъ спискѣ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ. Это была, очевидно, обыкновенная телѣга, на четырехъ колесахъ одинаковой величины и, конечно, такая же тряская, какъ и современныя... Колы упоминаются иногда въ лѣтописи рядомъ съ санями, напримѣръ въ описаніи весеннихъ походовъ, когда снѣгъ быстро стаивалъ. Иногда колами пользовались и для перевозки мертвыхъ, но повидимому, только по нуждѣ или когда не заботились о «честномъ» обращеніи съ тѣломъ [56]). Наоборотъ, иногда и живыхъ возили на саняхъ лѣтомъ, это именно — раненыхъ и больныхъ, когда требовался бо́льшій покой и береженье, котораго не могли дать тогдашнія колы. Такъ, подъ 1194 г., говорится о князѣ Святославѣ Всеволодовичѣ: «и возвратися Святославъ изъ Карачева съ Юрьева дни, и ѣхаша *лѣтѣ на санѣхъ*, бѣ бо нѣчто извергьлося ему на нозѣ».

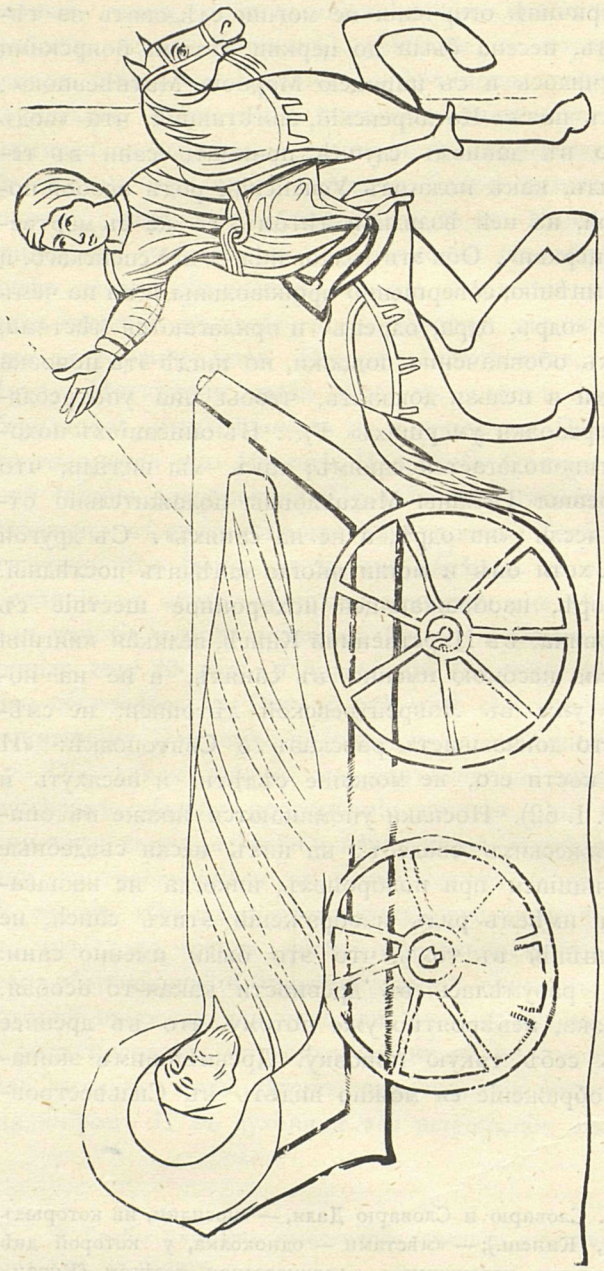


Рис. VI. Копія съ миніатюры Сильвестровскаго списка. Убитый князь Борисъ везется на колѣ.

Вмѣсто «кола» иногда употреблялось слово «возъ» а равно «телѣга», слово, заимствованное изъ тюркскихъ языковъ и употреблявшееся сначала, повидимому, болѣе въ примѣненіи къ двухъколеснымъ повозкамъ кочевниковъ: въ Словѣ о Полку Игоревѣ о Половцахъ: «крычатъ тѣлѣгы

[56]) Подъ 1146 г., въ описаніи похода Всеволода къ Галичу на Володимирка, говорится между прочимъ: «и бысть дождь и стече снѣгъ, Божіимъ промысломъ, и тако идяху *на колихъ и на саняхъ* къ городу». (П. С. Р. Л. II. 21). Подъ 1015 г.: «Бориса

полунощы, рци лебеди роспужени». Позднѣе явились мало-по-малу другіе типы колесныхъ экипажей, сначала — колымага, затѣмъ «корѣта», «коляска»,

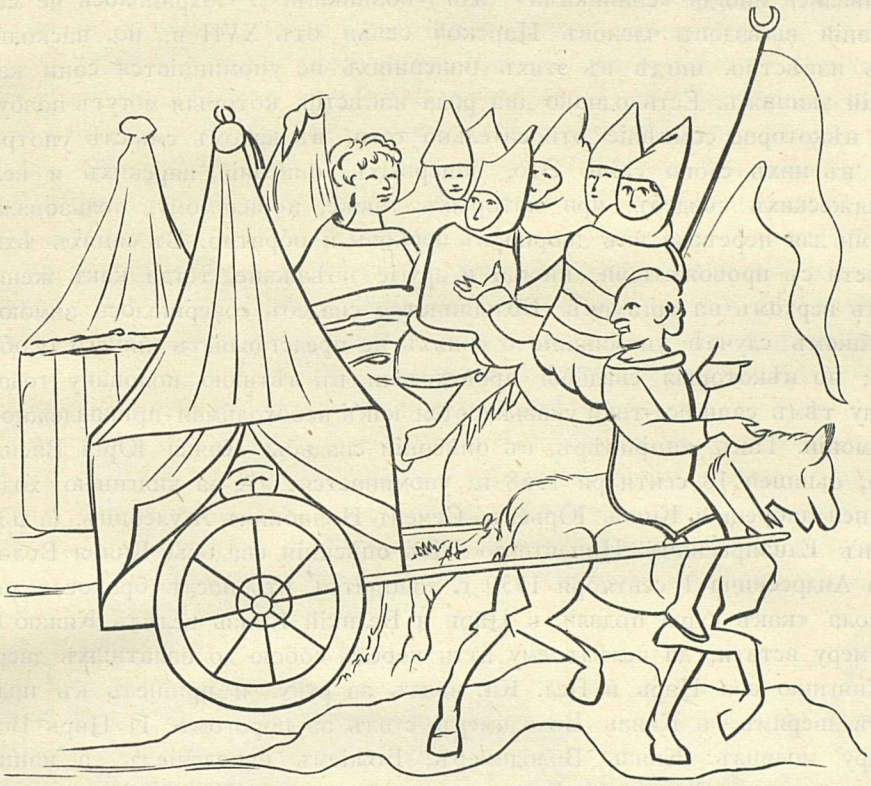


рис. VII.

Половецкая телѣга. Съ рисуика, изображающаго преслѣдованіе Половцевъ Русскими, въ Радзивиловскомъ спискѣ лѣтописи, въ библіотекѣ Академіи Наукъ (Копія въ изданіи Прохорова).

наконецъ съ Петра Великаго и иные западно-европейскіе типы [47]). Синонимами «саней» были въ древности, повидимому, «возила», (?) «дровни»;

убивше оканьніи, увертѣвше въ шатеръ, взложивше на кола, повезоша и»; подъ 1097 г. говорится, что 5 ноября Святополкъ и Давидъ заковали въ оковы Василька «и на ту ночь везоша и Бѣлугороду, иже градъ малъ у Кіева, яко 10 верстъ въ дале, и привезоша и на колѣхъ. «Здѣсь Василька ослѣпили — «и вземше и на коврѣ, взложиша на кола яко мертва и повезоша и Володимерю». (Слѣдовательно подъ Кіевомъ еще въ ноябрѣ ѣздили «на колѣхъ»). Подъ 1147 г., объ убіеніи въ Кіевѣ Игоря Ольговича говорится: «Игоря убиша... поверзьше, за нозѣ волокоша... до святое Богородицы, и ту обрѣтоша мужа, стояща съ кола, и возложьше и на кола, везоша и на Подолье».— По поводу сродства *кола* съ *колеса*, Ф. Ѳ. Фортунатовъ указалъ мнѣ, что подобная же связь значеній является между нѣмецкимъ *Rad*, литов. *ratas* — колесо, лат. *rota* — съ одной стороны и древне-индійскимъ *rathas* — колесница. — По Далю — мѣстами говорятъ еще и теперь: «поѣхалъ на колахъ», т. е. въ телѣгѣ.

[47]) *Кола, колеса*, старослав. *колесьница* имѣютъ аналогію въ древнеинд. *rathas*— «колесница», литов. *ratas* — «колесо», лат. *rota*, нѣм. *Rad*. Слово «телѣга» — заимствованное изъ тюркскихъ языковъ; у поляковъ *telega;* у болгаръ *taliga* и др. Слово *колымага*

позже прибавились парадные типы саней: «каптана», «избушка» (зимній возокъ) и т. д., причемъ запрягавшіеся въ нихъ кони (1, 2, 4, 6, 12) назывались иногда «санниками» (или «возниками»). Сохранилось не мало описаній выѣздовъ членовъ Царской семьи отъ XVII в., но, насколько намъ извѣстно, нигдѣ въ этихъ описаніяхъ не упоминаются сани какъ лѣтній экипажъ. Есть однако два рода извѣстій, которыя могутъ возбуждать нѣкоторое сомнѣніе относительно того, въ какомъ смыслѣ употреблено въ нихъ слово сани. Это, вопервыхъ, описанія царскихъ и великокняжескихъ свадебъ, при которыхъ также, повидимому, пользовались санями для переѣзда изъ дворца въ церковь и обратно. Въ саняхъ ѣхала невѣста съ провожатыми, иногда и другіе поѣзжане, тогда какъ женихъ ѣхалъ верхомъ на аргамакѣ. Большинство свадебъ совершалось зимою, и въ такомъ случаѣ упоминаніе о саняхъ не представляетъ ничего особеннаго; но нѣкоторыя свадьбы происходили въ лѣтнюю половину года, а между тѣмъ сани все-таки указываются какъ необходимая принадлежность церемоніи. Такъ, напримѣръ, въ описаніи свадьбы Князя Юрія Василіевича, бывшей 18 сентября 1548 г., упоминается: «А за княгинею ходили у саней дворецкій Князь Юрьевъ, Семенъ Ивановичъ Жулебинъ, да дьякъ Иванъ Елизарьевичъ Циплятевъ». Въ описаніи свадьбы Князя Володимера Андреевича 1 сентября 1550 г. говорится, что послѣ бракосочетанія и стола «какъ куры подали, и Царь и Великій Князь велѣлъ Князю Володимеру встати, да велѣлъ ему итти передъ собою до палатныхъ дверей, а Княгиню ево Царь и Вел. Кн. взялъ за руку, и пришелъ къ палатнымъ дверямъ, а Князь Володимеръ сталъ за порогомъ. И Царь Володимеру молвилъ: Князь Володимеръ! Божіемъ изволеніемъ, а нашимъ жалованьемъ, велѣлъ тебѣ Богъ женитися, поняти Княжну Авдотью, держи по тому, какъ Богъ устроилъ, да взялъ его за руку, далъ ему Княгиню Авдотью, и велѣлъ ему съ нею итти *до саней*, не распущаяся, а *изъ саней* вышедъ, велѣлъ ему Княгиню взять за руку, и итти съ нею вверхъ вмѣстѣ». Въ разрядѣ третьей свадьбы Царя Ивана Васильевича, бывшей въ октябрѣ 1572 г., также записано: «А за саньми Государя Царя и Великаго Князя ходити Дмитрію Годунову, да Никитѣ Дмитріеву сыну Собакину, Григорію Хитрово, да Дѣтямъ Боярскимъ Царицы и Великой Княгини». Сани упоминаются также въ разрядѣ свадьбы «Короля Арцымагнуса», бывшей въ 1573 г., и седьмой свадьбы царя Ивана Васильевича съ Маріею Ѳедоровною Нагихъ, въ 1581 г.

Въ описаніи первой свадьбы Царя Михаила Ѳедоровича, бывшей въ 1624 г. 19 сентября, тоже значится: «а у Великія Княгини у саней былъ окольничій Князь Данило Ивановичъ Долгорукой». Но всего подробнѣе описаніе второй свадьбы Царя Михаила Ѳедоровича, бывшей

также считаютъ заимствованнымъ. У Миклошича въ Словарѣ церк. слав. языка приводится *колимогъ* съ значеніемъ «палатка», «шатеръ» *(tabernaculum)*, а по поводу русскаго «колымага» — Миклошичъ въ другомъ мѣстѣ приводитъ выраженіе: «во кольмеги, рекше въ станы»; пол. kolimaga. Повидимому слово это заимствовано у кочевниковъ.

5 февраля 1626 г. Употребленіе саней въ это время года, правда, весьма естественно, но описаніе въ данномъ случаѣ интересно многими другими любопытными подробностями. «Изъ палаты шелъ Государь и Государыня сѣньми да лѣсницею, что у Грановитыя палаты, до аргамака и до саней, а подъ ними Государи слали путь камками червчатыми;.. а аргамака Государева въ то время привели съ конюшни, и сани Государынины привезли къ лѣсницѣ; и сѣлъ на аргамака Бояринъ Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ; а до лѣсницы съ конюшни аргамака вели. А какъ Государь пришелъ къ аргамаку, и ясельничій Богданъ Матвѣевъ сынъ Глѣбовъ подвелъ аргамака, и сѣдши Государь на аргамака, ѣхалъ къ Пречистой Богородицѣ площадью, а передъ нимъ Государемъ ѣхали поѣзжане, стольники и дворяне большіе, сорокъ человѣкъ... а за ними ѣхали дружки, а за дружками тысяцкій мало попередъ Государя посторонь; а бояринъ Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ шелъ пѣшъ, у Государя подлѣ коня. А Государыня ѣхала *въ саняхъ большихъ инаалцовскихъ*, обиты атласы золотными, а противъ ее сидѣли свахи, всѣ четыре, а до тѣхъ мѣстъ сидѣлъ въ санѣхъ ясельничій Богданъ Глѣбовъ. И какъ Государыня пришла къ санямъ; и Богданъ вставъ, шелъ у Государева коня, а Государыня, сѣдши въ сани ѣхала за Государемъ. А за Государынею за саньми шелъ окольничій князь Григорій Константиновичъ Волхонскій, да дьякъ Иванъ Болотниковъ, да дворяне московскіе сверстные двадцать три человѣка... а съ ними для береженія, чтобъ никто между Государева и Государыни пути не переходилъ, шли Царицыны дѣти боярскіе двадцать человѣкъ. А проѣхавъ къ церкви Пресвятыя Богородицы, слѣзъ Государь съ коня на мостки, и Государыня вышла изъ саней, и шли Государь и Государыня въ церковь въ стороннія двери, что отъ Архангела; а тысяцкій и дружка шли передъ нимъ Государемъ. А Государыню въ церковь вели подъ руку свахи большія... А съ Государемъ въ перковь шли бояре... А на Государева аргамака сѣлъ въ то время конюшій бояринъ князь Б. М. Лыковъ, а въ сани на Государынино мѣсто сѣлъ окольничій князь Г. К. Волконскій. А царицыны дѣти боярскіе въ то время берегли путь, чтобы между Государева коня и Царицыныхъ саней не переходилъ никто... А послѣ вѣнчанія, Царь и Великій Князь, взявъ Царицу за руку, шелъ отъ церкви въ тѣ же стороннія двери [48]) и

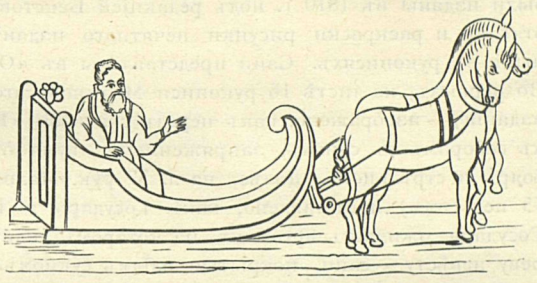


рис. VIII.

Царскія свадебныя сани Михаила Ѳедоровича, съ сидящимъ въ нихъ окольничимъ Кн. Волконскимъ. Изъ описанія второй свадьбы Михаила Ѳедоровича, въ библіотекѣ Моск. Архива Иностранныхъ Дѣлъ..

[48]) У Малоруссовъ Подольской губ. (Ушицаго у.), по Чубинскому, существуетъ обычай выходить молодымъ изъ церкви боковыми дверьми, «чтобы счастье, которое ожидаетъ ихъ въ супружеской жизни, никогда ихъ не покидало и не замѣнялось горемъ»... Тр. Экс. въ Зап. Рус. край. IV, стр. 272.

сѣдши на аргамака, ѣхалъ на дворъ; а Царица и Великая Княгиня отъ церкви ѣхала къ себѣ въ тѣхъ же саняхъ; а свахи обои сидѣли съ Царицею въ саняхъ. А путь Государя и Государыни до аргамака и до саней слали тѣ же стряпчіе. А какъ Царь и Великій Князь пріѣхалъ отъ церкви, ссѣлъ съ коня у лѣсницы, что подлѣ Грановитыя палаты, и Царица и Великая Княгиня вышла изъ саней; и Царь и Великій Князь, взявъ царицу за руку, шелъ съ нею тою же лѣсницею въ Грановитую палату. А путь подъ ними Государи слали тѣ же стряпчіе камками червчатыми. А въ то время на аргамака сѣлъ конюшій бояринъ Князь Б. М. Лыковъ и поѣхалъ къ сѣннику, и ѣздилъ около сѣнника въ то время, какъ Государь былъ въ сѣнникѣ съ голымъ мечемъ; а на Царицыно мѣсто въ сани сѣлъ ясельничій Богданъ Глѣбовъ и отвезъ на конюшню»... [49]).

---

[49]) Описанія царскихъ свадебъ помѣщены въ «Древ. Русс. Вивліофикѣ» Т. XI и XIII, и въ «Сказаніяхъ Русскаго народа» изд. *Сахарова*, ч. VI. Вторая свадьба Михаила Ѳедоровича описана особенно подробно, и сохранилось нѣсколько списковъ этого описанія, съ любопытными миніатюрами. Въ библіотекѣ. Моск. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ находится два списка: одинъ, принесенный въ даръ бывшимъ директоромъ Архива, К. М. Оболенскимъ, и другой — пожертвованный Малиновскимъ. Рисунки въ первомъ нѣсколько хуже, чѣмъ во второмъ. Всѣ эти рисунки, вмѣстѣ съ текстомъ, были изданы въ 1810 г. подъ редакціей Бекетова, причемъ однако въ подробностяхъ отдѣлки и раскраски рисунки печатнаго изданія нѣсколько разнятся отъ помѣщенныхъ въ рукописяхъ. Сани представлены въ «Описаніи» на нѣсколькихъ рисункахъ. Во первыхъ, на листѣ 16 рукописи Малиновскаго (л. 10 рук. Оболенскаго, стр. 23 печ. изданія) — изображено, какъ передъ свадьбой «Государь ходилъ молитися», т. е. ѣздилъ къ соборамъ въ саняхъ, запряженныхъ двумя бѣлыми лошадьми и въ сопровожденіи бояръ и стрѣльцовъ. Далѣе, на л. 37 рук. Малиновскаго (л. 37 рук. Оболенскаго, стр. 75 печ. изд.) представлено, какъ Государь и Государыня сходятъ съ лѣстницы, и Государя ожидаетъ аргамакъ, на которомъ сидитъ бояринъ князь Лыковъ, а Государеву невѣсту — сани, покрытыя алымъ сукномъ. За тѣмъ, на л. 39 (стр. 79 печ. изд.) изображена процессія, идущая къ собору: Государь ѣдетъ верхомъ на конѣ, за нимъ Государыня — «въ саняхъ большихъ инаалцовскихъ, обиты атласы золотными, а противъ ее сидѣли свахи всѣ четыре», и на л. 40 (стр. 81 печ. изд.), какъ, по прибытіи съ собору, Государь и Государыня шли «въ стороннія двери», на аргамака же сѣлъ бояринъ Князь Лыковъ, а въ сани — окольничій Князь Волхонскій. Наконецъ, на л. 46 (стр. 93 печ. изд.) представлено возвращеніе изъ собора — Государя на конѣ, Государыни въ тѣхъ же саняхъ, съ двумя свахами и на л. 47 (стр. 95 печ. изд.), прибытіе ихъ къ Грановитой палатѣ, причемъ на Государева коня сѣлъ опять Князь Лыковъ, а въ сани Князь Волхонскій и отвели ихъ на конюшню. На всѣхъ этихъ рисункахъ сани изображены не одинаковыми, даже когда по смыслу текста онѣ должны были бы быть тѣми же самыми. Различіе выражается какъ въ самой формѣ саней, такъ и ихъ украшеній. На л. 66 видно, что сани имѣютъ высокій передъ, съ поставленнымъ на немъ двулавымъ орломъ и красныя копылья, а сами сани желтыя — «золотныя», причемъ на л. 67 можно видѣть, что бока саней снабжены украшеніями, орнаментомъ. Но сани, изображенныя на л. 39, и л. 37, хотя, очевидно, тѣ же самыя, не имѣютъ орла, а вмѣсто него — другое украшеніе, — различіе, вызванное, повидимому, лишь неакуратностью рисовальщика или склонностью его къ разнообразію. Замѣтимъ еще, что въ расходныхъ дворцовыхъ книгахъ, выписки изъ коихъ приведены въ приложеніи къ сочиненію Забѣлина о бытѣ Русскихъ Царицъ (Приложенія, стр. 66), подъ 12 генваря 1626 г. показанъ слѣдующій расходъ, очевидно въ виду предстоявшей свадьбы:

Путешественникъ Олеарій, описывая русскую свадьбу въ тридцатыхъ годахъ XVII вѣка, говоритъ, что послѣ разныхъ обрядовъ въ невѣстиномъ домѣ, «сваха беретъ невѣсту, усаживаетъ её *въ сани* и везетъ въ церковь... Женихъ и священникъ ѣдутъ верхами... Послѣ бракосочетанія женихъ уводитъ невѣсту изъ церкви *къ санямъ*, сажаетъ ее, самъ же опять ѣдетъ за нею верхомъ. Около саней невѣсты несутъ шесть горящихъ восковыхъ свѣчей» [50]). Интересно, что Олеарій не упоминаетъ въ данномъ случаѣ о колымагѣ, которою бы замѣнялись сани лѣтомъ, хотя страницы черезъ двѣ, описывая бытъ русскихъ женщинъ, онъ говоритъ, что «княжескія, боярскія и другихъ знатныхъ лицъ жены лѣтомъ ѣздятъ въ закрытыхъ повозкахъ (Wagen), обитыхъ краснымъ сукномъ; повозками этими, поставленными на полозья, онѣ пользуются и зимою» [51]). Въ «Указѣ Свадебному чину», составляющемъ прибавочную главу Домостроя, также не упоминается о колымагѣ, а говорится только о саняхъ. «А новобрачной княгинѣ ѣхати къ вѣнчанію *въ санехъ*, а сани поволочи отласомъ или тафтою, а въ сани положить подушка бархатная или атласъ золотной на миндеръ, и въ сани послати коверъ, а миндеръ обшить сукномъ червчатымъ; да у саней держати сорокъ соболей» и т. д. [52]). Но, съ другой стороны, Котошихинъ, въ своемъ описаніи русскихъ нравовъ при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, говоритъ, что женихъ сажаетъ невѣсту «въ колымагу или каптану (сани),

---

«въ конюшенный приказъ, на иналцовскія сани, на подбивку 15 аршинъ отласу червчатаго, по рублю; на кровлю 6 аршинъ сукна багрецу червчатаго по 60 алтынъ». Изъ этой записи слѣдуетъ, что сани были обиты краснымъ атласомъ и имѣли кровлю, тогда какъ въ «описаніи» упоминается объ обивкѣ атласомъ золотнымъ, а на рисункахъ къ «описанію» — «кровли» не показано. Что значитъ названіе «иналцовскія» — неизвѣстно; Забѣлинъ не нашелъ возможнымъ его объяснить. Повидимому, оно происходитъ отъ итальянскаго глагола innalzare (inalzare) что значитъ — «поднимать, возвышать», — употребляемаго теперь болѣе въ переносномъ смыслѣ, какъ sublimare, illustrare, но въ прежнія времена — и въ прямомъ значеніи, напр. въ выраженіяхъ: «unalzai un poco piu le ciglia» (Dante, Inf. 31, 1), «questa torre fu inalzata», «innalzando lo scudo» и т. д. Если подобное производство слова допустимо, то «иналцовскія» сани будутъ — «возвышенныя, приподнятыя» и въ то же время — «торжественныя, славныя, парадныя». — Названіе «корѣта» тоже происходитъ изъ итальянскаго — «coretto, carretta», но оно перешло къ намъ черезъ Польшу (пол. «kareta). «Carretta», въ свою очередь, образовалось изъ лат. carrus, которое было заимствовано у Кельтовъ.

[50]) *Olerius,* Reise. 1-е нѣмецкое изд. 1647, S. 140; русскій переводъ Барсова (съ 3-го изд. 1663 г.), стр. 207.

[51]) *Olearius,* l. c. S. 142. (съ рисункомъ саней-возка, котораго нѣтъ въ другихъ изданіяхъ, напр. 1696 г.); въ русскомъ изданіи, стр. 211 — Барсовъ переводитъ «Wagen» словомъ карета, но это, какъ увидимъ далѣе, невѣрно.

[52]) «Указъ свадебному чину» въ «Временникѣ Общ. Ист. и Древ. VI. М. 1850». Онъ же напечатанъ Сахаровымъ въ «Сказаніяхъ русскаго народа», кн. VI, стр. 107 и слѣд., но, повидимому, съ позднѣйшаго списка. Значеніе слова «миндеръ» не совсѣмъ ясно; можетъ быть, что это была кожаная подушка. Въ описи царскихъ вещей 1682 г. миндеры значатся послѣ одѣялъ и описываются, какъ сафьяные, червчатые или желтые. См. *Савваитовъ,* Описаніе старин. цар. утварей. Спб. 1865, стр. 216. — Въ «Словарѣ» Даля — «миндера», «миндра» (сѣв. и вост.) — мелочь, обрѣзки, лоскутки.

садится на лошадь или въ сани, также и весь свадебный чинъ, и ѣдутъ со двора къ церкви» [53]). Возможно, что у частныхъ лицъ сани замѣнялись лѣтомъ колымагою, тогда какъ при царскихъ и княжескихъ свадьбахъ, когда поѣзду нужно было проѣхать только небольшое разстояніе въ Кремлѣ, сани предпочитались и лѣтомъ, особенно ранѣе, въ XVI и первой половинѣ XVII столѣтія.

Другое упоминаніе о саняхъ, могущее возбуждать нѣкоторыя сомнѣнія, встрѣчается въ описаніяхъ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ и процессій XVII вѣка. Такъ Олеарій, описывая крестный ходъ изъ дворца въ Казанскій соборъ, 22 октября 1634 г., перечисляетъ участвовавшихъ въ немъ священниковъ, иконы, хоругви, говоритъ какъ шелъ подъ голубымъ балдахиномъ патріархъ, а за нимъ, подъ краснымъ балдахиномъ — царь и наконецъ прибавляетъ. «За ними два человѣка несли красное (царское) кресло, потомъ вели царскаго коня и наконецъ ѣхали сани, запряженныя двумя бѣлыми конями». 22-го октября въ Москвѣ еще едва-ли былъ снѣгъ, да и изъ другихъ подробностей у Олеарія видно, что снѣгу въ это время еще не было, а между тѣмъ сани фигурируютъ, хотя и не для перевозки, а только (какъ и кресло, и конь) для пышности процессіи [54]). Сани вообще составляли, повидимому, въ древности наиболѣе парадный царскій экипажъ, и только къ концу XVII в. съ ними стали соперничать кареты. Богато украшенныя сани посылались иногда царями въ видѣ подарковъ; такъ извѣстно, что Лжедимитрій сдѣлалъ такой подарокъ Мнишку, воеводѣ Сендомирскому. «Въ Дневникѣ Польскихъ пословъ» объ этомъ подаркѣ сказано такъ. «18 мая, въ четвертокъ, предъ коронаціею, царь прислалъ пану воеводѣ Сендомирскому вызолоченныя сани, обитыя внутри парчею, съ парчевыми подушками, съ алымъ суконнымъ верхомъ на парчевомъ подбоѣ. Въ нихъ запряженъ былъ бѣлый жеребецъ; упряжь на немъ красная бархатная; возжи бобряныя; дуга и оглобли обернуты краснымъ бархатомъ, обвиты серебряною проволокою съ серебряными по срединѣ бляхами, съ такими же по концамъ шишками и съ красными шелковыми кистями. На хомутѣ по обѣимъ сторонамъ висѣло по сороку красивыхъ, самыхъ лучшихъ соболей. Попона была богато унизана жемчугомъ. Въ этихъ саняхъ его свѣтлость панъ воевода Сендомирскій того же дня отправился къ царю». Такимъ образомъ, несмотря на лѣтнее время, воевода Сендомирскій ѣхалъ во дворецъ въ са-

---

[53]) *Котошихинъ,* О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Спб. 1840, стр. 122.

[54]) *Olearius,* 1-е нѣм. изд., S. 41. Олеарій говоритъ, что дорога отъ дворца до церкви была устлана досками и передъ процессіей шло нѣсколько человѣкъ съ метлами которыми они подметали дорогу. — О снѣгѣ Олеарій не упоминаетъ, и только далѣе, подъ 16 декабря, описывая прощальную аудіенцію посольства у Государя, говоритъ, что «по случаю мороза и выпавшаго снѣга» (weil wegen Schnee und Frost so damals eingefallen), посольство поѣхало ко дворцу не верхами, а въ саняхъ. Все это, повидимому, доказываетъ, что 22-го октября, въ тотъ годъ, снѣгу еще не было. При послѣдующихъ изданіяхъ Олеарія приложена и гравюра, изображающая этотъ крестный ходъ. На гравюрѣ представлена вся процессія, въ томъ числѣ и парныя сани, её замыкающія.

няхъ. Устряловъ, издавшій указанный «Дневникъ», сдѣлалъ по поводу описанныхъ саней такое примѣчаніе: «слѣдовательно, это былъ родъ коляски: лѣтомъ въ саняхъ у насъ не ѣздили». Но что это были сани, едва-ли можно сомнѣваться; относительно же того, что сани употреблялись у насъ иногда и лѣтомъ, свидѣтельствуютъ какъ нѣкоторыя изъ данныхъ, приведенныхъ выше, такъ и имѣющія еще быть указанными далѣе. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что воеводѣ Сендомирскому былъ отведенъ дворецъ Бориса Годунова въ Кремлѣ, что слѣдовательно отъ него до царскаго дворца разстояніе было небольшое. Съ другой стороны, какъ же было иначе воеводѣ показать свой подарокъ и отблагодарить за него царя, какъ не проѣхаться въ присланныхъ ему саняхъ до дворца [55]).

Сани предпочитались также и въ лѣтнее время патріархами, особенно въ торжественныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, при поставленіи ихъ въ это званіе или при выѣздѣ на Красную площадь въ недѣлю Ваій. Такъ, мы имѣемъ свѣдѣніе, что патріархъ Іосифъ, при своемъ поставленіи, 27 марта 1642 г. ѣхалъ во дворецъ въ саняхъ; затѣмъ, когда онъ, вставъ изъ-за царскаго стола и выйдя къ Благовѣщенскому собору, сѣлъ на лошадь и «по чину церковному творилъ шествіе на осляти кругъ Кремля города», за нимъ ѣхали «власти» (архіепископы) и бояре «въ санѣхъ же»; возвратился онъ къ себѣ также въ саняхъ. Сани упоминаются и при выѣздѣ патріарха 29 марта, а равно 14-го апрѣля, когда онъ ѣхалъ, по приглашенію Государя, къ Золотой палатѣ, причемъ и на возвратномъ пути оттуда онъ «ѣхалъ въ саняхъ площадью на свой патріаршъ дворъ, а власти шли за нимъ пѣши» [56]). Въ концѣ XVII в. сани, однако, въ этомъ случаѣ стали уже замѣняться «каретой». При поставленіи на Патріаршескій престолъ Питирима митрополита Новгородскаго, въ іюлѣ 1672 года, новопоставленный патріархъ, выйдя изъ-за царскаго стола въ Грановитой Палатѣ, «у Краснаго крыльца сѣлъ *въ корету* и ѣздилъ около Кремля» [57]). Но еще его предшественникъ, патріархъ Іоасафъ, 16-го апрѣля 1671 г., «къ вербному дѣйству со своего патріарша двора до Лобнаго мѣста шелъ въ саняхъ прежде крестовъ» [58])... Что эти сани были настоящими санями, доказывается рисункомъ саней Крутицкаго митрополита Петра, изображенныхъ въ атласѣ къ путешествію Мейерберга, австрійскаго посла, бывшаго въ Москвѣ въ 1661 — 62 гг., причемъ въ подписи къ рисунку значится, что въ этихъ саняхъ митрополитъ «ѣздитъ какъ зимою, такъ и лѣтомъ» [59]). Такимъ образомъ патріархи и митрополиты пользовались, повидимому,

---

[55]) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Изд. 3-е Спб. 1859. Ч. II, стр. 219 и примѣч. 159.

[56]) Древ. Росс. Вивліоѳика. VI. М. 1788 г., стр. 246 слѣд.

[57]) Древ. Рус. Вивл. VI, стр. 336.

[58]) Ibid. стр. 314.

[59]) «Баронъ Мейербергъ и его путешествіе по Россіи». Спб. 1827. стр. 194. Атласъ, листъ 45.

санями, въ качествѣ лѣтняго экипажа, и для обыкновенныхъ разъѣздовъ по городу [60]).

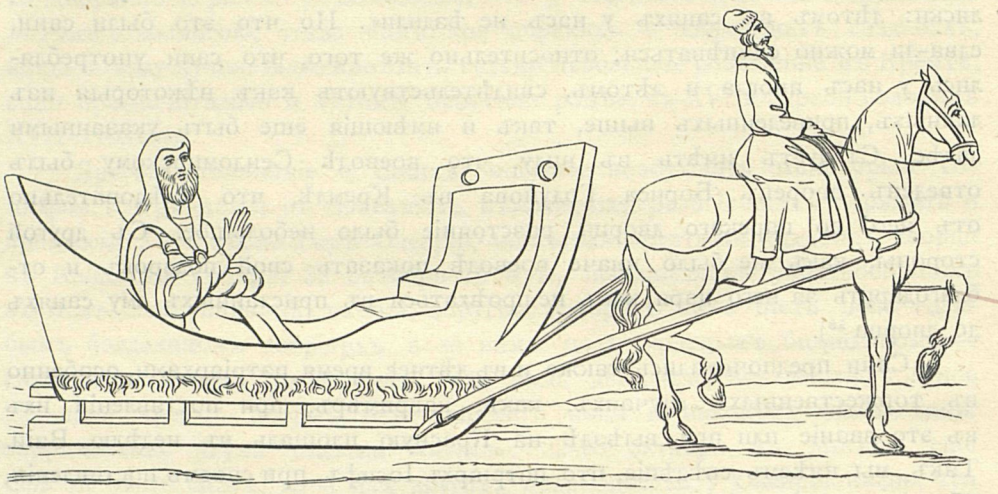


рис. IX.

Крутицкій митрополитъ Петръ въ саняхъ. Съ рисунка бар. Мейерберга (1661 — 1662). Въ этихъ саняхъ митрополитъ ѣздилъ и лѣтомъ.

Еще одно упоминаніе саней, способное возбуждать нѣкоторыя сомнѣнія, встрѣчается въ описаніяхъ обряда шествія на осляти въ недѣлю Ваій или Цвѣтоносное воскресенье. Въ этотъ день совершался крестный ходъ изъ Успенскаго собора чрезъ Спасскія (Фроловскія) ворота къ Покровскому собору (нынѣ Василій Блаженный) и, послѣ молебствія въ послѣднемъ, обратное шествіе на осляти, именно — патріархъ ѣхалъ на конѣ, убранномъ въ бѣлый суконный «каптуръ» (конь этотъ изображалъ осла), при чемъ конецъ повода держалъ самъ государь [61]). Это обратное шествіе открывалось вербой, которая еще рано утромъ ставилась около лобнаго мѣста. Она представляла дерево, украшенное искусственными листьями, цвѣтами и плодами и укрѣпленное *на саняхъ*. Въ «Дворцовыхъ Выходахъ» о ней упоминается обыкновенно въ такихъ выраженіяхъ: «А поблизку

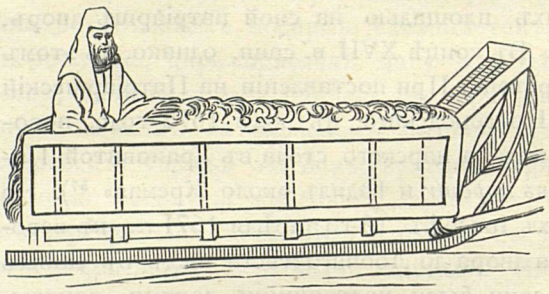


рис. X.

Другія сани одного игумена, изображенныя у бар. Мейерберга.

---

60) Сохранилось извѣстіе, что митрополита Филарета Никитича, при возвращеніи его изъ польскаго плѣна, везли въ Москву на саняхъ.

61) Бѣлый каптуръ покрывалъ голову и шею коня, котораго вели подъ устцы два дьяка, а за средину повода держалъ одинъ изъ первостепенныхъ бояръ. Патріархъ сидѣлъ на лошади бокомъ, въ креслахъ, съ крестомъ и евангеліемъ.

осляти поставлена была верба, устроена на саняхъ, а сани обиты сукномъ червчатымъ. А тое вербу наряжали изъ патріарша казеннаго приказу». Забѣлинъ замѣчаетъ по этому поводу, что «экипажъ, на которомъ устраивалась верба, назывался санями, хотя и былъ на колесахъ. Слово *сани* встарину имѣло различныя значенія; въ настоящемъ случаѣ подъ этимъ можно разумѣть колесницу. Сани обивались краснымъ сукномъ и украшались перилами или рѣшеткою, расписанною разными красками... На саняхъ, подъ деревомъ, стояли «и пѣли стихеры цвѣтоносію патріарши подъяки меншихъ станицъ», мальчики лѣтъ двѣнадцати въ бѣлыхъ одеждахъ... Остатки вербы и всѣ украшенія саней отдавались стрѣльцамъ и народу». Забѣлинъ говоритъ, что во дворцѣ, кромѣ того, всегда изготовлялись особыя, нарядныя, роскошно испещренныя вербы для государя, царицы и дѣтей. Ихъ утверждали также на маленькихъ санкахъ, обитыхъ червчатымъ атласомъ съ золотнымъ галуномъ или, для дѣтей, въ станкахъ на колесахъ [62]).

Намъ неизвѣстно, на основаніи какихъ данныхъ утверждаетъ г. Забѣлинъ, что подъ вербными санями нужно разумѣть колесницу. Правда, Олеарій, описывая вербное дѣйство, видѣнное имъ въ Москвѣ 10 апрѣля 1636 г., говоритъ, «что впереди всего везли дерево, увѣшенное яблоками, виниными ягодами и изюмомъ и поставленное на очень большія и широкія, но низкія дроги (Wagen)», но, во-первыхъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы вербу всегда возили на дрогахъ, а во вторыхъ, можно еще сомнѣваться, вѣрно ли записалъ въ данномъ случаѣ Олеарій. По крайней мѣрѣ въ выпискахъ изъ расходныхъ книгъ Патріаршаго Приказа за тотъ же годъ, подъ 7-мъ числомъ апрѣля, значится, между прочимъ, слѣдующій расходъ: «сторожемъ Омелькѣ съ товарищи ... на лыки къ *санемъ* на починку 2 деньги, да имъ же за уставку за вербу на *сани* и за обвяску 10 алт. 2 ден., да за гвоздья на прибой къ доскамъ, на чемъ подъякомъ стоять, 6 денегъ». Что вербныя сани были именно санями, явствуетъ, повидимому, и изъ расходныхъ книгъ за другіе годы. Такъ, напримѣръ, подъ 7155 годомъ, «марта въ 10 день, сторожъ Васка Шаховъ взялъ въ санномъ ряду двои дровни подъ вербу»; подъ 7136 годомъ: «апрѣля въ 10 день плотнику Афонькѣ Гаврилову корму на день 8 ден., починивалъ сани подъ вербу и вербу устанавливалъ»; подъ 139 г.: «марта 8, Казеннаго Приказу сторожу Васкѣ Шахову на двои дровни 14 алт.» и т. д.; подъ 145 г.: «плотнику, который сани вербные починивалъ, 2 алт., да ярыжному, который окалывалъ изъ олду сани 6 ден.» и т. д.; подъ 173 годомъ: «марта 14... домовому плотнику, что онъ вербу нарядную ставилъ на дровни, въ станки, за работу... гривна»; подъ 175 г.: «апрѣля 6... старцу Игнатію, что онъ устанавливалъ вербу на дровняхъ въ креслахъ, за дѣло 5 алтынъ»; подъ 180 г.: «марта 15... нарядные вербы сани отъ торга взяты на патріаршъ дворъ...; марта въ 31 день нарядную вербу въ дѣй-

---

62) *Забѣлинъ,* Бытъ русскихъ царей, 1862 г., стр. 325 слѣд.

ство, отъ лобнаго мѣста въ Кремль... везли великаго Государя возники сѣрые»...; подъ 182 г.: «по именному в. г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича указу, велѣно... къ дѣтству строить верба нарядная въ санехъ... и нарядить санную вербу цвѣтами всякими со птицы и овощми передъ прошлыми лѣты съ прибавкою, для прилучившихся въ Москвѣ Свѣйскихъ пословъ....»; подъ 198 г.: «апрѣля 11... сторожемъ за пріискъ большія санныя вербы, которую пріискали они къ устроенію на сани къ цвѣтоносной недѣлѣ»... и пр.; подъ 203 г.: «марта въ 16 день въ цвѣтоносную недѣлю... нарядное большое вербное древо отвезено на саняхъ къ Лобному мѣсту домовыми возниками, а отъ Лобнаго мѣста въ дѣйство послѣ литургіи привезено къ соборной церкви государевыми возниками...» Всѣ эти данныя, при отсутствіи въ расходныхъ книгахъ указаній на пріобрѣтеніе къ вербному воскресенью телѣгъ, починки колесъ, смазки ихъ и т. под., а равно и самые размѣры расхода на дровни и ихъ починку, все это не позволяетъ, кажется, видѣть въ вербныхъ саняхъ какой-то особой колесницы, а просто сани, нѣсколько только возвышенныя приставными досками, снабженныя иногда перильцами и покрытыя краснымъ сукномъ [63]). Что это такъ, доказываетъ и описаніе Мейерберга, видѣвшаго вербное «дѣйство» 23 марта 1662 г. одновременно съ шведскими послами. Въ атласѣ къ его путешествію, на листѣ 50-мъ, представлена вся церемонія въ тотъ моментъ, когда верба вступаетъ въ Спасскія ворота, причемъ въ подписи къ рисунку, подъ № 11 («Баронъ Мейербергъ», стр. 204)

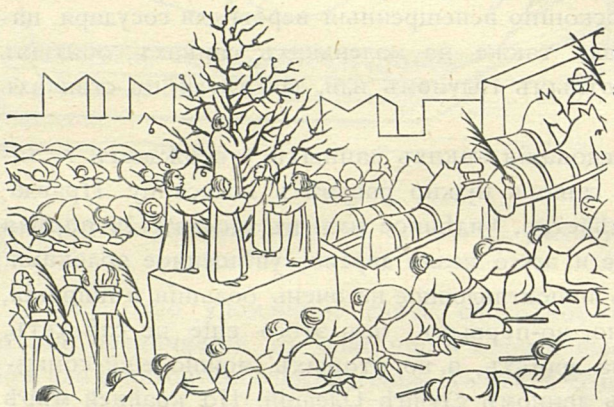


рис. XI.

Вербныя сани съ рисунка, изображающаго вербную процессію 23 марта 1662, въ моментъ ея приближенія къ Спасскимъ воротамъ, въ атласѣ бар. Мейерберга.

---

[63]) На рисункѣ Олеарія верба изображена на самомъ дальнемъ планѣ въ маленькомъ видѣ, причемъ изъ рисунка, приложеннаго къ первому изданію, явственно видны какъ самое дерево, такъ и телѣга, запряженная одною лошадью. На томъ же рисункѣ въ послѣдующихъ изданіяхъ Олеарія — верба сдѣлана уже менѣе явственно и очертанія дерева сливаются; кромѣ того, на рисункѣ Олеарія видно, что крестный ходъ съ вербой идетъ не отъ Василія Блаженнаго въ Кремль, а наоборотъ, изъ Кремля къ Василію Блаженному, какъ, вѣроятно это, и было въ дѣйствительности при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, тогда какъ при Алексѣѣ Михаиловичѣ верба стала выставляться рано утромъ около Василія Блаженнаго и шла передъ процессіей только при обратномъ крестномъ ходѣ въ Кремль. Кромѣ того, со временъ Алексѣя Михаиловича верба стала убираться богаче и сани везлись уже не одною лошадью, а цѣлой шестеркой (и даже дюжиной) «возниковъ». Къ санямъ прибивались доски (устраивалось возвышеніе), на которыхъ стояли подъяки. Украшенія вербы, а иногда и сукно, которымъ были обиты сани, растаскивались потомъ обыкновенно стрѣльцами и стрѣлецкими дѣтьми.

сказано: «Сани, обтянутыя алымъ сукномъ, на коихъ поставлено сухое дерево, обвѣшенное яблоками, подъ коимъ стояли пять отроковъ въ бѣломъ одѣяніи; сани сіи запряжены въ шесть лошадей, покрытыхъ алымъ сукномъ». На рисункѣ изображены, впрочемъ, только 4 лошади, но видно все-таки, что это сани, только возвышенныя надставленнымъ на нихъ ящикомъ. О саняхъ же упоминаетъ Болонецъ Зани, бывшій въ Москвѣ въ свитѣ польскаго посла, въ 1672 г., и видѣвшій также вербную процессію По его словамъ... «дерево окруженное перилами, было поставлено на большія сани (slitta), которыя везли двѣнадцать бѣлыхъ лошадей, въ богато убранной сбруѣ» [64]).

При обсужденіи вопроса объ употребленіи въ прежнее время саней слѣдуетъ принять еще во вниманіе состояніе тогда дорогъ и улицъ, даже въ большихъ городахъ. Дороги были часто трудно проходимы, а во многихъ болотистыхъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ дорогъ, можно сказать, не было, и ѣзда на колесахъ была почти невозможна. Въ нѣкоторыхъ глухихъ частяхъ Олонецкой, Вологодской, Костромской губерній еще и теперь колеса почти неизвѣстны, и крестьяне ѣздятъ и зимою и лѣтомъ на дровняхъ или на волокушахъ [65]). Въ прежнее время такихъ мѣстностей было, по всей вѣроятности, больше, и ѣзда въ саняхъ лѣтомъ, въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ, сохранила о себѣ память въ нѣкоторыхъ народныхъ поговоркахъ, каковы напримѣръ: «Олончане лѣтомъ воеводу на саняхъ возили», или — «во всей Онегѣ нѣтъ телѣги: лѣтомъ воеводу на саняхъ по городу возили» [66]). Въ Москвѣ улицы, во времена Олеарія, были широки, но не ровны и большею частью не мощены; въ ненастное время на нихъ вязли по колѣно въ грязи, хотя мѣстами устраивались мостки для пѣшеходовъ. Мостовыя были только въ центрѣ города, и то не каменныя, а деревянныя, изъ еловыхъ или сосновыхъ досокъ или бревенъ; о нихъ упоминаетъ еще Флетчеръ, во времена Ѳедора Ивановича, и даже Герберштейнъ въ началѣ XVI вѣка. Во второй половинѣ XVII вѣка улицы

---

[64]) Relazione della Moscovia del Cav. Ercole *Zani*, въ «Il Genio Vagante» I. 1691. p. 171 — 172.

[65]) Н. Н. Харузинъ говорилъ мнѣ, что въ Пудожскомъ уѣздѣ Олонецкой губ. ему самому приходилось ѣхать лѣтомъ, по проселочнымъ, каменистымъ дорогамъ, на саняхъ (дровняхъ). Даль говоритъ, что на волокушахъ ѣздятъ еще и теперь лѣтомъ въ глухихъ мѣстахъ, на границѣ Новгородской, Олонецкой и Вологодской губ. — Ф. Д. Нефедовъ сообщилъ мнѣ, что на саняхъ иногда ѣздятъ лѣтомъ въ Ветлужскомъ уѣздѣ (Хорошовской волости) и Кологривскомъ (Турлеевской вол.) Костромской губ. — По словамъ г. Труворова, «съ санями можно встрѣтиться и въ настоящее время на дорогѣ отъ г. Повѣнца Олонецк. губ. на Сумскій посадъ при Бѣломъ морѣ, гдѣ занемогшихъ въ пути богомольцевъ, идущихъ изъ Петербурга и другихъ мѣстъ въ Соловецкій монастырь, перевозятъ и теперь, не взирая на лѣто, также въ саняхъ, за неимѣніемъ телѣгъ».

[66]) Приведемъ еще нѣсколько пословицъ, въ которыхъ упоминается о саняхъ: «Что за обычай, лѣтомъ на колесахъ, зимой на полозу»; «Лѣтомъ на саняхъ только по просаку ѣздятъ»; «Готовь лѣтомъ сани, а зимою телѣгу»; «Не садись въ боярскія сани» (но нѣтъ пословицы, въ которой бы, вмѣсто саней, упоминались боярскія колымаги); «Люби ѣздить, люби и саночки (салазки) возить» (но — не телѣжку!).

въ Китай-городѣ вымощены были круглыми бревнами, положенными поперекъ, съ промежутками, засыпанными землей, и только двѣ главныя, — одна противъ Спасскихъ воротъ (нын. Ильинка) и другая — у Посольскаго дома (нын. Никольская) — выложены были отёсанными досками. Ѣзда по такимъ улицамъ на колесахъ не могла не сопровождаться тряской, и иностранцы особенно смѣялись на толстыхъ боярынь, какъ онѣ тряслись въ своихъ неуклюжихъ колымагахъ [67]). Неудовлетворительное состояніе дорогъ и улицъ могло быть одною изъ причинъ, почему сани предпочитались во многихъ случаяхъ, особенно когда требовалось не скорое, но болѣе покойное и удобное передвиженіе.

Съ другой стороны, слѣдуетъ принять во вниманіе типы древнихъ экипажей и состояніе въ прежнее время экипажнаго искусства. Долгое время, повидимому, единственнымъ колеснымъ экипажемъ у насъ была телѣга (кола), иногда, можетъ быть, съ простымъ на ней сидѣньемъ. Позднѣйшая колымага была, въ сущности, тоже четырехколесной телѣгой, только съ поставленнымъ на ней возкомъ. Кареты появились у насъ сравнительно поздно, и то сначала только въ царскомъ обиходѣ, гдѣ долгое время тоже составляли рѣдкость. Названіе *корѣты* получилъ, какъ думаютъ, впервые возокъ (carriage), присланный англійской королевой Елисаветой царю Борису Годунову въ 1603 г., съ отвѣтнымъ посольствомъ на его предложеніе о единодушномъ возстаніи всѣхъ христіанскихъ державъ на магометанъ. Въ книгахъ посольскихъ этотъ carriage носитъ названіе: «возокъ поволоченный бархатомъ червчатымъ»; въ позднѣйшихъ же описяхъ конюшенной казны: «корѣта большая англійская бархатная червчатая» [68]). Подобные возки на колесахъ были, впрочемъ, въ то время уже извѣстны въ Россіи; мы имѣемъ описаніе возка, подареннаго Бори-

---

[67]) *Герберштейнъ* (Записки о Московіи, пер. Анисимова, 1866, стр. 97): «Этотъ городъ (Москва)... очень грязенъ, почему на улицахъ и площадяхъ, въ лучшихъ его частяхъ, подѣланы мостки (pontes).» *Флетчеръ* (О Государствѣ Русскомъ. М. 1848, изд. Общ. Ист. и Древн., стр 12): «На улицахъ, вмѣсто мостовыхъ, лежатъ обтесанныя, сосновыя деревья, одно подлѣ другого»; во французскомъ переводѣ: «La Russie au XVI siècle». P. 1864. p. 41... «Les villes... au lieu de pavè... ont des sapins ecarris et placés les uns à coté des autres». *Олеарій* (Рус. пер., стр. 108): «лучшія улицы выложены деревянной мостовой, состоящей изъ положеныхъ одно подлѣ другого бревенъ, по которымъ ходятъ и ѣздятъ какъ по мосту». Въ 1-мъ изданіи Олеарія сказано нѣсколько иначе: «Die Gassen sind gross und weit, in derer Mitte auf der Erden runde Höltzer neben einander oder höltzerne Brücken geleget weil bey Regen und nassem Wetter ein so tieffer Kott, dass man ohne solche Brücken weder gehen noch stehen kann». По словамъ Таннера, бывшаго въ Москвѣ въ 1678 г., «spectaculum perjucundum fuit videre, quod ad minutissimum quemlibet currus motum foemineae pondus pinguedinis assidue agitaretur». См. *Ключевскій,* Сказанія иностранцевъ о Московскомъ Государствѣ. М. 1866, стр. 201. Въ Псковѣ главная улица, въ XVII в., была выложена вдоль положенными бревнами.

[68]) Посольство Елисаветы было отправлено уже при Іаковѣ I, въ лицѣ Ричарда Ли. Карета эта изображена въ «Древностяхъ Росс. Государства» Отд. 3, рис. № 133, 134. По описи — «въ корѣтѣ верхъ и передніе и задніе стѣны и подвойные полы, и столпцы и ящики обито, и одверье и отметные полы подложены бархатомъ червчатымъ... Верхъ на осми столпцахъ деревянныхъ... У корѣты по ящику рѣзаны на коняхъ люди и звѣри и травы, и золочены и росписаны разными красками... Подъ обломами

сомъ Годуновымъ жениху его дочери Ксеніи, — Іоганну, герцогу Датскому (Датскому королевичу Ягану), причемъ изъ одного иностраннаго свидѣтельства видно, что у царя въ то время было еще нѣсколько такихъ возковъ или каретъ, изъ коихъ одна, Ѳедора Борисовича, походила даже на нѣмецкія, висячія (hängenden) [69]. При Самозванцѣ нѣсколько богатыхъ каретъ (или колымагъ?) появилось въ Москвѣ съ Мариной Мнишекъ; она совершала свой торжественный въѣздъ въ Москву въ каретѣ, запряженной 12-ю чубарыми лошадьми и въ сопровожденіи еще 13 каретъ. Впрочемъ, самыя большія и парадныя колымаги, въ которыхъ сидѣла царская невѣста и ея приближенныя, были подарены ей Самозванцемъ и ожидали её отчасти на дорогѣ, передъ Смоленскомъ, отчасти при самомъ въѣздѣ въ Москву, слѣдовательно были дѣланы еще до прибытія поляковъ [70]. Что сталось съ этими каретами послѣ — неизвѣстно; вѣроятно, онѣ погибли въ періодъ смутнаго времени [71]. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ была извѣстна карета патріаршая, принадлежавшая патріарху Филарету Ники-

---

подставки желѣзныя витыя, золоченыя. Передніе столпцы рѣзные, золочены, на нихъ рѣзаны люди, и золочены и прописованы живописнымъ письмомъ» и т. д. По Вельтману («Московская Оружейная Палата. 2-ое изд. 1860, стр. 259), рѣзныя изображенія на каретѣ вполнѣ сообразны отвѣту Англіи на предложеніе царя Бориса къ общему возстанію державъ для изгнанія Турокъ изъ Европы. Англія предоставляетъ ему одному совершить этотъ подвигъ: на задней стѣнкѣ возка вырѣзано сраженіе съ Турками и единоборство витязя въ коронованномъ шлемѣ и золотой бронѣ съ турецкимъ султаномъ. Въ отдаленіи видѣнъ Иванъ Великій и Москва. На передней же стѣнкѣ царственный витязь на колесницѣ торжественно шествуетъ съ побѣды; передъ нимъ несутъ знамя съ изображеніемъ двуглаваго орла, котораго одна половина красная, другая бѣлая». Кареты этой въ Оружейной Палатѣ теперь нѣтъ.

[69]) «Возокъ — шесть лошадей сѣрыхъ, шлеи червчатыя, у возку желѣзо посеребрено покрытъ лазоревымъ сафьяномъ, а въ немъ обито камкою пестрою, подушки въ немъ лазоревы и червчаты, а по сторонамъ писанъ золотомъ и разными красками; колеса и дышло крашены», см. «*Карамзинъ*, изъ Сленина, XI, пр. 60, стр. 23. Въ «Muskowitische Reise und Einzug d. D. Fürsten, Hertzog Hansen» (Büsching's Magaz. VIII) сказано, что карета Ѳедорова походила на нѣмецкія, висячія; что верхъ кареты Царской опирался на четыре столбика съ большими серебряными шишками; что въ каретѣ царицыной могли сидѣть четыре человѣка рядомъ». См. *Карамзинъ*, XI прим. 64.

[70]) Въ «Дневникѣ Польскихъ пословъ» («Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ». Изд. 3-е. Ч. II, стр. 205) говорится: «близь моста, приготовленнаго для насъ чрезъ Москву рѣку, мы увидѣли два великолѣпные шатра, въ которыхъ царица останавливалась... Подлѣ шатровъ стояла огромная карета, необыкновенной величины, запряженная жеребцами бѣлыми въ яблокахъ; конюхи вели ихъ попарно за поводья. Внутри кареты былъ устроенъ стулъ, на подобіе трона, для царицы». Въ «Дневникѣ Марины (ibid, стр. 147) сказано, что карета эта была оправлена серебромъ, съ царскими гербами, въ 12 лошадей. Кромѣ того, въ томъ же «Дневникѣ» значится, что передъ Смоленскомъ, въ Любливѣ, Марину ожидали 54 бѣлыя лошади и три кареты съ окнами, обитыя внутри соболями (ibid, стр. 139).

[71]) Изъ сохранившихся расходныхъ книгъ на содержаніе польскихъ войскъ въ 1611 и 12 гг. значится, между прочимъ: «А въ московскую розруху разграблено: на конюшнѣ коней и конскихъ нарядовъ и возковъ и каретъ и колымагъ и коптанъ и иныхъ всякихъ конюшенныхъ запасовъ и обиходовъ, въ конюшенномъ приказѣ денегъ — 30,000 рублевъ». «М. Оруж. Пал.» стр. 287.

тичу и поступившая въ казну по смерти его отца, боярина Никиты Ивановича Романова. Въ 1656 году она была передѣлана для встрѣчи Грузинскаго царя Темураза. Въ настоящее время она составляетъ древнѣйшій экипажъ, хранящійся въ Оружейной Палатѣ. Обита она бархатомъ и имѣетъ слюдяныя окна. При Алексѣѣ Михайловичѣ кареты упоминаются не рѣдко, но, повидимому, онѣ не отличались существенно отъ колымагъ. Котошишинъ, жившій въ Стокгольмѣ и, очевидно, видавшій тамъ настоящія кареты, говоритъ: «а учинены бываютъ царицѣ и царевнамъ, для зимніе ѣзды, каптаны на саняхъ, избушками, обиты бархатомъ или сукномъ краснымъ, по обѣ стороны двери съ затворами слюдяными и съ завѣсами тафтяными; а для лѣтніе ѣзды *колымаги* сдѣланы на рыдванную стать, покрыты сукномъ же, *входятъ въ нихъ по лѣстницамъ, а сдѣланы бываютъ на колесахъ просто, какъ и простая телѣга, а не такъ какъ бываютъ кореты висячіе на ремняхъ;* и тѣ колымаги и каптаны бываютъ о двухъ оглобляхъ, а дышелъ не бываетъ, и лошадей въ нихъ запрягаютъ по одной, а потомъ прибавливаютъ и иные лошади въ припряжъ» [72]).

---

[72]) Въ описаніяхъ выѣздовъ царя Алексѣя Михайловича за городъ упоминаются какъ кареты, въ которыхъ ѣхалъ царь и царевичь съ приближенными боярами, такъ и колымаги въ 12 или 6 возниковъ, въ которыхъ сидѣли царица, царевны, боярыни. См. *Забѣлинъ*, Бытъ русскихъ царицъ, 1-е изд. 1872, стр. 390, слѣд. Въ описаніяхъ упоминаются колымаги золотныя, крытыя внутри краснымъ бархатомъ и сукномъ (тамъ же, примѣчанія стр. 72). Въ Описи Конюшенной казны 1706 г. (см. *Викторовъ*, Описаніе книгъ старинныхъ дворцов. приказовъ. Вып. II. М. 1883), значатся: «три колымаги большія, съ лица на верху обиты кожею телятинною красною, деревянные, золочены. Ящики огибные съ лица и въ нихъ писано золотомъ и красками разныхъ цвѣтовъ. Внизу ящики кругомъ и столпцы и крюки обиты сукномъ червчатымъ, по сукну прибиваны шипы деревянные, золоченые. На столпцахъ и на крюкахъ маковицы деревянные, рѣзные, золочены. Въ колымагахъ небо обито отласомъ червчатымъ, по отласу прибиваны галуны серебряные гвоздьми мѣдными, золочеными. Поясье, на чемъ колымага стоитъ, ременное, обшивано сукномъ червчатымъ. Станъ, колеса и дышла окованы желѣзомъ, крашены сурикомъ». — Упоминаніе о дышлѣ и «поясьи» — указываетъ на то, что колымаги къ концу XVII в. стали дѣлаться болѣе похожими на кареты. — Въ выпискахъ изъ расходныхъ дворцовыхъ книгъ (*Забѣлинъ*, прим. стр. 141) имѣется такое описаніе парадной колымаги: «175 г. фев. 9. государь указалъ сдѣлать въ оружейной палатѣ Царицѣ Марьѣ Ильичнѣ колымагу деревянну рѣзную противъ образца бумажнаго и росписать по золоту цвѣтными краски; вмѣсто сукна покрыть бархатомъ и подложить жолтою тафтою, а въ колымагѣ вмѣсто кожи золотной подбить отласомъ червчатымъ съ галунами, а шлеи обшить бархатомъ и положить круживо кованое серебряное.— Марта 21 столповой прикащикъ Лукьянъ Оболдуевъ сказалъ: въ новую колымагу надобно 4 креста съ мощми въ серебрѣ или въ золотѣ, а на чемъ ставить и укрѣпить надобно 20 крючковъ серебряныхъ. Миндерь бархатной, на миндерь изголовейцо мѣстное да опричь зголовейца надобно назади подушка поперегъ во всю колымагу», и т.д. Изъ описи видно, что у колымаги «на задней доскѣ вырѣзана съ живства (т. е. съ натуры) птица», «у ящика на задней доскѣ — орелъ въ клеймѣ съ коруною... да два льва съ живства» и т. п. Вставленіе извнутри въ стѣнки царскихъ колымагъ и каретъ крестовъ съ частицами мощей или иконъ было, повидимому, весьма обыкновенно въ XVII в. Одинъ образъ или крестъ находился надъ «государевымъ мѣстомъ», другой надъ «боярскимъ мѣстомъ» спереди. Въ англійской каретѣ Годунова были два креста серебряныхъ золоченыхъ, съ мощами. См. «Моск. Оруж. Пал.» стр. 259.

Слово «корета» прилагалось иногда въ XVII вѣкѣ и къ простымъ плетенкамъ на колесахъ [73]). Настоящія кареты на ремняхъ появились, повидимому, въ большемъ числѣ, лишь къ концу XVII вѣка; онѣ извѣстны были также подъ названьемъ «полукоретьевъ». Въ «Описи конюшенной казны, составленной стольникомъ Ѳ. С. Бутурлинымъ въ 1706 — 1707 гг.» показаны только двѣ большія кореты («англійская», т. е. Бориса Годунова, и «патріаршая», т. е. Филарета Никитича), а за тѣмъ слѣдуютъ «полукоретья» — на ременныхъ поясахъ; ихъ показано тоже два, одно «приведенное отъ боярина Арт. Серг. Матвѣева въ 184 году», и другое, «нѣмецкое», о коемъ отмѣчено, что оно «въ походѣ, въ с. Преображенскомъ» [74]). Наконецъ въ описи упоминается еще *коляска*, «Колычевская», «обитая сукномъ и галуномъ коричневымъ», два «*рыдвана* кожаныхъ, одинъ обитъ внутри сукномъ лазоревымъ, другой — червчатымъ», три *колымаги* «обиты кожею красною, золоченыя», нѣсколько *телегъ*, затѣмъ *сани*, *возки* и *каптаны*» [75]).

Все это разнообразіе экипажей, образовавшееся къ концу XVII вѣка, было однако присуще только царской конюшенной казнѣ. Частныя лица довольствовались лишь санями и колымагами, да и этихъ послѣднихъ было, сравнительно, мало. По словамъ Невилля, бывшаго въ Москвѣ въ 1788 г., «хотя въ Москвѣ болѣе полумилліона жителей, однакожъ найдется не болѣе

---

[73]) Въ описи имѣнія Михаилы Татищева, убитаго народомъ въ 116 году, значится, между прочимъ: «корета плетена, колеса окованы желѣзомъ, цѣна полъ два рубли». См. Временникъ Общ. Ист. и Древ. VIII. 1850, смѣсь стр. 14.

[74]) По словамъ же *Вельтмана* («Моск. Оруж. Палата», 2-е изд., стр. 258), «въ описи 1706 г., составленной съ прежнихъ описей и дополненной въ этомъ году, въ конюшенной казнѣ хранилось множество экипажей подъ названіями: корѣтъ, колясокъ, возковъ, рыдвановъ, колымагъ, каптановъ и саней, иноземной присылки и московской работы.— Полукаретье, приведенное отъ боярина Артамона Сергѣевича, имѣло верхъ, судя по описи, рознимающійся на двое: «задняя половина кладется на задніе столпцы, а подъ переднюю половину подставляется крюкъ желѣзный»... Внутри карета была обита алымъ бархатомъ, съ золотой бахрамой и мѣдными гвоздями. Стекла въ круглыхъ окнахъ по сторонамъ были слюдяныя. Въ книгахъ Архива Оруж. Палаты сохранилось описаніе еще одной, потѣшной кареты, которою, вмѣстѣ съ четырьмя темнокарими возниками, бояринъ Арт. Сер. Матвѣевъ, въ маѣ 1675 г., ударилъ челомъ Царевичу Петру. Стекла въ этой каретѣ были «хрустальные, а на стеклахъ писано цари и короли всѣхъ земель». Въ этой кареткѣ Царевичъ слѣдовалъ въ царскомъ торжественномъ выѣздѣ въ Троицкій походъ 19 сентября того жъ года. См. *Забѣлинъ*, Дѣтскіе годы Петра Великаго, въ «Опытахъ изученія русскихъ древностей». Т. I. 1872, стр. 13.— Полукоретье нѣмецкое — было съ рѣзьбою: «ящикъ рѣзной золоченой, на заднихъ и на переднихъ доскахъ рѣзаны люди и кони, и на задней доскѣ рѣзаны львы золоченые... А на передней доскѣ — змѣиная голова, рѣзная, золоченая».

[75]) Слово «коляска» Даль сопоставляетъ съ «кóло, колесо и колыхать»; кромѣ того онъ приводитъ: *коляска, колыска* Нвг., Твер., Спб. = «простая четыреколая телѣга, въ отличку отъ одноколки» и костром. = «добрая лубяная телѣга». Однако наша «коляска», очевидно, заимствована у Поляковъ (пол. *kolasa, kolaska)*, а тѣми съ запада (итал. *calesso*, испан. *calesa*, франц. *calèche)*, хотя, въ свою очередь, по мнѣнію Ф. Ѳ. Фортунатова, эти слова похожи на заимствованныя изъ славянскаго («колеса»).

300 каретъ (колымагъ)» [76]). Настоящія кареты, даже въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, были у насъ еще столь рѣдки, что «при кончинѣ Петра Великаго во всемъ Петербургѣ находилась только одна наемная, которою иногда пользовались пріѣзжіе иностранцы»; прочіе для ѣзды употребляли одноколки или ѣздили верхами. Въ Малороссіи «до 1751 г., т. е. до прибытія въ нее графа Кир. Гр. Разумовскаго на гетманство, даже у самыхъ первыхъ малороссійскихъ вельможъ не было каретъ, а ѣздили въ колясках, и слово карета весьма мало кому было извѣстно» [77]). Въ Москвѣ, въ послѣдней четверти XVII вѣка, названіе кареты придавалось часто вообще колымагамъ, и только въ такомъ смыслѣ и можно понимать это слово въ указѣ царя Ѳедора Алексѣевача 1682 года, запретившемъ излишнюю роскошь въ экипажахъ боярамъ, стольникамъ и дворянамъ [78]). Кромѣ царской семьи, въ колымагахъ ѣздили, повидимому, жены и дѣти боярскія, вообще болѣе знатныя лица; бояре же, служивые и другіе болѣе состоятельные люди ѣздили или верхомъ или въ саняхъ. Высокая (на высокой телѣгѣ) колымага, съ окнами, задернутыми занавѣсками, представляла въ тѣ времена женскаго затворничества весьма подходящій экипажъ для боярынь и боярышень, но ѣхать въ ней боярину было не особенно удобно; бояре, если не ѣхали верхомъ, предпочитали, повидимому, сани, какъ это можно заключить изъ косвенныхъ и прямыхъ свидѣтельствъ нѣкоторыхъ иностранцевъ. Такъ, Олеарій, описавъ выѣзды боярынь, лѣтомъ — въ колымагѣ, зимою въ возкѣ, говоритъ далѣе: «Лошадь, везущая колымагу или сани, увѣшивается подобно той, которая везетъ невѣсту, лисьими хвостами, что̀ представляетъ странный видъ. Подобное украшеніе мы наблюдали не только передъ санями боярынь, но и передъ санями бояръ и даже самого великаго князя, который иногда, вмѣсто лисьихъ хвостовъ, пользуется для той же цѣли красивыми черными соболями». Такимъ образомъ, упоминая о колымагахъ въ случаѣ выѣзда боярынь, Олеарій говоритъ только о саняхъ въ описаніи выѣздовъ бояръ и великаго князя [79]).

---

[76]) *Ключевскій,* Сказанія иностранцевъ, стр. 202.

[77]) *Успенскій,* l. c. I, стр. 49.

[78]) Указъ 1682 г. повелѣвалъ: Боярамъ, Окольничимъ и Думнымъ людямъ ѣздить впредь въ городъ или кто куда похочетъ, въ лѣтнее время въ каретахъ, а въ зимнее въ саняхъ на двухъ лошадяхъ; Боярамъ же въ праздничные дни ѣздить въ каретахъ и въ саняхъ на четырехъ лошадяхъ, а гдѣ имъ доведется быть на сговорахъ и на свадьбахъ, и имъ ѣздить и на шести лошадяхъ. Спальникамъ же, Стольникамъ, Стряпчимъ и Дворянамъ ѣздить въ зимнее время въ саняхъ на одной лошади, а въ лѣтнее — верхами, «а въ каретахъ и въ саняхъ на двухъ лошадяхъ вамъ никому не ѣздить», *Миллеръ,* о Дворянахъ, стр. 370.

[79]) *Olearius,* 1-е изд., S. 142. «Das Pferd so den Wagen oder Schlitten ziehet, ist gleich dem, so die Braut führet, mit Füchsschwäntzen behänget, ist seltsam anzusehen. Solchen Zierath haben wir nicht alleine vor der Frauen, sondern auch des fürnehmen Herren, ja des Grossfürsten *Schlitten* selbst gesehen, welcher bisweilen anstatt der Fuchsschwäntze, schöne schwarze Zobeln gebrauchet». Тоже и въ позднѣйшихъ изданіяхъ, напр. 1696 г. — Въ русскомъ переводѣ (П. Барсова, изд. Общ. Ист. и Др., 1870, стр. 211) это мѣсто передано невѣрно: «Лошадь, запряженная въ карету или сани, убирается подобно

Ранѣе, въ «Дневникѣ» Маскѣвича (1610—1611 гг.), мы встрѣчаемъ еще болѣе явственное различіе въ описаніи выѣздовъ боярынь и бояръ. «Если случится боярынѣ, говоритъ онъ, въ торжественный праздникъ отправиться въ большую церковь, она выѣзжаетъ въ колымагѣ, со всѣхъ сторонъ закрытой, исключая боковыхъ дверецъ съ окнами изъ прозрачнаго, какъ стекло, камня (слюды) или изъ бычачьяго пузыря; отсюда она видитъ каждаго, ее же никто разглядѣть не можетъ, развѣ когда садится въ колымагу или выходитъ изъ нея. Самыя знатныя боярыни ѣздятъ всегда цугомъ, въ двѣ лошади, обыкновенно бѣлыя; каждую ведетъ конюхъ за поводья; у лошади, запряженной въ оглобли, на хомутѣ виситъ сорокъ соболей, а у цуговой шлея и постромки, также узда и поводья бываютъ иногда красныя бархатныя, иногда же ременныя. Около колымаги идетъ нѣсколько слугъ; число ихъ соразмѣряется съ знатностью господина.» Черезъ нѣсколько строкъ далѣе, Маскѣвичъ описываетъ выѣздъ боярина: «Бояринъ, выѣзжая изъ дому, садится *въ сани*, запряженныя въ одну рослую, по большей части бѣлую лошадь, съ сорокомъ соболей на хомутѣ. Правитъ ею конюхъ, сидя верхомъ, безъ сѣдла. Сани выстилаются внутри медвѣдемъ — у богатыхъ бѣлымъ, у другихъ чернымъ. О коврахъ не спрашивай [80]). Санные передки обыкновенно дѣлаются, для защиты отъ грязи, такъ высоко, что изъ саней едва можно видѣть голову конюха, сидящаго на лошади. Множество слугъ и рабовъ провожаютъ боярина: одни стоятъ на передкахъ, другіе по срединѣ, бокомъ къ нему, а нѣкоторые сзади, прицѣпившись къ санямъ». Здѣсь также не упоминается о колымагѣ, въ смыслѣ экипажа бояръ, а только въ смыслѣ экипажа боярынь [81]). Мы имѣемъ не мало рисунковъ старинныхъ саней и можемъ составить себѣ наглядное понятіе объ ихъ формѣ. Онѣ были, вообще, довольно длинныя и на передкѣ ихъ не было сидѣнья для кучера, такъ какъ служитель, управлявшій лошадью, сидѣлъ на ней верхомъ. («Возничье мѣсто» появляется лишь къ концу XVII вѣка). Длина саней была такова, что въ нихъ можно было не только сидѣть, но и удобно лежать, а равно, въ случаѣ надобности, и ставить гробъ, какъ это было при царскихъ погребеніяхъ. Съ другой стороны, искусство убранства саней было довольно развито, и царскія выходныя сани, особенно къ концу

той, которая возитъ невѣсту, лисьими хвостами, что впрочемъ, *не въ свадебное время встрѣчается рѣдко* (??). Подобное убранство лошадей видѣли мы не только при выѣздахъ бояръ и знатныхъ боярынь, но и въ поѣздахъ знатныхъ бояръ» и т. д. Олеарій говоритъ однако только о саняхъ бояръ.

[80]) Ковры въ саняхъ упоминаются однако уже въ «Указѣ свадебному чину» и позже, въ описяхъ временъ Алексѣя Михайловича и его преемниковъ.

[81]) Сказанія о Самозванцѣ, II, 3-е изд., стр. 52—53. Особы женскаго пола въ торжественныхъ случаяхъ также ѣздили въ саняхъ лѣтомъ; напр. Ксенія, дочь Бориса Годунова, при перенесеніи тѣлъ ея родителей въ Троицкій монастырь, провожала ихъ въ саняхъ, несмотря на августъ мѣсяцъ. Впрочемъ тутъ могло имѣть вліяніе то обстоятельство, что это была похоронная процессія и что Ксенія была инокиня.

XVII вѣка, отличались богатствомъ украшеній и стоили иногда большихъ, по тому времени, денегъ, около 200 и даже 300 рублей [82]). Все это дѣлало

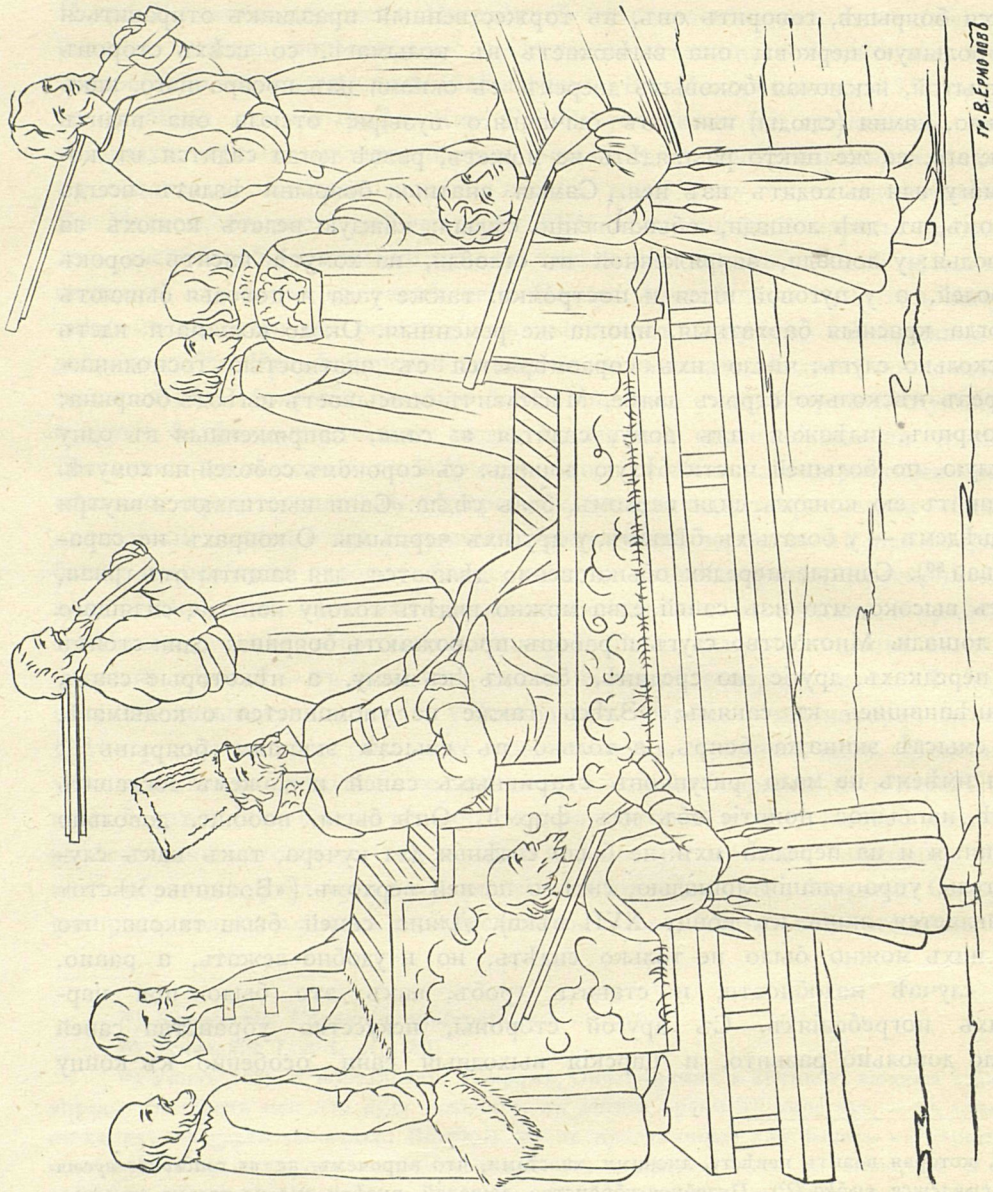


Рис. XII.

Царь Алексѣй Михайловичъ въ саняхъ съ боярами на запяткахъ и со стрѣльцами, идущими по сторонамъ. (Лошадь съ служителемъ не показана). Съ рисунка бар. Мейерберга.

[82]) Въ описи конюшенной казны 1706 г., составленной стольникомъ Бутурлинымъ, помѣщены слѣдующія описанія двухъ выходныхъ саней. 1) «Сани большіе выходные, рѣзные, золоченые, съ царствы (гербами), на китахъ деревянныхъ рѣзныхъ, тѣ киты посеребрены. (О томъ, какіе это были «киты», можно составить понятіе изъ возка или такъ-назыв. «линеи» Елизаветы Петровны, хранящейся въ Оружейной Палатѣ). Въ тѣхъ саняхъ обито бархатомъ червчатымъ, двоемохровымъ, по немъ травки и каруны золотные. Государево мѣсто сдѣлано креслами, обито бархатомъ травчатымъ разныхъ цвѣтовъ по серебряной землѣ. По бархату прибивано бахрамы золотные

изъ саней покойный, удобный, открытый экипажъ, который предпочитался, повидимому, вездѣ, гдѣ только можно, особенно въ городѣ, въ торжественныхъ случаяхъ, и когда требовалось не скорое, но исполненное достоинства и важности передвиженіе. Только къ концу XVII в. колымагами стали, повидимому, пользоваться все болѣе и болѣе и бояре и даже простые дворяне, припрягая къ нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и большее число лошадей, что̀ и вызвало, наконецъ, вмѣшательство царской власти, ограничившей какъ число «возниковъ», такъ и право пользоваться каретами (колымагами), сообразно съ чиномъ и знатностью лица.

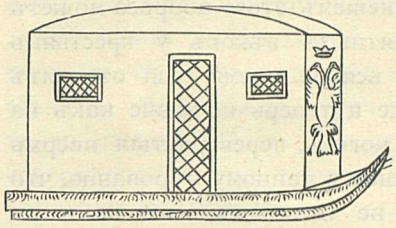


рис. XIII.
Возокъ царицы. Съ рисунка бар. Мейерберга.

Все это не объясняетъ однако достаточно, почему сани пользовались такой привиллегіей при похоронномъ обрядѣ, почему ихъ выбирали не только для перевозки умершаго, но и для несенія тѣла и гроба. Попытку

гвоздьми серебреными, счетомъ 55 гвоздей. На мѣстѣ двѣ маковки серебрены золочены. На щиту и назади два орла двоеглавые, межъ главъ каруны; орлы и каруны деревянные, рѣзные, золоченые. Съ лица щитъ обитъ бархатомъ золотнымъ по червчатой землѣ гвоздьми мѣдными. И дышло, и боронки, и возничье мѣсто обито кожами золотными (слѣд. возница сидѣлъ на передкѣ саней), на ремьяхъ; полозье подбито желѣзомъ. Съ исподи тѣ сани окорчья подбито сафьяномъ червчатымъ; въ саняхъ подножье обито сукномъ червчатымъ. Цѣна тѣмъ санямъ 270 руб. 2) Сани выходные рѣзные золоченые, на нихъ писаны съ царствы, въ рѣзныхъ кругахъ. Въ нихъ обито государево мѣсто бархатомъ рудожелтымъ гладкимъ; по бархату прибивано голунъ серебреной гвоздьми мѣдными золочеными. У государева мѣста по сторонамъ два орла рѣзные золоченые; у того жъ мѣста на спускахъ бахрама золотная. На саняхъ, поверхъ государева мѣста, вырѣзанъ кругъ, въ травахъ, рѣзной, золоченой. Писано титло блаженныя памяти великаго государя ц. и в. к. Ѳеодора Алексѣевича, всея В. и М. и Б. Россіи самодержца, а съ другую сторону писано въ кругу жъ: построены тѣ сани въ 190 году марта въ 6 день. На ней орликъ рѣзной, золоченой. На щиту поставленъ орелъ съ одну сторону рѣзной золоченъ, а съ другую сторону писанъ кругомъ мѣста. У тѣхъ саней четыре скобы желѣзные, луженые, бѣлые. (Не для того ли, чтобы, въ случаѣ надобности, держать на рукахъ?) Полозье и дышло и боронки писаны исподомъ разными красками, запятки обиты сукномъ краснымъ. Цѣна имъ 180 рублевъ. — Кромѣ выходныхъ и повседневныхъ саней, каптановъ, возковъ, въ царскомъ обиходѣ упоминаются еще *выносныя* (похоронныя), *инальцовскія* (свадебныя) и *Дмитровскія* (употреблявшіяся, вѣроятно, *въ Дмитровскую* (поминальную) субботу. Именно въ расходныхъ книгахъ царской казны за 124 годъ значится: «іюня 17, на конюшенный дворъ, на обивку къ Дмитровскимъ санемъ 29 арш. алтабасу по серебреной землѣ шолкъ зеленъ червчатъ багровъ съ золотомъ по 5 руб. аршинъ. Того жъ дни 29 арш. крашенины лазоревой на подкладку въ Дмитровскіе сани по 9 алт., да на миндеръ шесть сафьяновъ червчатыхъ по 23 алт. 2 д... Іюня 20 въ конюшенный приказъ на кровлю къ Дмитровскимъ санемъ 12 арш. бархату кизылбасково червчатого по 26 ал. 4 д., на подкладку 12 арш. камки нѣмецкой зеленой по 20 ал. $2^1/_2$ д.— При дворцѣ были еще *портомойныя* сани для возки на рѣку бѣлья. По словамъ Котошихина: «когда прилучится имъ (мовницамъ или портомоямъ) мыть платье, и то платье зимою и *лѣтомъ* возятъ на рѣку *въ саняхъ*, въ сундукѣ, замкнувъ и запечатавъ, покрывъ краснымъ сукномъ».

новаго объясненія сдѣлалъ недавно Труворовъ. Въ своей замѣткѣ о погребальныхъ саняхъ, помѣщенной въ «Русской Старинѣ», онъ ставитъ въ концѣ вопросъ: «откуда взялся обычай пользоваться санями при погребеніи и почему не другое что, а сани удостоились такого почета», и отвѣчаетъ такъ: «намъ кажется, что разъясненіемъ этого вопроса можетъ служить обычай, существующій съ незапамятныхъ вѣковъ у крестьянъ глухихъ Вологодскихъ уѣздовъ, которые во всякое время года отвозятъ своихъ покойниковъ на погостъ или кладбище и теперь не иначе какъ на саняхъ, и сани, вслѣдъ этому, покидаются на могилѣ, перевернутыя вверхъ полозьями. И то и другое дѣлается по глубокому тайному вѣрованію, что покойнику пріятнѣе добраться до могилы не на иномъ чемъ, какъ на саняхъ, и что они же пригодятся ему и впослѣдствіи. Не даромъ же норманъ, сынъ бурнаго моря, хоронилъ себя въ своей неразлучной подругѣ — лодкѣ; не даромъ же дѣти вольныхъ степей, печенѣгъ, половецъ, хоронили съ собою своихъ вѣрныхъ друзей — ретивыхъ коней; не даромъ же и теперь мордвинъ, чувашанинъ, черемисъ кладутъ своимъ покойникамъ въ гробъ или трубку съ табакомъ или качадыкъ съ лыками. Если же норманъ во времена доисторическія вѣрилъ, что ему безъ лодки не обойтись на томъ свѣтѣ; если печенѣгу или половцу нельзя было показаться тамъ же безъ своего коня, если мордвину и чувашанину и теперь скучно на томъ же свѣтѣ, безъ табаку или безъ плетенія лаптей, — то отчего же въ былое время славянину, а затѣмъ русскому человѣку, не стосковаться въ темной и душной могилѣ по своей родимой матушкѣ зимѣ и не вырваться оттуда въ часъ полуночный, да при блескѣ яснаго мѣсяца, на свѣжемъ чистомъ воздухѣ, не прокатиться на своихъ санкахъ по свѣту вольному!» [83]).

Приведенное объясненіе г. Труворова, въ сущности, разъясняетъ еще весьма мало. Почему славянинъ и русскій человѣкъ долженъ былъ тосковать въ могилѣ преимущественно о родимой матушкѣ зимѣ, между тѣмъ какъ снѣжная зима, особенно на югѣ, въ Кіевской и Волынской Руси, продолжалась вѣдь не болѣе 3—4 мѣсяцевъ, а въ иные годы и того меньше? Почему онъ не тосковалъ о веселой веснѣ, о тепломъ лѣтѣ, о пріятной осени? Во всякомъ случаѣ это объясненіе примѣнимо только при условіи, что сани полагаются въ могилу вмѣстѣ съ умершимъ или по крайней мѣрѣ оставляются на могилѣ, но ничего подобнаго въ описаніяхъ древнихъ похоронъ не упоминается [84]).

Тѣмъ не менѣе, указаніе на крестьянскій обычай глухихъ частей Вологодской губерніи заслуживаетъ вниманія. Вопросъ только въ томъ, насколько этотъ обычай здѣсь можетъ считаться славянскимъ и не представляетъ ли онъ скорѣе пережитка обычая финскаго. Послѣднее тѣмъ

---

[83]) «Русская Старина» 1887. Декабрь, стр. 837 и сл.

[84]) Въ позднѣйшей замѣткѣ («Русск. Старина», 1889 г., Май), г. Труворовъ самъ сомнѣвается въ своемъ толкованіи и высказываетъ мнѣніе, что переносить и перевозить покойниковъ въ саняхъ въ доисторическія времена заставляла просто нужда.

болѣе вѣроятно, что мы встрѣчаемъ его у многихъ финскихъ племенъ. Вопервыхъ, мы находимъ его на сѣверѣ у Лопарей (у которыхъ въ прежнее время умершій даже хоронился въ саняхъ), Вогуловъ, Остяковъ, также Самоѣдовъ и Чукчей; у всѣхъ этихъ народовъ, ѣздящихъ на оленяхъ, подобный обычай является весьма естественнымъ, ибо сани составляютъ у нихъ единственную повозку (телѣгъ у нихъ нѣтъ). Неудивительно поэтому, что тѣло умершаго кладется у нихъ на сани, которыя и везутся оленями на кладбище, причемъ послѣ погребенія (или просто прикрытія трупа досками) олени убиваются и совершается тризна, остатки которой, именно кости и рога, оставляются на могилѣ, равно какъ и сани, принадлежавшія покойному. Оставленіе саней весьма понятно, если принять во вниманіе, что съ умершимъ погребаются его орудія, оружіе, украшенія, вообще принадлежавшія ему вещи, между коими олени и сани относятся, конечно, къ числу необходимѣйшихъ на сѣверѣ. Обычай оставленія саней былъ вызванъ, несомнѣнно, тѣми же мотивами, какъ и погребеніе съ умершимъ другихъ видовъ его собственности; съ одной стороны, боязнью умершаго и всего того, что̀ ему принадлежало и опасеніемъ, какъ бы пользованіе его вещами не причинило вреда живущимъ; съ другой — представленіемъ о загробной жизни, какъ о сходной съ настоящей и слѣдовательно требующей подобной же обстановки быта, причемъ требованіе это становится тѣмъ болѣе обязательнымъ, что неисполненіе его было бы невниманіемъ къ умершему, за которое покойникъ могъ бы отмстить живымъ [85]). Но пользованіе санями при погребеніи существуетъ не у однихъ

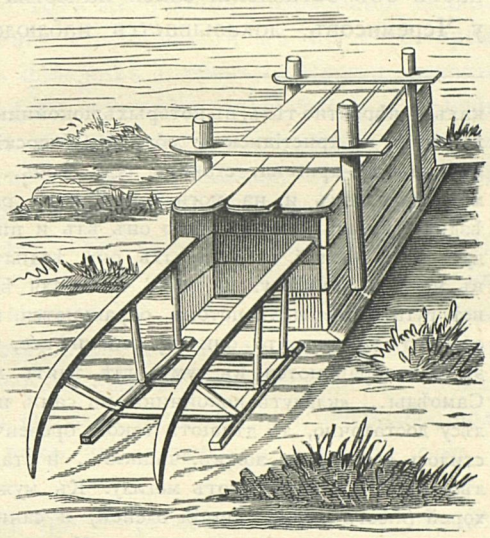


рис. XIV.
Могила Самоѣда. Деревянный срубъ и передъ нимъ опрокинутая вверхъ полозьями нарта. Съ рисунка Н. Ю. Зографа.

---

[85]) Относительно Лопарей извѣстно, что они въ XVII — XVIII в. оставляли (или разрушали) вѣжу или тупу умершаго (по Немировичу-Данченко теперь это оставленіе бываетъ лишь временнымъ, дней на 7) и хоронили въ лѣсахъ и пещерахъ, въ выдолбленномъ деревѣ или въ санкахъ, куда клали оружіе, огниво и другія вещи покойнаго *(Regnard, Scheffer)*. По словамъ *Acerbi*, въ XVIII в., «могила Лопарей обозначается только опрокинутыми санями... Прежде набрасывали еще кучу камней, но потомъ этотъ обычай былъ оставленъ». То же сказано у Георги, именно, что Лопари «оборачиваютъ на могилѣ сани, причемъ кладутъ подъ нихъ немного пищи». *Горкъ* разсказываетъ о норвежскихъ Лопаряхъ, что они хоронили съ умершимъ остатки тризны (разбитыя кости съѣденныхъ жертвенныхъ животныхъ), также оружіе, огниво, съ охотникомъ — еще собаку. Въ старинныхъ могилахъ находятъ скелетъ, обернутый въ бересту, иногда съ нарѣзанными на ней рисунками или въ маленькихъ лодкообразныхъ сан-

инородцевъ Сѣвера; мы встрѣчаемъ его и южнѣе, у Финновъ приуральскихъ и приволжскихъ. Такъ, у Пермяковъ, по словамъ Добротворскаго, «покойниковъ отвозятъ на погостъ *непремѣнно въ саняхъ*, которыя и оставляются на могилѣ». Тотъ же обычай существовалъ (и существуетъ еще мѣстами) у Вотяковъ, Зырянъ, а также у Черемисовъ и Чувашъ. Такъ, у Черемисовъ Оренбургской губ., по словамъ Черемшанскаго, «трупъ выносятъ на дворъ, кладутъ его *на дровни*, *хотя бы это было и лѣтомъ*, и закрываютъ кафтаномъ», причемъ Черемшанскій впрочемъ не упоминаетъ объ оставленіи саней на могилѣ. Но что этотъ обычай существуетъ у Черемисовъ, доказывается наблюденіями въ Красноуфимскомъ уѣздѣ,

---

кахъ,— вѣроятно тѣхъ, въ которыхъ покойникъ привозился на кладбище. Теперь Лопари хоронятъ по христіанскому обряду. Обдорскіе Самоѣды (*Кушелевскій*, стр. 119), «вырывъ яму на полъ-аршина, ставятъ туда гробъ... съ имуществомъ покойнаго, засыпаютъ могилу пескомъ и на могилѣ поставятъ разломанную нарту, на которой покойный ѣздилъ, котелъ, изъ котораго онъ ѣлъ и пилъ, но его продыравятъ; наконецъ приведутъ тѣхъ оленей, на которыхъ онъ ѣздилъ, и ихъ задавятъ. Рога оленей воткнутъ въ могилу, а мясо уносятъ въ чумъ для ѣды; послѣ жертвоприношеній начинаютъ всѣ ругать смерть..., потомъ обращаются къ мертвецу... и высказываютъ ему, что они его любятъ, что они ему отдали все, что у него было при жизни. Послѣ всего этого возвращаются въ чумъ, гдѣ ѣдятъ мясо задавленныхъ оленей». Архангельскіе Самоѣды... «кладутъ покойника на сани и везутъ къ мѣсту погребенія. Здѣсь, если лѣсу достаточно, то дѣлаютъ такой бревенчатый срубъ, чтобы съ покойникомъ умѣстилось его платье, ложки, чашки.... и ставятъ срубъ этотъ поверхъ земли; если же лѣсу мало, то вырываютъ могилу. Къ мужчинамъ кладутъ топоръ, ножъ, долото... хорей (шестъ для погонянія оленей) и сани, опрокинутыя вверхъ полозьями...; всѣ эти вещи должны быть поломаны. Надъ могилой жертвуютъ оленя, убивая его мучительною смертью, вонзая ему въ задній проходъ заостренный деревянный шестъ.. Оленя съѣдаютъ тутъ же на мѣстѣ... оставляютъ только голову съ рогами». См. *Иславинъ*, стр. 136 — 137; также *Зографъ*, въ II Т. «Антроп. Выставки». Туруханскіе Самоѣды (*Третьяковъ*, стр. 189) «оленей, на которыхъ привозятъ покойника, убиваютъ ударомъ дубины по хребту, а потомъ въ бока ихъ забиваютъ колья. Головы у оленей вытягиваютъ назадъ, а ноги подгибаютъ; санки оборачиваютъ вверхъ полозьями и надкалываютъ ихъ; втыкаютъ въ землю хорей и привязываютъ къ нему колокольчикъ... Хоронятъ умершаго въ чумообразномъ шалашѣ, устроенномъ изъ лѣсинъ, причемъ складываютъ и всѣ принадлежности покойнаго въ поврежденномъ видѣ». Остяки (*Георги*, I, 74) «мертвое тѣло полагаютъ въ могилу головою къ сѣверу и кладутъ съ нимъ оружіе, топоръ и домашнія надобности... Проводившихъ покойника трехъ оленей убиваютъ при могилѣ... а сани (у богатыхъ — трое) опрокидываютъ однѣ на другія». Маньзы — по Гондатти — убиваютъ оленей на могилѣ посредствомъ удавленія и оставляютъ на деревянной крышѣ могилы — опрокинутыя нарты, оленій шестъ, весла и иногда также лодку. — Чукчи отчасти жгутъ своихъ покойниковъ, отчасти хоронятъ ихъ на землѣ, обкладывая камнями. Въ первомъ случаѣ — нарту и охотничьи снаряды оставляютъ возлѣ груды пепла, ѣздовыхъ оленей покойника убиваютъ, оставляя ихъ трупы на съѣденіе звѣрямъ, а часть другихъ его оленей употребляютъ для собственной трапезы. Во второмъ случаѣ покойника отвозятъ на нартѣ на высокую гору; тамъ устраиваютъ изъ большихъ камней ящикъ, на подобіе гробницы, и помѣщаютъ туда трупъ, прикрывая его пологомъ, сверхъ котораго кладутъ всѣ его охотничьи снаряды и нарту. Вслѣдъ за тѣмъ убиваютъ четырехъ оленей и обкладываютъ ими гробницу со всѣхъ четырехъ сторонъ. См. *Августиновичъ*, въ изд. «Антроп. Выставка» II, стр. 55—56.

Пермской губ. У Черемисовъ этого уѣзда «гроба не дѣлается, а въ могилу кладутъ по бокамъ четыре доски и спускаютъ сюда умершаго на лубкѣ, вмѣстѣ съ войлокомъ и подушкой, во всей національной одеждѣ... *Умершаго всегда привозятъ на дровняхъ, которыя тутъ и оставляютъ;* поэтому-то и по разведенной здѣсь рощѣ Черемисское кладбище можно узнать издалека.» У Чувашей тотъ же обычай наблюдается уже, повидимому, не вездѣ. По словамъ Риттиха, «покойника иногда не везутъ на телѣгѣ, не несутъ на рукахъ, *даже и лѣтомъ*, но *тащатъ на саняхъ* и съ колокольчиками на кладбище» [86]). Очень возможно, что тотъ же обычай пользованія санями, во всякое время года, для погребенія, существовалъ въ прежнее время и у Мордвы, а равно и у древнихъ финскихъ племенъ — Мери и Муромы, отъ которыхъ онъ могъ перейти и къ позднѣйшему русскому населенію Суздальской области (такъ же какъ отъ Зырянъ къ населенію Вологодской губ.) [87]). Но, по всей вѣроятности, этотъ обычай, существовавшій въ Кіевской и Волынской Руси, былъ извѣстенъ съ древнихъ временъ и независимо отъ Финновъ сѣвернымъ отраслямъ русскихъ Славянъ. Не даромъ преданіе о саняхъ при похоронномъ обрядѣ сохранилось въ народныхъ сказкахъ, лубочныхъ картинкахъ и т. д. [88]). Съ другой стороны, тамъ гдѣ, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Костромской губерній, и теперь еще ѣздятъ мѣстами на саняхъ лѣтомъ, — въ прежнее время этотъ способъ передвиженія, очевидно, долженъ былъ быть единственнымъ, какъ для перевозки живыхъ, такъ и мертвыхъ.

Нѣкоторые слѣды пользованія при погребеніи санями сохранились, повидимому, и въ южной Россіи, гдѣ Малоруссы предпочитаютъ еще мѣ-

---

[86]) *Добротворскій,* Пермяки, въ «Вѣстн. Евр.» 1883, кн. 3, стр. 577; также *Мозель,* Пермская губернія; *Поповъ,* Зыряне, Тр. Этн. Отд. III, в. 2, стр. 65; *Черемшанскій* l. c. стр. 191; *Древности,* X. Прил. къ Прот. стр. 38; *Риттихъ,* l. c. II, стр. 120. (Чуваши). По другимъ извѣстіямъ съ колокольчиками везутъ умершихъ молодыхъ людей, особенно дѣвицъ-невѣстъ.

[87]) Кельсіевъ находилъ въ разрытыхъ имъ курганахъ Тверской губерніи толстыя жерди,— какъ онъ думаетъ — остатки носилокъ, на которыхъ былъ принесенъ умершій. Но можетъ быть ихъ надо считать скорѣе остатками волокушъ, привезшихъ покойника. Какъ сообщилъ мнѣ г. Клеменцъ, Сибирскіе Татары встарину возили своихъ покойниковъ, укладывая ихъ на жердяхъ, привязанныхъ концами къ сѣдлу.

[88]) Вѣдьма-царевна объясняетъ въ сказкѣ, «что её надо хоронить лѣтомъ въ саняхъ, запряженныхъ «двумя да не парою», т. е. конемъ, да быкомъ и т. п.» См. «Старина русской земли» (Гатцука) изд. 3, стр. 8. Въ сказкѣ «Мертвое тѣло» (*Афанасьевъ,* Сказки вып. 6, стр. 74)— младшій сынъ дуракъ везетъ мертвую мать на *дровняхъ,* несмотря на лѣто (что дѣйствіе происходитъ лѣтомъ, видно изъ того, что дуракъ привозитъ свою мертвую старуху въ ближнее село, къ попу, и садитъ её въ погребъ, куда затѣмъ приходитъ попадья за сметаной). На лубочной картинѣ: «Голландскій лѣкарь славный аптекарь» представлено, какъ больнаго къ доктору приводятъ на ногахъ, а отъ него «отправляютъ на дровняхъ». Извѣстная картина «какъ мыши кота хоронятъ» представляетъ обыкновенно кота, лежащаго на дровняхъ, которыя везутся шестью мышами. На саняхъ же (салазкахъ) везутъ мыши оладьи (поминальныя) и рогожу на саванъ коту. См. *Ровинскій,* Луб. картинки.

стами везти умершаго на саняхъ, а не на телѣгѣ, и тотъ же обычай соблюдается до сихъ поръ въ Угорской Руси и у нѣкоторыхъ южныхъ Славянъ. По словамъ г. Фенцика, (наблюденія его надъ похоронными обрядами въ Угорской Руси были любезно сообщены мнѣ издателемъ-редакторомъ «Науки», г. Козарищукомъ), «покойниковъ, если они маленькіе, несутъ на кладбище, если же они взрослые, тогда везутъ, но *непремѣнно на саняхъ, даже лѣтомъ;* это ужъ такое обыкновеніе по всей Угорской Руси». — Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ у Малоруссовъ, такъ и у австрійскихъ Русскихъ, а равно, мѣстами, у Словаковъ, и даже у Венгерцевъ, предпочитаютъ возить покойниковъ волами (иногда возятъ исключительно на нихъ), а не на лошадяхъ [89]). Объяснять это только тѣмъ, что волъ смирнѣе, чѣмъ лошадь, идетъ тише и болѣе распространенъ на югѣ, едва ли возможно, вопервыхъ, потому, что мѣстами тотъ же обычай соблюдается и тамъ, гдѣ лошади тоже не рѣдки; съ другой стороны, смирная лошадь — явленіе весьма обыкновенное въ крестьянскомъ быту. Притомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Покутьи, обычай требуетъ, чтобы волы, отвозящіе покойника, были непремѣнно бѣлые, вслѣдствіе-ли того, что бѣлый цвѣтъ считается въ данномъ случаѣ болѣе приличнымъ, траурнымъ, или потому, что бѣлые волы представляютъ древнюю, наиболѣе типичную породу южно-русскаго крупнаго рогатаго скота [90]). Пользованіе при по-

---

[89]) Обычай везенія покойника на саняхъ, непремѣнно запряженныхъ волами, сохранился еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кіевской губ. См. рефератъ *Ящуржинскаго* «Остатки язычества въ погребальныхъ обрядахъ Малороссіи» на Яросл. Арх. Съѣздѣ 1887 г. («Извѣстія» Съѣзда, протоколъ засѣданія 17 августа). — Въ томъ же засѣданіи Ягичъ указалъ на существованіе того же обычая у южныхъ Славянъ.— По Кольбергу — «pod Stanisławowem trumna zwykle zaprzežona jest dwoma białymi wołmi» (*Kolberg*, Pokucie, Kr. 1882, стр. 217). Въ книгѣ: *P. Dobšinský*, «Prostonarodnie obycaje, povery, a hry Slovenské. 1880, стр. .109, я встрѣтилъ, между прочимъ, слѣдующее наблюденіе: «Kde cmiteri vzdialenejšie sù tam vozia truhly — a to na voloch. Videl som to v Padarovcach u Madarov, a na Babinci u Slovakow... Do záprahu, dal každý pribuzný svojich pár volov a viedol si jich ticho za rohy lebo za jarmo. Záprahy takéto záležajú potom z pet, šest do desat, ba iviac parow statku».—Въ статьѣ: «Изъ Буковинскихъ Карпатскихъ горъ. I. О похоронныхъ обычаяхъ Буковинскихъ Гуцуловъ», (въ журналѣ «Наука», изд. въ Вѣнѣ, 1889 г. Іюнь) сказано, между прочимъ: «Деревище (гробъ)... несутъ обыкновенно на двухъ колахъ, прикрѣпленныхъ шнурами *пôвязами* (цѣпями) до деревища. Если же везутъ волами на возѣ или санкахъ (а случается, что *и лѣтомъ на санкахъ везутъ*), то ярмо должно быти обращено въ противоположную сторону, чтобы отвергнути смерть отъ господаря воловъ и домашнихъ сродниковъ»...

[90]) Бѣлый цвѣтъ считается траурнымъ во многихъ мѣстностяхъ Швейцаріи, Тироля; см. *Rochholz*, I. S. 138, также и въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ. Старовѣры относятъ гробъ на кладбище, какъ извѣстно, на носилкахъ, причемъ всѣ провожатые опоясаны бѣлыми полотенцами. У древнихъ Египтянъ лица, везшія погребальныя сани, имѣли бѣлый шарфъ или полотенце черезъ плечо. Типичная порода подольскаго (а также венгерскаго и итальянскаго) рогатаго скота — бѣлая; порода эта, какъ показалъ Рютимейеръ, одна изъ наиболѣе близкихъ, по типу черепа, къ Bos primigenius, древнему быку — туру. Полудикій рогатый скотъ англійскихъ парковъ также бѣлый. Самъ туръ былъ однако, по Герберштейну, чернаго цвѣта, съ бѣлымъ ремнемъ на спинѣ, хотя въ народныхъ пѣсняхъ онъ называется то чернымъ, то бѣлымъ, то гнѣдымъ. См. *Сумцовъ*, «Туръ въ народной поэзіи».

гребеніи во всякое время года санями сохранилось еще кое-гдѣ и за предѣлами славянскихъ странъ, въ западной Европѣ, именно въ горныхъ областяхъ. Такъ, въ горныхъ общинахъ Юры, если до кладбища не близко, покойника везутъ и зимою и лѣтомъ на саняхъ, употребляемыхъ для перевозки сѣна. Въ горныхъ областяхъ Альповъ и Карпатъ сани также, мѣстами, составляютъ почти единственный экипажъ, какъ для возки сѣна, лѣса и т. д., такъ и для перевозки на кладбище покойниковъ [91]).

Но мы встрѣчаемъ сани въ качествѣ необходимой принадлежности при погребеніи и гораздо южнѣе, въ странѣ, гдѣ никогда не бываетъ снѣга, именно въ Египтѣ. Древніе Египтяне имѣли, какъ извѣстно, обычай мумифицировать тѣла умершихъ, отдавая ихъ для этой цѣли особымъ спеціалистамъ на бальзамированію. Послѣ того какъ мумія была готова, ее подвозили въ стоячемъ положеніи на *саняхъ* къ ящику, тоже поставленному на *полозья*, и въ немъ везли къ алтарю, гдѣ приносились жертвы (пироги, цвѣты, плоды), читались молитвы и происходило обмазываніе или обливаніе муміи масломъ. Сани фигурировали затѣмъ въ самой похоронной процессіи, при отвезеніи муміи на кладбище, какъ это видно на изображеніяхъ такихъ процессій на египетскихъ монументахъ. Украшенный рѣзьбою и цвѣтами ящикъ, служившій временнымъ пріемникомъ муміи, поставлялся на сани (полозья) или непосредственно, или, при богатыхъ похоронахъ, сперва на священную ладью, а послѣдняя уже на сани, которыя и везлись затѣмъ быками, или быками и людьми. Мумія помѣщалась при этомъ въ ящикѣ на возвышенномъ одрѣ, въ лежащемъ положеніи и головою впередъ. На другихъ изображеніяхъ видно, что подъ полозья, во время ихъ передвиженія, иногда что то лили изъ сосуда, воду или жиръ, очевидно для облегченія тяги саней, что̀ дѣлалось, судя по изображеніямъ на памятникахъ, и въ случаѣ передвиженія тѣмъ же способомъ (помощью полозьевъ) массивныхъ каменныхъ колоссовъ [92]). Могутъ замѣ-

---

[91]) *Rochholz*, I. S. 199. — По словамъ Фенцика (свѣденія, сообщенныя мнѣ г. Козарищукомъ), «въ горахъ (Галиціи) возятъ и лѣтомъ сѣно на саняхъ, по необходимости, ибо свезти сѣно съ горы на возѣ нельзя. Сани эти обыкновенно состоятъ изъ двухъ толстыхъ крюковъ, вырубаемыхъ отъ корня и служащихъ подножіемъ; въ это подножіе вдалбливаются «копылы», въ двухъ мѣстахъ; ихъ всего слѣдовательно, четыре; копылы связываются «насадами». Поверхъ насадовъ, смотря по надобности, кладется или кузовъ, или какая-то «лада»; если же идутъ по сѣно, то — «лѣса» (что-то въ родѣ широкой лѣстницы), а въ насады вбиваются «лучицы». «Ладою» въ Мармарошской жупаніи, около р. Теребни, называютъ также гробъ, не отъ того ли, что въ прежніе времена погребали въ ладьѣ?»

[92]) *Wilkinson*, The Manners and Customs of the Ancient Egyptians. Vol. III. 1878, p. 429. etc. См. Plate LXVI и LXVIII. и рис. № 635. На саняхъ же везлись иногда идолы во время погребальной процессіи. Ящикъ съ муміей иногда былъ со всѣхъ сторонъ закрытъ, иногда же онъ былъ раскрытъ съ боковъ, такъ что покойникъ былъ видѣнъ народу. Интересно, что у современныхъ Египтянъ (по Лэну) покойникъ несется также головою впередъ, тогда какъ у большинства другихъ народовъ (американскихъ Индѣйцевъ, сибирскихъ инородцевъ, древнихъ Грековъ и Римлянъ, Нѣмцевъ, Славянъ и др.) всегда ногами впередъ.

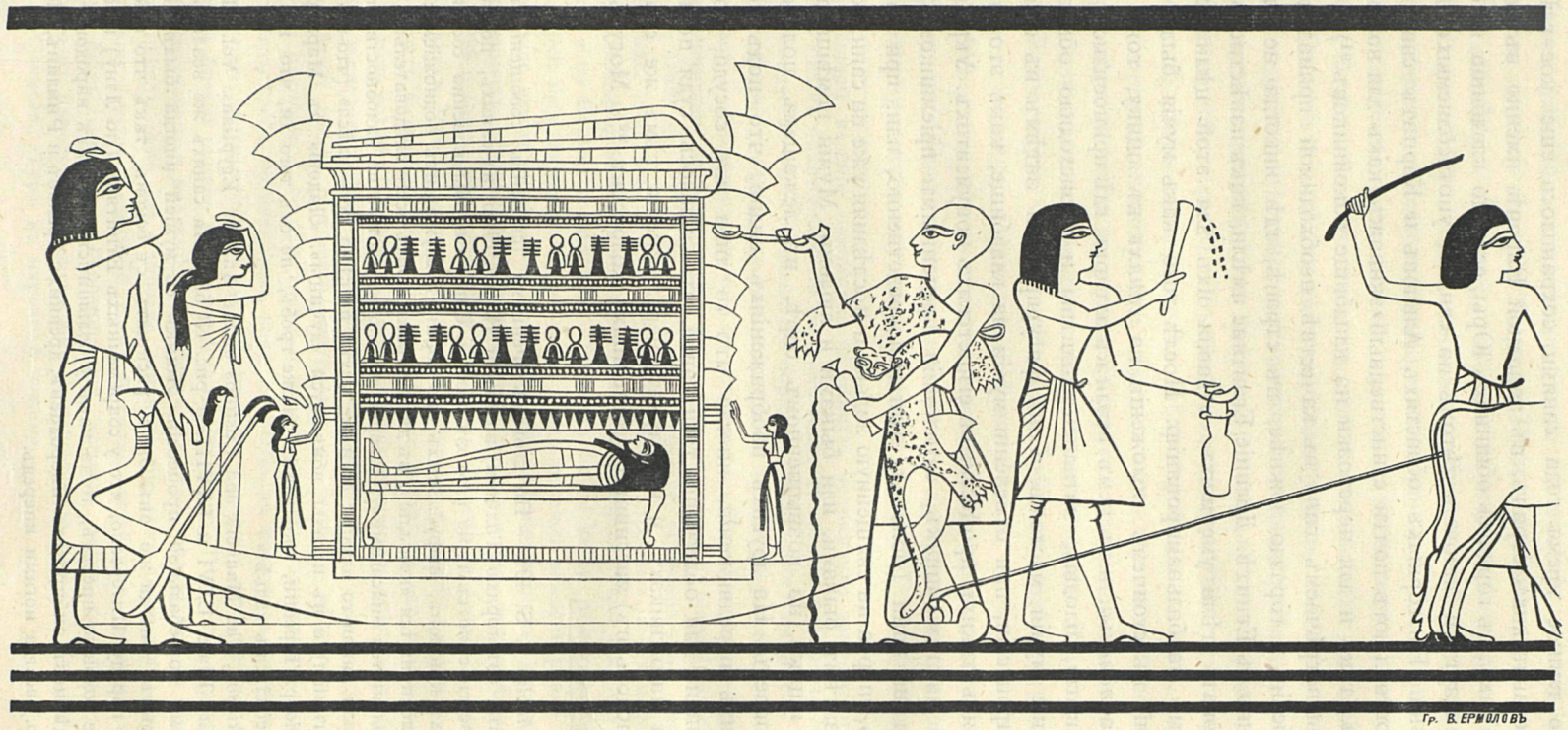


рис. XV.

Похоронная процессія у древнихъ Египтянъ. Мумія умершаго везется въ ящикѣ, поставленномъ на лодку, а эта послѣдняя на сани. Сани везутся быками, передъ мумiей идетъ жрецъ, въ леопардовой шкурѣ, совершающій возліяніе и кажденіе; сзади плачущія и бьющія себя женщины. Съ рисунка Вилькинсона.

тить, что полозья, употреблявшіеся Египтянами, еще не представляли собой настоящихъ саней, однако въ своей сущности они тѣ же сани и кромѣ

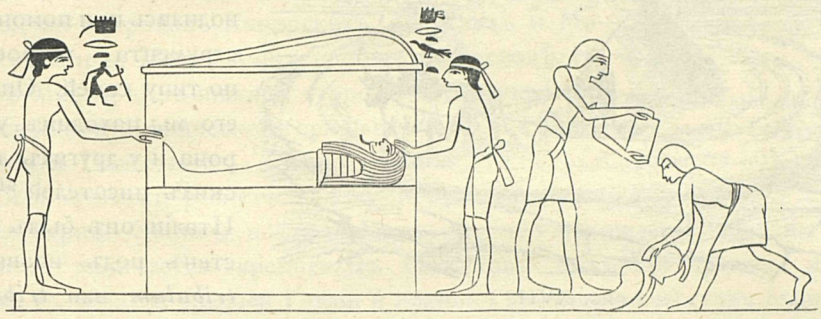


рис. XVI.

Мумія, поставленная въ ящикѣ на сани, подъ полозья которыхъ (при ихъ передвиженіи) что-то льютъ. Съ рисунка Вилькинсона.

того, по своему виду, они весьма походятъ на санки (салазки) простѣйшаго типа, встрѣчающіяся, напримѣръ, у Ескимосовъ и въ Россіи.

Употребленіе саней въ древнемъ Египтѣ интересно въ томъ отношеніи, что наглядно доказываетъ возможность изобрѣтенія этого способа передвиженія или, по крайней мѣрѣ, пользованія имъ, въ странѣ, гдѣ снѣгъ и ледъ почти неизвѣстны [92]). Замѣтимъ еще, что кромѣ цѣлей передвиженія тяжестей Египтяне пользовались также санями для молотьбы хлѣба и продолжаютъ употреблять для той же цѣли еще и теперь инструментъ, составляющій не что иное какъ особымъ образомъ приспособленныя сани. Это такъ наз. *порегъ* — повозка, состоящая изъ двухъ, поставленныхъ ребромъ и загнутыхъ на переднихъ концахъ кверху досокъ (полозьевъ), которыя соединены перекладинами и на которыхъ устроено сидѣнье (родъ стула). Въ повозку впрягается пара воловъ, на стулъ садится человѣкъ и ѣздитъ по току, на которомъ разбросаны снопы хлѣба. Зерно при этомъ освобождается изъ соломы отчасти при помощи полозьевъ, главнымъ же образомъ при помощи небольшихъ каменныхъ кружковъ, или катковъ надѣтыхъ на перекладины полозьевъ и катящихся по землѣ. Подобный же инструментъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ

---

[92]) На островѣ Мадейрѣ, гдѣ средняя температура года составляетъ около 18—19° Ц. и гдѣ термометръ не падаетъ ниже + 7°, 5 Ц., такъ что снѣга никогда не бываетъ, весьма употребительны однако сани, какъ экипажъ для ѣзды по горнымъ дорогамъ. Это такъ называемый *Carro*, на двухъ полозьяхъ, состоящій изъ кузова, который держится на полозьяхъ помощью рессоръ и обыкновенно бываетъ снабженъ крышкою и боковыми занавѣсками для защиты отъ солнца. См. статью «Die Insel Madeira», въ «Globus». 1889. Bd. XV. № 18, гдѣ этотъ экипажъ изображенъ на стр. 278.

странахъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, именно въ южной Европѣ, сѣверной Африкѣ и большей части Передней Азіи. Во всей этой области, съ древнѣйшихъ временъ, молотьба хлѣба производилась при помощи инструмента, устроеннаго по типу саней. Описаніе его мы находимъ у Варрона и у другихъ латинскихъ писателей [94]). Въ Италіи онъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ *tribulum* или *tribula*, и состоялъ изъ деревянной доски, загнутой нѣсколько кверху напереди, и на нижней сторонѣ которой, лежащей на землѣ, укрѣплялись въ нѣсколько рядовъ острые кремни или желѣзки. На такую доску помѣщался кузовъ отъ телѣги или какой-нибудь грузъ, или наконецъ становился человѣкъ и помощью веревокъ доска тащилась лошадьми или быками по току для молотьбы хлѣба. О томъ же инструментѣ говоритъ пророкъ Исайя (XLI, 15), сравнивая съ нимъ народъ Израилевъ и влагая въ уста Господа слова: «Я сдѣлаю тебя острымъ молотиломъ, новымъ, зубчатымъ» [95]). Подобный инструментъ сохранился еще и теперь въ болѣе глухихъ частяхъ Италіи, а также въ Испаніи, гдѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ trilla и — въ Португаліи, гдѣ онъ на-

рис. XVII.

Норегъ — египетская молотилка въ родѣ саней, запряженная быками. Съ рисунка Вилькинсона.

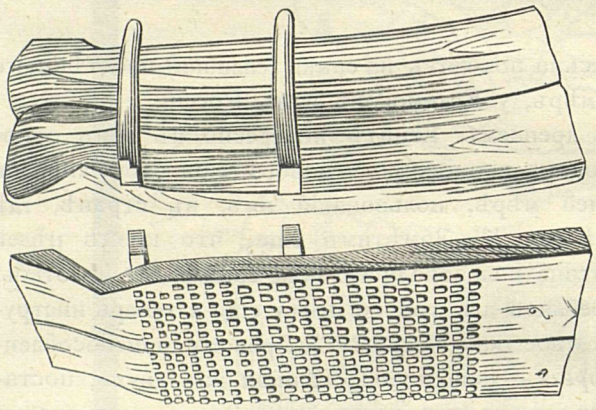


рис. XVIII.

Молотилка съ кремнями, изъ Алеппо. Подобная же употреблялась Римлянами и была извѣстна подъ названіемъ Tribulum. Съ рисунка Эванса.

---

[94]) Изображеніе *нòрега* — у *Wilkinson* I, стр. 408; Алеппской молотилки у *Ewans*, Les Ages de la pierre, стр. 278; Палестинской — въ соч. *Фаррара*, Жизнь Іисуса Христа, (русскій переводъ). *Varro* (De re rust. I, C. 52) описываетъ Tribulum такъ: Id fit e tabula lapidibus aut ferro exasperata, quae imposito auriga aut pondere grandi trahitur jumentis junctis ut discutiat e spica grana.

[95]) Въ славянскомъ переводѣ Библіи это мѣсто передано иначе: «Се сотворихъ тя аки колеса колесничная новая стирающая аки пилà»; но въ русскомъ, какъ и въ латинскомъ переводѣ передано чрезъ «молотило». Впрочемъ, египетское молотило снабжено каменными кружками, какъ-бы маленькими жерновами или колесами.

зывается trilho. Другое латинское названіе того же инструмента было traha или trahea, — прилагавшееся также къ обозначенію саней или волокушъ, (итал. treggia; греч. ἕλκηθρον [96]). Варіаціи tribulum и traha распространены также въ сѣверной Африкѣ, на островахъ Канарскихъ, Асорскихъ и Мадейрѣ, въ Сиріи, Малой Азіи и вообще на Востокѣ. На островѣ Мадейрѣ, въ нижней сторонѣ доски укрѣпляются осколки вулканической горной породы (обсидіана), въ Сиріи и Палестинѣ — осколки кремня. Эти острые камни или желѣзки рѣжутъ солому и выдавливаютъ изъ нея зерно. Эвансъ высказалъ мнѣніе, что нахожденіе мѣстами значительнаго количества кремневыхъ осколковъ овальной формы, между прочимъ въ области древней Галліи и южной Германіи, на мѣстахъ бывшихъ римскихъ поселеній и виллъ, объясняется, можетъ быть, занесеніемъ сюда Римлянами ихъ молотилокъ, кремни которыхъ должны были часто выпадать, теряться и наконецъ накопляться массами около мѣстъ бывшихъ токовъ. На одной молотилкѣ изъ Алеппо, находящейся въ коллекціи Христи, въ Лондонѣ, и изображенной у Эванса, насчитывается семь продольныхъ рядовъ кремней, въ каждомъ рядѣ — по 23 штуки, что даетъ всего 322 кремня. Еще большее число кремней встрѣчается на такихъ молотилкахъ въ Болгаріи, извѣстныхъ тамъ подъ названіями: *дикьянъ*, *диканъ* или *дикоянъ*. По описанію Маркевича [97]) «молотьба хлѣба въ Болгаріи совершается подъ открытымъ небомъ... на общественныхъ токахъ (круглыхъ площадкахъ шаговъ 30 — 40 въ діаметрѣ). Для молотьбы берутъ обыкновенно или двѣ телѣги, или телѣгу и дикьянъ. Телѣга при этомъ обыкновенно не имѣетъ правильнаго рейса и описываетъ всевозможныя кривыя, направляясь черезъ центръ круга, представляемаго избранной для молотьбы площадкой, держась всегда на сторожѣ, чтобы, приближаясь къ периферіи круга, не столкнуться съ дикьяномъ, рейсъ коего постоянный и кругообразный, по периферіи площадки круга. Въ телѣгу впрягаютъ лошадей, въ дикьянъ же буйволовъ... Около токовъ скопляются остатки соломы и кучки кремней, выпавшихъ изъ дикьяна при работѣ имъ... Остовъ дикьяна есть или цѣльный брусъ дерева (скорѣе доска) или сплоченіе двухъ, трехъ брусьевъ, изогнутыхъ спереди на подобіе полозьевъ. Длина остова 180 сант., ширина 80, толщина 8 — 12... На верхней поверхности дикьяна находятся поперечныя перекладины, служащія для скрѣпленія частей остова

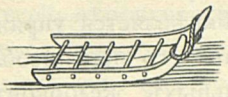


Рис. XIX.
Traha — съ изображенія на одномъ египетскомъ монументѣ. Съ рисунка въ словарѣ Rich'a.

---

[96]) *Traha*, впрочемъ, повидимому отличалась отъ tribula и болѣе походила на сани. По нѣкоторымъ извѣстіямъ её тащили вслѣдъ за tribula См. Columella II, 21, 4, *Virgil.*, Georg. I, 164. Ср. *Rich*, Dictionnaire des Antiquités Romaines etc. 3-me ed. P. 1883. p. 663: *Traha*, съ рисунка, взятаго съ одной египетской гробницы. — Treggia объясняется въ итальянскомъ словарѣ, какъ «arnese il quale si strascica da'buoi, fatto per uso di trainare».

[97]) См. «Антропол. Выставка» т. III. ч. I. стр. 6. Модель дикьяна съ образцами кремней находится въ Антропол. Музеѣ Моск. Университета.

дикьяна, если этотъ остовъ не цѣльный кусокъ дерева... Передній конецъ изогнутъ на подобіе саней и для той же цѣли, что въ саняхъ; къ нему прикрѣпляется упряжь (постромки)... Нижняя поверхность дикьяна представляетъ приспособленіе для укрѣпленія на ней кремней, именно 40 продольныхъ желобковъ, на равныхъ одинъ отъ другаго разстояніяхъ... Каждый кремень представляетъ овалъ, съуженный къ концамъ и заостренный обивкою по краю... Если этотъ овалъ раздѣлить мысленно, по его длинному діаметру, на двѣ половины, то одна изъ этихъ половинъ будетъ въ желобкѣ, а другая выступать наружу. Обыкновенно 25 кремней достаточно, чтобы выполнить желобокъ по его длинѣ, а такъ какъ такихъ желобковъ 40, то общее количество кремней въ одномъ дикьянѣ 1000...» [98]). Дикьянъ до сихъ поръ сохранился въ Румыніи, Болгаріи, Румеліи, Бессарабіи, а также — въ Малой Азіи, Закавказьи, Персіи. По словамъ Маркевича, дикьянъ удовлетворяетъ только потребностямъ мелкаго хозяйства и исчезъ тамъ, гдѣ поземельная собственность, попавъ въ руки немногихъ, образовала крупныя хозяйства, какъ напримѣръ во многихъ частяхъ Румыніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Россіи (а также Китая) дикьянъ замѣняется каменнымъ каткомъ, иногда зубчатымъ, а въ Эриванскомъ уѣздѣ для молотьбы хлѣба служитъ мѣстами инструментъ въ родѣ египетскаго норега, именно «джирджиръ», — четырехугольная рама (или два полоза съ двумя перекладинами), въ которую вставляются два граненыхъ деревянныхъ валика, съ вбитыми въ нихъ, въ винтообразномъ направленіи, по 32 топорика, причемъ по срединѣ рамы устроено сидѣнье, въ видѣ кресла, и къ переднему концу ея припрягается пара быковъ или лошадей. Въ другихъ губерніяхъ и уѣздахъ дикьянъ замѣнился телѣгою (въ которую иногда накладываютъ грузъ); въ иныхъ, наконецъ, гдѣ имѣется много лошадей, молотьба, повидимому уже съ глубокой древности, производится просто копытами лошадей, какъ это мы видимъ у разныхъ кочевыхъ народовъ Азіи, у Индѣйцевъ Америки, занимающихся земледѣліемъ, а также и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ внутренней Россіи [99]).

---

[98]) Маркевичъ въ своемъ описаніи дикьяна увлекся до того, что приписалъ всѣ находимые въ Европѣ и другихъ странахъ древніе обдѣланные кремни остаткамъ отъ первобытныхъ молотилокъ, которыя впослѣдствіи, по его мнѣнію, исчезли на сѣверѣ, въ сыромъ климатѣ, гдѣ для сушки зерна потребовались овины. Маркевичъ обращаетъ также вниманіе на то, что «молотить» и «молоть» выражаются словами одного корня, потому, какъ онъ полагаетъ, что первоначально и молотье и молотьба — совершались одинаково кругообразнымъ движеніемъ. Названіе *токъ* (*точило* — кружокъ) тоже становится понятнымъ, хотя теперь токъ и представляетъ чаще четырехъугольную площадку.

[99]) Молотьба хлѣба въ Закавказскомъ краѣ производится почти повсемѣстно на току съ помощью особыхъ молотильныхъ досокъ, въ которыя впрягаются лошади или крупный рогатый скотъ («Сводъ матеріаловъ по изученію быта государственныхъ крестьянъ Закавказ. края». Т. IV. 1888.) — «Хлѣбъ молотятъ (въ Эриванской губ.) доской, съ набитыми на ней острыми камнями. Доску волочитъ пара или двѣ быковъ по разбросанной на току соломѣ, пока ее не измельчатъ въ саманъ, затѣмъ полученный саманъ провѣивается и отъ него отдѣляется зерно». *(Ковалевскій и Марковъ.*

Широкое распространеніе молотилки-дикьяна, устроенной по типу саней и употребляемой съ древнѣйшихъ временъ въ области Передней Азіи, Египта и Южной Европы, (гдѣ произошло, по всей вѣроятности, прирученіе большей части домашнихъ животныхъ и первое широкое развитіе земледѣлія, а равно замѣна этой молотилки-саней, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, отчасти или вполнѣ, телѣгой) — наводитъ на мысль, что сани были древнѣйшей формой повозки не только въ странахъ сѣверныхъ, обильныхъ снѣгомъ и льдомъ, но и въ южныхъ, сухихъ и жаркихъ. Предположеніе это становится тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что повозка на колесахъ, даже на двухъ только, и самой простѣйшей конструкціи, требовала, во всякомъ случаѣ, гораздо большей изобрѣтательности, чѣмъ простѣйшія сани, которыя сводятся, въ концѣ-концовъ, къ двумъ стволамъ деревьевъ, жердямъ или сучьямъ, тащимымъ человѣкомъ или быкомъ, лошадью и т. д., — жердямъ, на которыхъ можетъ быть положенъ грузъ, или, при помощи небольшаго приспособленія, устроено сидѣнье для

«На горахъ Араратскихъ», стр. 91.) Въ другихъ мѣстностяхъ Эриванской губ. употребляется однако джирджиръ, какъ сказано выше, въ текстѣ. Молотьба каменнымъ каткомъ (по даннымъ земской статистики, любезно сообщеннымъ мнѣ проф. А. Ѳ. Фортунатовымъ) производится, вездѣ или мѣстами, въ уѣздахъ Острогожскомъ, Ростовскомъ (Екатер. губ.), Бахмутскомъ, Славяносербскомъ (катки изъ дерева и изъ камня песчаника), Мелитопольскомъ (зубчатые катки, изготовляемые въ Васильевской волости), Бердянскомъ, Елисаветградскомъ, также въ Ленкоранскомъ, Шемахинскомъ и Гокчайскомъ уѣздахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ уѣздовъ, наприм. въ Бахмутскомъ, кромѣ катковъ, употребляются мѣстами и цѣпы, а также молотятъ кое-гдѣ телѣгами и лошадьми. Молотьба помощью телѣгъ встрѣчается мѣстами въ Ростовскомъ уѣздѣ, Славяносербскомъ, Бузулукскомъ, Хвалынскомъ; также въ Оренбургской губ., напр. по р. Илеку, гдѣ, какъ передавалъ мнѣ Ф. Д. Нефедовъ, иногда для большей тяжести кладутъ въ телѣгу камни, напримѣръ пользуются найденною въ степи каменною бабою. Въ Тарбагатайской области Западной Монголіи, А. А. Ивановскому (какъ онъ сообщалъ мнѣ) случалось видѣть, что Китайцы пользовались для молотьбы непосредственно каменными бабами, проверчивая въ ихъ головѣ отверстіе; привязывая веревку и таща за эту веревку истукана по току. Съ теченіемъ времени у бабы отъ этого сглаживались всѣ подробности и она превращалась въ продолговатую, округленную каменную глыбу. — Потанинъ и Ядринцевъ встрѣчали въ Западной Монголіи на мѣстахъ древнихъ поселеній и пашень, — каменные молотильные катки, называемые «було» или «булаши». Въ отверстія було вкладывались палки и катки возили по току, вѣроятно, на быкахъ или лошадяхъ по хлѣбу... Нынѣ Монголы не сѣютъ хлѣба по Орхону... Говорятъ, что подобные камни употребляются и Китайцами» (рукописныя свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ Н. М. Ядринцевымъ). — Молотьба копытами лошадей употребительна въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Самарской губ. (напр. Ставропольскомъ, для пшеницы, тогда какъ рожь молотятъ чаще цѣпами); — Саратовской (въ Хвалынскомъ уѣздѣ — или лошадьми или телѣгами, запряженными парою или одною лошадью); — Херсонской (въ Одесскомъ уѣздѣ самый распространенный способъ молотьбы, это — гарманъ, т. е. лошадьми или «гономъ»; въ Елисаветградскомъ уѣздѣ встрѣчается коногонъ, катокъ, цѣпы и молотилки); — Смоленской (напр. Вяземскомъ) — и Закавказья (напр. у Нѣмцевъ — колонистовъ]. Въ нагорныхъ селеніяхъ уѣздовъ Рачинскаго, Горійскаго, Душетскаго, Тіонетскаго и во всемъ Джеватскомъ — хлѣбъ вымолачивается простымъ вытаптываніемъ его помощью рогатаго скота (обыкновенно коровъ).

человѣка. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ простѣйшія сани-волокуши во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ есть какія-нибудь домашнія, пригодныя для упряжи, животныя, и притомъ даже у такихъ народовъ, у которыхъ нѣтъ вовсе повозокъ на колесахъ. Такъ, мы находимъ ихъ въ Америкѣ, у Индѣйцевъ, какъ въ сѣверо-американскихъ прэріяхъ, такъ и въ южно-американскихъ пампасахъ, причемъ, за неимѣніемъ хомутовъ, жерди (оглобли) волокуши прикрѣпляются обыкновенно къ сѣдлу. Насколько естественно человѣкъ наводится на мысль пользованія древесными сучьями или стволами для волоченія на нихъ груза, доказываетъ случай, встрѣтившійся путешественнику по южной Африкѣ, Голубу (Holub), въ Трансваалѣ, около Bamboesspruit. Ему пришлось здѣсь увидѣть разъ, какъ два Бечуана, служителя одного голландскаго фермера, волокли изъ лѣса убитаго Гну (крупную антилопу съ бычьими рогами). Они срубили мимозовое

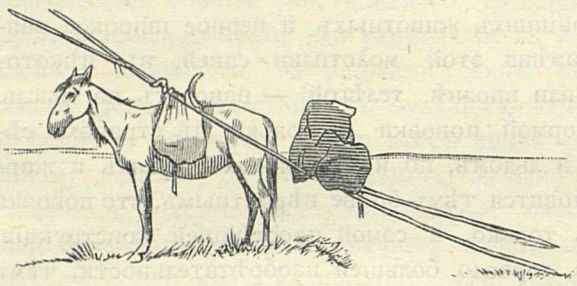


рис. XX.

Волокуша — изъ двухъ жердей, привязанныхъ къ сѣдлу, — у Индѣйцевъ Техаса. Съ рисунка Ремингтона, въ статьѣ «Horses of the plains», въ «The Century Magazine», January 1889.

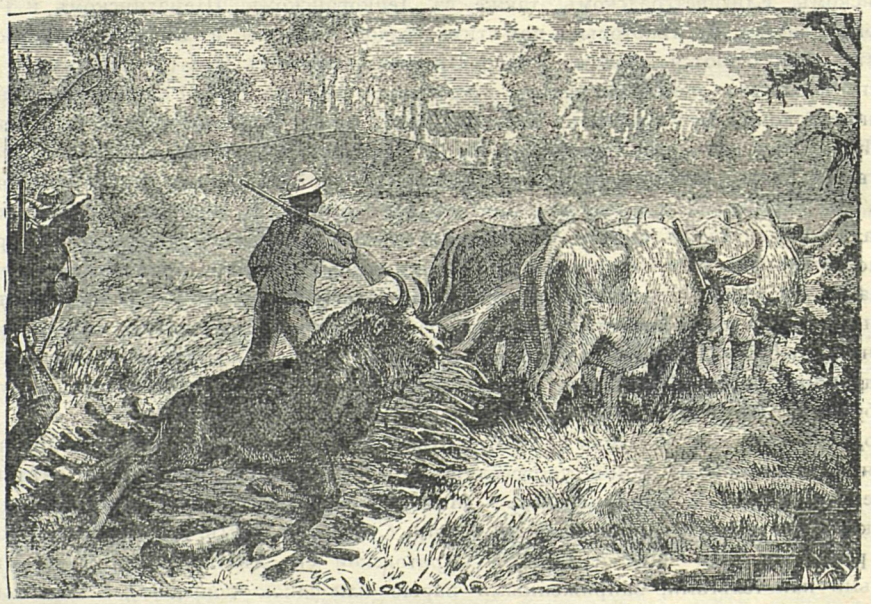


рис. XXI.

Импровизованная волокуша въ Южной Африкѣ. Съ рисунка Голуба.

дерево, очистили отъ сучьевъ развильчатый стволъ, приспособили его, помощью перекладинъ, къ ярму двухъ паръ быковъ, а на волочащуюся по

землѣ вилку набросали мелкихъ сучьевъ и хворосту. Получилась волокуша, на которую они и взвалили тушу Гну. Волокуши изъ двухъ жердей, связанныхъ перекладинами, встрѣчаются и во многихъ мѣстностяхъ Европы, особенно въ горныхъ и болотистыхъ, гдѣ дорогъ нѣтъ и на колесахъ ѣздить нельзя или трудно, какъ напр. въ высокихъ горныхъ долинахъ Альпъ, Юры, Закавказья, Карпатъ а равно въ Финляндіи и нѣкоторыхъ болѣе глухихъ мѣстностяхъ собственно Россіи. Въ Финляндіи, гдѣ четырехколесныя телѣги рѣдки, чаще — одноколки, мѣсто послѣднихъ замѣняетъ иногда (особенно въ Саволаксѣ и въ Кареліи) первобытная повозка, такъ наз. «puriť»; «она состоитъ изъ двухъ загнутыхъ древесныхъ стволовъ, соединенныхъ двумя перекладинами, между коими укрѣплена рогожа или лубяной кузовъ для клади» [100]). Часто упоминаемыя въ Калевалѣ сани изъ перевитаго деревяннаго остова и рогожнаго кузова, вѣроятно, были очень близки къ нынѣшнему пуриту, на которомъ ѣздятъ какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Подобные кузова-волокуши употребляются мѣстами и русскимъ населеніемъ. Н. Н. Харузинъ встрѣтилъ ихъ въ Пудожскомъ уѣздѣ Олонец. губ., къ с. з. отъ Пудожа, близь Купецкаго озера, гдѣ на нихъ ѣздили лѣтомъ такъ же, какъ и на дровняхъ. Даль въ своемъ «Словарѣ» указываетъ на нѣсколько разновидностей волокушъ, употребляемыхъ въ Россіи. Такъ, въ Пермской губерніи «волокушей (волока̀, волочуги, волочня̀) называются двѣ длинныя, волочащіяся по землѣ оглобли съ нахлесткой, возкомъ или колодкой и парою копыльевъ внизу, для таски бревенъ», а въ другихъ мѣстностяхъ — «доска, приспособленная къ вывозкѣ снѣгу или сору съ дворовъ и улицъ, посредствомъ оглобель, постромокъ (конная) или одной рукояти (ручная).» *Волочуги* (на сѣверѣ) суть «двѣ длинныя жерди, въ кои впрягается лошадь какъ въ оглобли; концы ихъ волочатся, а по срединѣ, на вязкахъ, плетеный кузовъ, для ѣзды или перевозки клади по волокамъ, гдѣ нѣтъ дорогъ. Гдѣ сходятся губерніи Новгородская, Олонецкая и Вологодская, есть деревни въ непроѣзжихъ лѣсахъ и болотахъ; жители и не знаютъ колеса̀, и ѣздятъ по мокрому моху на волочугахъ». *Волочкѝ* или *волока̀* (также *волòка)*, въ Пермской и Вятской губерніяхъ — «двѣ клюки, длинныя кокорки, служащія оглоблями и полозьями, для выволакивавія бревенъ изъ непроѣзжаго лѣсу, изъ *вòлока*, или пара тонкихъ берёзъ, цѣликомъ срубленныхъ, для перетаски на нихъ вóлокомъ сѣнныхъ копенъ; лошадь впрягаютъ въ лѣсины, какъ въ оглобли, а на клубъ (сучья и вѣтви) наваливаютъ копну». Въ Пермской губ. такія жерди для перетаскивзнія копенъ

---

[100]) *Retzius,* Finnland. 1885. S. 103. По всей вѣроятности, волокуши существуютъ и въ горныхъ частяхъ Индіи и Персіи, хотя собственно сани тамъ не извѣстны. Какъ сообщаетъ мнѣ проф. В. Ѳ. Миллеръ, для передачи англійскаго sledge (сани) были придуманы въ Индіи искусственныя описательныя слова, въ родѣ «niçcakrayāna» — «безколесная повозка», «acakravāhanam» — «безколесный экипажъ» и т. п. Въ Зендавестѣ сани также неизвѣстны. — Въ осетинскомъ языкѣ «сани» = «дзоныг»; то же слово прилагается для обозначенія нижней челюсти (ср. у насъ «салазки» въ двухъ значеніяхъ).

сѣна называются *возилки*. Подобныя же волокуши извѣстны и у Малороссовъ, у которыхъ онѣ носятъ мѣстами названіе *копаныци*, потому что состоятъ изъ двухъ тонкихъ стволовъ, выкопанныхъ съ корнемъ [101]).

Волокуша и волочуга могутъ быть разсматриваемы какъ прототипъ саней; послѣднія представляютъ лишь ихъ дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе. Если двѣ жерди волокуши состоятъ изъ нетолстыхъ гибкихъ древесныхъ стволовъ и употребляются такъ, что ихъ болѣе тонкіе концы служатъ оглоблями, а болѣе толстые тащатся по землѣ, то мы получимъ родъ дровень, съ тѣмъ только различіемъ, что оглобли будутъ не привязаны къ полозьямъ, а составлять съ ними одно цѣлое [102]). Опытъ могъ однако показать неудобство подобнаго способа перевозки въ томъ отношеніи, что такія длинныя жерди, при значительной клади или неровной дорогѣ, легко могли ломаться въ мѣстѣ своего наибольшаго перегиба. Пришлось, можетъ быть, иногда привязывать, во время пути, отломившуюся оглобельную половину къ остальной помощью веревки или ремня, и практика могла показать, что такое раздвоеніе жерди связкой ея половинокъ представляетъ многія удобства и выгоды. Разъ это было дознано, изобрѣтеніе саней могло считаться, въ принципѣ, совершившимся, и оставалось только приспособить лучше полозья въ томъ смыслѣ, чтобы они не натыкались своими передними концами (были загнуты напереди кверху), скользили бы легче и были бы снабжены болѣе удобнымъ помѣщеніемъ для клади и сидѣнья. Это было достигнуто загибомъ вверхъ переднихъ концовъ полозьевъ (ихъ головокъ), сглаженіемъ (обтесываніемъ) ихъ нижнихъ сторонъ и укрѣпленіемъ въ ихъ верхнихъ сторонахъ копыльевъ, связанныхъ «вязками» поперекъ и «грядками» вдоль, послѣ чего на такомъ остовѣ могъ быть, въ случаѣ надобности, прилаженъ кузовъ. Простѣйшею формою настоящихъ саней были, повидимому, дровни, салазки, затѣмъ уже нарты и собственно сани съ кузовомъ, въ ихъ различныхъ

---

101) *Kolberg* (Pokucie I. 68): Robią także sanki z drzewa wykopanego z korzeniem (kopanyci), a sanki takie są nierownie mocniejsze od polozowych. По Далю, «*копанье* — кроква кокора, лѣсина съ корнемъ, на санныя полозья. *Кòпани* — пара санныхъ полозьевъ, съ корневыми негнутыми головяшками. Въ Закавказьи (горной Абхазіи и Имеретіи) употребляются и лѣтомъ сани для перевозки сѣна съ горныхъ склоновъ. *Кòпанцы* сиб. — большія дровни изъ пары копаней для возки тяжестей на заводахъ.

102) Названіе *вòлокни* (*болокни* — отъ «оболокать», обшить лубомъ; также «бòлховни») — придается въ Казанской губерніи простымъ санямъ, обшевнямъ, пошевнямъ, розвальнямъ; *волоченки* (тащиха) въ Пензенской губ. означаетъ палку, подкладываемую подъ соху, чтобы она не пахала, для перевозки ея съ мѣста на мѣсто; *волочуга, волочужка*, въ Казанской губ., употребляется въ смыслѣ возка или возишка сѣна, а въ Архангельской — въ смыслѣ копешки, вороха, «сколько въ одинъ рядъ можно стащить лошадью, волокомъ». (*Даль*, Словарь). Въ Москвѣ названіе «волòчки» прилагалось прежде извощичьимъ дрожкамъ. Волòка, въ Пермск. губ., — называется: «родъ полудровень, состоящихъ изъ двухъ длинныхъ оглобель, у которыхъ нижніе концы гораздо толще и немного загнуты для удобнаго волоченія по зимней дорогѣ; кницы скрѣплены толстыми перекладинами, на которыя кладутъ и привязываютъ колоды перевозимыхъ бревенъ». (Областной Словарь).

варіаціяхъ, возки и т. д. [103]). Разумѣется, болѣе совершенныя формы саней могли развиться лишь тамъ, гдѣ мѣстныя и климатическія условія благопріятствовали усовершенствованію этого рода повозокъ; въ другихъ же странахъ должны были получить наибольшее развитіе повозки на колесахъ, которыя распространились мало-по-малу всюду, вытѣсняя сани, какъ лѣтній экипажъ, и уступая имъ мѣсто только въ снѣжныя зимы. Волокуша, однако, какъ первобытный, простѣйшій и наиболѣе дешевый способъ передвиженія, могла пережить еще долго болѣе совершенные его способы, тѣмъ болѣе, что ѣзда на колесахъ была въ нѣкоторыхъ каменистыхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ невозможна или затруднительна, а съ другой стороны не представляла тѣхъ удобствъ, была болѣе тряска и опасна, при несовершенствѣ повозокъ и дурномъ состояніи дорогъ. Кромѣ того, даже перейдя къ колеснымъ экипажамъ, народъ могъ еще долго предпочитать волокуши и сани въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ, при бо́льшей дешевизнѣ и легкости изготовленія, оказывались удовлетворительными для перевозки тяжелыхъ грузовъ, для отвезенія умершихъ на кладбище, для молотьбы, для вывезенія дровъ и стволовъ изъ лѣса и т. под.

Происхожденіе саней изъ волокуши, изъ волочащихся, тащащихся, ползущихъ по землѣ стволовъ, сучьевъ, жердей, видно отчасти, и изъ этимологіи названій саней. Нѣм. *Schlitten*, англ. *Sled*, *Sledge*, итал. *Slitta*, повидимому, состоятъ въ родствѣ съ литов. *szlájos* и *szlájes*, прусск. *slayo*, сани; *slayan*, полозъ у саней, которыя, въ свою очередь, сближаются съ литовскими: *szléti* — прикладывать, *szlajús* — кривой, косой, *szlaisty'tis* — sich lehnen, въ сложеніи съ предлогами также — sich schleichen; латышск. *sleija* — Strich, Linie, Wagengeleise, и указываютъ, повидимому, скорѣе на волокушу, чѣмъ на сани (ср. русск. *слегà* — жердь, *шлякъ* — палка, чурочка, застроганная съ концовъ и т. п.») [104]). Собственно «сани» называются по латышски — *sanus*, *sanas* («санюс, саняс»), — словами, заимствованными изъ русскаго языка. Любопытно, что въ числѣ литовскихъ названій саней есть *vážis* («важис»), родственное съ *vezù* (везу) и которое объясняется въ словарѣ Куршата, какъ «небольшія, легкія, загнутыя напереди высоко къ верху и запряженныя въ одну лошадь санки» (ein kleiner, leichter, einspänniger, vorn hoch in die Höhe gekrümmter Personenschlitten), — и латыш. *važus* («важус») и *važas* («важас») — сани изъ лубка или коры («Borkschlitten»). Эти названія могутъ быть сближены съ общеславянскимъ — *возъ*, основное значеніе котораго, однако, — «повозка на колесахъ», и которое родственно съ греч. ὄχος — колесница, нѣм. Wagen, одного корня съ *везу* лат. *veho* и т. д. Повидимому, Литовцы, въ своей лѣсистой и болотистой странѣ, поздно стали пользоваться, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, колесными по-

---

[103]) Лопарскія санки, въ которыя впрягается одинъ олень, имѣютъ видъ лодки, поставленной на полозья. См. напр. изображеніе лопарскихъ саней у *Martinière*, Voyage, 1671 и у Норденшильда.

[104]) Франц. *traineau*, — очевидно, родственно лат. *traha*, и имѣетъ собственно значеніе волокуши. *Trainer* = тащить, волочить.

возками, и роль воза у нихъ долго играли преимущественно сани [105]). Что касается до русскаго слова «сани», то оно — общеславянское: чешск. *sáně*, *sanĕ*, родит. sani; польск. *sanie*, лужиц. *sanje*; болгар. *сани*, *сание* [у Болгаръ употребительно, впрочемъ, и другое, вѣроятно турецкое, слово *шийнія*]; серб. *сàони* (предполагающее, по Р. Ѳ. Брандту, болѣе раннюю форму *сални*, вызванную, вѣроятно, сближеніемъ со словомъ «сало» —, какъ бы сальныя, смазанныя и оттого легко скользящія; сравни выше — о полозьяхъ у др. Египтянъ). У Славянъ слово «сани» заимствовано и другими народами: Латышами (sāńus), Мадьярами (szàn) и Румынами (sanie). Въ старо-церковныхъ памятникахъ слово «сани» не встрѣчается и этимологія этого слова не совсѣмъ разъяснена. Профессоры В. Ѳ. Миллеръ и Р. Ѳ. Брандтъ сближаютъ его съ словомъ *сань*, змѣя: чешск. san, saň — змѣй; въ Парамейникѣ 1271 г. (рукопись русскаго извода) — «на змия и на сань лукавьную» (ἐπὶ τὸν δράκοντα ὄφιν σκολιόν) [106]). Слово «сани» имѣетъ окончаніе множественнаго числа, а это указываетъ, съ одной стороны, что подъ нимъ разумѣлись собственно полозья, а съ другой — предполагаетъ единственное число *сань* (старинный творительный падежъ *саньми*, какъ *костьми*, напр. въ пословицѣ, у Даля: «привыкла собака за возомъ бѣжать, бѣжитъ и за *саньми*»). Но *сань* означала змѣю, а потому можно предположить, что названіе сани было дано полозьямъ по ихъ сходству съ змѣями; дѣйствительно, полозья ползутъ и передніе концы ихъ приподняты и загнуты кверху или даже въ видѣ буквы S, какъ и передняя часть тѣла ползущей змѣи. Въ пользу этого говоритъ и названіе *полозъ*, которое въ старину, да и теперь еще въ областныхъ нарѣчіяхъ, прилагается къ обозначенію змѣи, точно такъ же какъ и у Чеховъ — *plaž* значитъ и родъ саней (вѣроятно — волокуша) и «скользкая дорога» и «гадъ» (единичное или собирательное), тогда какъ «полозъ» — по чешски — *sanice*. По словенски — «полозъ» называется *krivina*, *smuka* или *saninec*, причемъ «smuka» должно быть сродни съ «пресмыкаться»; по сербски — «смук» — родъ змѣи, по чешски — «smyk» — родъ саней, Schleife zum Fahren, Schlitten, trahae, должно быть — волокуша, а въ самомъ словенскомъ *smuči* — сани [107]). — Такимъ образомъ, названія саней, полоза и

---

[105]) Есть еще литовское слово *rògès* — «маленькія санки», также *ragutès*; и латышское *ragavas*, *ragus* — «der flache Holzschlitten. Происхожденіе этихъ словъ, какъ сообщаетъ мнѣ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, не ясно. Не извѣстно также происхожденіе слова *kamanas*, тоже означающаго сани. — Въ русскомъ языкѣ замѣчается тоже нѣкоторое колебаніе относительно значенія слова *возъ*, которое прилагается и къ телѣгѣ и къ нагруженнымъ дровнямъ. Ср. *возило* — телѣга, а *возила* (множ.) — сани.

[106]) Въ другомъ Парамейникѣ, по словамъ Ф. Ѳ. Фортунатова, стоитъ: «на змия на *санъ* лукавую», «на змия на *санъ* бѣгающи». Слово «сань» Миклошичъ переводитъ «змѣй» (δράκων, draco), какъ и проф. Фортунатовъ; Брандтъ же пишетъ мнѣ, что, судя по примѣру, надо переводить — «змѣю» (ὄφις, serpens).

[107]) У Поляковъ — полозъ = *płoz*, множ. *płozy*; у Сербовъ — *плаз*. У Словенцевъ — *plaž* значитъ «обвалъ», «лавина». Sanica или Sannica — въ смыслѣ полоза — есть и въ польскомъ.

змѣи, выражаемыя словами одинаковыхъ корней, указываютъ и на сходство въ представленіи объ этихъ предметахъ Славянъ, которые, очевидно, видѣли въ нихъ нѣчто общее, придавали имъ всѣмъ значеніе «ползуновъ». Проф. Ф. Ѳ. Фортунатовъ также допускаетъ возможность родства, по звуковой сторонѣ, слова «сани» со словомъ «сань», но считаетъ его все-таки недоказаннымъ, въ виду того, что неизвѣстно слово съ тѣмъ значеніемъ, которое въ такомъ случаѣ надо бы предполагать какъ болѣе основное («ползать»). Съ другой стороны, и Р. Ѳ. Брандтъ указываетъ на отсутствіе въ другихъ языкахъ корней, родственныхъ славянскому *сан*. «Единственное — пишетъ онъ мнѣ — найденное мною сближеніе съ греч. σανίς, доска, весьма сомнительно, и значенія не близки, и звуковое соотвѣтствіе далеко не полное. Начальное *s* у Грековъ предполагаетъ древнѣйшее *sv*, которое у Славянъ, вѣроятно, уцѣлѣло бы, и греч. *a* здѣсь краткое, тогда какъ славянское *a* предполагаетъ долготу — *ā* или *ō*» [108]). По значенію однако — «сани» можно сближать съ «доскою», особенно, если принять во вниманіе описанную выше молотилку-дикьянъ.

Что сани (и волокуши) вошли въ употребленіе ранѣе повозокъ на колесахъ, были наиболѣе древнимъ, первобытнымъ способомъ передвиженія, въ пользу этого можно привести и нѣкоторыя народныя преданія. Такъ, у Малоруссовъ существуютъ разсказы, что «съ самого початку світа люди не малы возівъ, а іздылы літомъ и зимою на саняхъ», и что возъ и колеса выдумалъ чортъ. По другимъ разсказамъ, «завезлы воза до людей и далы ёго імъ святы Петро и Павло», по инымъ возъ былъ изобрѣтенъ Соломономъ. Чубинскій приводитъ нѣсколько такихъ разсказовъ, записанныхъ въ разныхъ уѣздахъ Юго-западнаго края [109]). Вѣроятно, что подобные разсказы сохранились и у другихъ славянскихъ народовъ, а можетъ быть кое-гдѣ и у Нѣмцевъ, но мнѣ не приходилось ихъ встрѣчать. Во всякомъ случаѣ подобное преданіе у Малоруссовъ стоитъ вполнѣ въ соотвѣтствіи съ другими указаніями на бо́льшую древность саней, приведенными нами выше.

Замѣтимъ здѣсь, что если народное преданіе сохранило еще мѣстами память о болѣе позднемъ ознакомленіи съ колесной повозкой, чѣмъ съ санями, то оно, повидимому, забыло о томъ, что изобрѣтеніе «колы» могло совершиться лишь постепенно, и что первые типы ея должны были быть весьма несовершенны. Тэйлоръ первый представилъ доказательства тому, что древнѣйшая повозка должна была быть двухъколесною и развитьея изъ обрубка толстаго цилиндрическаго ствола, средняя часть котораго, ставъ болѣе тонкою, превратилась въ ось, а боковыя, оставленныя толстыми, послужили первообразомъ колесъ. Такая ось, составлявшая одно

---

[108]) Считаю долгомъ принести искренную благодарность профессорамъ Ф. Ѳ. Фортунатову, В. Ѳ. Миллеру и Р. Ѳ. Брандту за ихъ весьма цѣнныя и полезныя для меня лингвистическія указанія по предмету моей работы.

[109]) Труды Этнографическо-Статист. экспедиціи въ Западно-Русскій край. Юго-Западный Отдѣлъ. Т. I. Спб. 1872., стр. 104 — 106.

цѣлое съ колесами, могла вращаться въ какой нибудь продольной доскѣ, на которой могъ быть прилаженъ первобытный кузовъ. Вѣроятность такой стадіи Тэйлоръ подтвердилъ указаніемъ на существованіе у древнихъ Римлянъ военной двухъколесной повозки, колеса которой были сплошныя (безъ прорѣзовъ), лишь съ четырехугольнымъ отверстіемъ въ центрѣ, въ которое забивался на глухо также четырехугольный конецъ оси (средина которой была однако круглою). Подобная же повозка существуетъ и теперь еще въ Португаліи, на Асорскихъ островахъ, въ Чили, а равно въ Закавказьи и мѣстами даже во внутренной Россіи. Абхазская арба (какъ то показы-

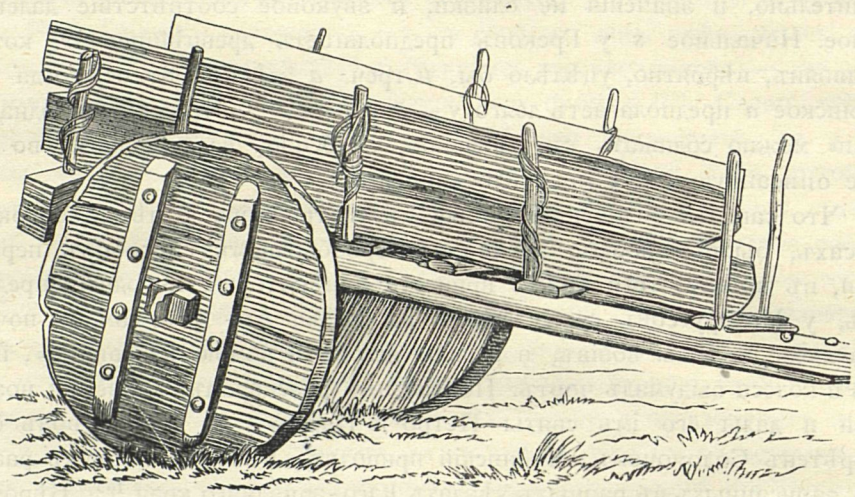


рис. XXII.
Абхазская арба съ наглухо забитою въ колеса осью. Съ фотографіи.

ваетъ прилагаемый рисунокъ) имѣетъ сплошныя толстыя колеса съ забитою въ нихъ наглухо осью, которая вращается вмѣстѣ съ колесами. Португальская арба выказываетъ уже два небольшихъ прорѣза въ толщѣ колесъ, а въ Россіи употребляются кое-гдѣ колеса, составляющія дальнѣйшую стадію развитія. Н. Н. Харузинъ сообщилъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ Пудожскомъ уѣздѣ грубыя колеса изъ цилиндрическаго обрубка цѣльнаго ствола съ четырьмя прорѣзами, занимаемая коими площадь все-таки значительно меньше площади промежутковъ (соотвѣтствующихъ спицамъ). Колеса эти отличаются впрочемъ тѣмъ, что центральное отверстіе въ нихъ, ступица, уже круглое и надѣвается на неподвижную ось. Даль, подъ словомъ «колы́жка», означающемъ въ Псковской, Тверской и Костромской губ. — двуколку, одноколку, таратайку, замѣчаетъ, что «въ колыжкѣ нерѣдко ось наглухо заколочена въ ступицы и вертится вмѣстѣ съ колесами» Въ «Областномъ словарѣ» отмѣчено, что *колышкой* называется въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губ. «ящикъ вмѣсто телѣги, сколоченный изъ досокъ, на двухъ колесахъ и иногда съ вертящеюся осью». О развитіи

колы, четырехколесной телѣги изъ двухъколесной сохранилась еще (по словамъ Фензика) память въ Угорской Руси. Тамъ подъ «телѣгой», въ строгомъ смыслѣ слова, «разумѣютъ только переднія колеса съ осью и дышломъ».

Подведя итогъ настоящему отдѣлу статьи, мы можемъ выразить его такъ. Сани (дровни) развились изъ волокуши и были древнѣйшей повозкой. Впослѣдствіи ихъ смѣнили телѣги, колы, колесницы, развившіяся, въ свою очередь, изъ двухъколесной арбы съ вращающеюся осью, составлявшею одно цѣлое съ вырѣзанными изъ цилиндрическаго ствола сплошными колесами. Въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ Россіи, сани продолжали еще долго играть роль наиболѣе распространенной повозки, которою пользовались и лѣтомъ, особенно въ болотистыхъ, лѣсистыхъ и гористыхъ мѣстностяхъ, гдѣ сани употребляются мѣстами, въ лѣтнее время года, еще и теперь. Кромѣ того, при несовершенствѣ (тряскѣ) колесныхъ экипажей и ихъ дороговизнѣ санями продолжали пользоваться лѣтомъ еще долго и въ городахъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось болѣе покойное и солидное, хотя и медленное передвиженіе. Употребленіе саней при похоронномъ обрядѣ могло обусловливаться, кромѣ того, большею древностью ихъ, чѣмъ колесницы, а равно практиковавшимся ранѣе обычаемъ оставлять сани на могилѣ, что̀ въ примѣненіи къ телѣгѣ или колесницѣ было менѣе удобно, вслѣдствіе ея большей цѣнности и рѣдкости въ прежнее время, хотя иногда какъ увидимъ далѣе, колесницы также полагались въ могилу. Особенность русскихъ (по крайней мѣрѣ великокняжескихъ и царскихъ) похоронъ состояла еще въ томъ, что сани служили и носилками для несенія тѣла (и гроба умершаго), а иногда и для несенія сопровождавшей гробъ вдовы покойнаго.

———(Ф)———

II.

ЛАДЬЯ.

Ладья, какъ принадлежность похоронъ у древняго населенія Россіи. — Сожженіе въ ладьѣ у Русовъ, по свидѣтельству Ибнъ-Фадлана.— Различныя мнѣнія о національности этихъ Русовъ. — Сожженіе въ ладьѣ у Скандинавовъ. — Свидѣтельство сагъ. — Погребеніе въ ладьѣ — по даннымъ раскопокъ въ Швеціи и Норвегіи. — Раскопки кургановъ близъ Ультуны, Туне и «Королевскаго» кургана у Гокстада. — Ладья и могильная камера на ней въ Гокстадскомъ курганѣ. — Курганъ Сторхаугъ и найденная въ немъ ладья съ остатками викинга. — Ладьеобразныя каменныя ограды — въ Швеціи, Сѣверной Германіи и Прибалтійскомъ краѣ. — Курляндскія «Чортовы лодки». — Лифляндскіе каменные корабли; результаты ихъ раскопокъ и двоякая эпоха ихъ воздвиганія, по мнѣнію Гревинга. — Тюрсельская каменная ограда въ Эстляндіи. — Похороны въ ладьѣ— въ южной Азіи (Пегу), въ Полинезіи, Меланезіи, сѣверной Америкѣ, на островѣ Мадагаскарѣ и въ сѣверной Азіи. — Погребеніе въ ладьѣ у Орочей, Чукчей, Тунгузовъ, Остяковъ и Вогуловъ. — Нѣкоторыя указанія на пользованье ладьею при погребеніи у древнихъ Русскихъ. — Положеніе «межъ кладами» и «подъ насадомъ». — Ладьеобразная форма могилъ и лодкообразные гробы въ нѣкоторыхъ курганахъ средней и южной Россіи. — Погребеніе въ колодахъ. — Давность этого обычая. — Todtenbäume у древнихъ Германцевъ — въ языческую и раннюю христіанскую эпоху. — Колоды въ русскихъ курганахъ и на позднѣйшихъ кладбищахъ. — Причины и смыслъ погребенія въ ладьѣ. — Воззрѣнія на загробный міръ, какъ на находящійся за моремъ, и представленія о «рѣкѣ смерти». — Обряды, соединенные съ этими воззрѣніями. — Погребальная ладья у древнихъ Египтянъ; ладьеобразныя гробницы въ могильникахъ Вавилоніи. — Миѳъ о «перевозчикѣ душъ» Харонѣ. — Плата за перевозъ на тотъ свѣтъ. — Положеніе съ умершимъ монетъ. — Широкое распространеніе этого обычая. — Различныя объясненія его у различныхъ народовъ.

Ладья, въ качествѣ существенной принадлежности похоронъ у извѣстной части населенія Россіи, упоминается уже арабскимъ путешественникомъ Ибнъ-Фадланомъ (Ибнъ-Фоцланъ), посѣтившимъ г. Булгаръ на Итилѣ (Волгѣ-Камѣ) въ двадцатыхъ годахъ X вѣка [110]). Описывая Русовъ, приходившихъ въ его время на судахъ откуда-то сверху и имѣвшихъ на берегу рѣки свои торговыя факторіи изъ большихъ деревянныхъ домовъ, Ибнъ-Фадланъ сообщаетъ объ ихъ нравахъ, обычаяхъ и особенно подробно объ ихъ религіозныхъ и похоронныхъ обрядахъ. Между прочимъ, онъ говоритъ: «бѣдному человѣку дѣлаютъ у нихъ небольшое судно, кладутъ его туда и сжигаютъ его»; въ случаѣ же смерти «знатнаго у нихъ че-

---

[110]) *Гаркави,* Сказанія мусульм. писателей о Славянахъ и Руссахъ. Спб. 1876, стр. 93 — 101.

ловѣка», вытаскивали на берегъ его судно, ставили между деревянными столбами на костеръ изъ дровъ и приготовляли для помѣщенія умершаго. Судно убирали коврами, подушками изъ «румской» (византійской) матеріи; на немъ разбивали шатеръ и въ шатрѣ этомъ помѣщали умершаго, который за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ вынесенъ изъ дому и положенъ во временную могилу [111]). На мертвеца надѣвали шаровары, сапоги, куртку, кафтанъ съ золотыми пуговицами, соболью шапку и сажали его на коверъ, подпирая подушками; рядомъ съ нимъ ставили «горячій напитокъ», плоды, хлѣбъ, мясо, лукъ, благовонныя травы и клали все его оружіе; въ шатеръ бросали также убитую и разрубленную на части собаку, а равно двухъ разрубленныхъ лошадей, двухъ быковъ, пѣтуха и курицу, затѣмъ вводили туда же одну изъ дѣвушекъ покойнаго, которую убивали, удавливая веревкой и вонзая кинжалъ между ребрами, наконецъ зажигали костеръ, который и сгоралъ вмѣстѣ съ судномъ, и со всѣмъ, что̀ въ немъ было положено.

Академикъ Френъ, издавшій впервые, въ 1823 г., арабскій текстъ Ибнъ-Фадлана, съ своимъ переводомъ и примѣчаніями, призналъ въ «Русахъ» арабскаго путешественника — Нормановъ. «Во всей той картинѣ, говоритъ онъ, — которую представляетъ намъ арабскій писатель о положеніи Русовъ на Волгѣ во время Игоря, сына Рюрикова, мы снова находимъ Нормановъ, какъ ихъ описываютъ, около того же самого времени, франкскіе и англійскіе писатели, и видимъ, какъ Арабъ точно будто протягиваетъ имъ руку на Востокѣ» [112]). Мнѣніе, что въ Русахъ Ибнъ-Фадлана надо видѣть Норманновъ, раздѣлялось большинствомъ нашихъ историковъ, покуда у насъ господствовала система, признававшая норманское происхожденіе Руси, но когда явилась оппозиція норманской теоріи и стало распространяться воззрѣніе, что Русы были Славяне, тогда оказалось, что данныя Ибнъ-Фадлана могутъ быть, съ тою же степенью вѣроятности, пріурочены и къ древнимъ Славянамъ [113]). Впрочемъ уже Бѣляевъ въ 1850 г. высказалъ мнѣніе, что въ Русахъ Ибнъ-Фадлана нельзя видѣть Варяговъ-Нормановъ, на томъ основаніи, что «Варяги, въ новомъ своемъ отечествѣ, т. е. на Руси, не сожигали своихъ покойниковъ, а погребали ихъ въ землѣ несожженными, въ чемъ удостовѣряютъ всѣ свидѣтельства нашихъ лѣтописей (напр. относительно Аскольда и Дира,

---

[111]) Ибнъ-Фадланъ говоритъ, что «когда одинъ изъ нихъ (Русовъ) заболѣваетъ, то они разбиваютъ ему палатку вдали отъ нихъ, бросаютъ его туда и кладутъ съ нимъ кое-что изъ хлѣба и воды, но не приближаются къ нему, не говорятъ съ нимъ, даже не посѣщаютъ его во все время (болѣзни), особенно когда онъ бѣдный или невольникъ». О знатномъ умершемъ человѣкѣ Ибнъ-Фадланъ говоритъ, что они положили его въ могилу и накрыли ее крышкой (и оплакивали его) въ продолженіи десяти дней, пока не кончили кроенія и шитья одежды его.

[112]) Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit.. Text mit Uebersetzung und Anmerkungen von *Frähn*. S. Pt. 1823.

[113]) По Самоквасову — «въ общемъ и въ частностяхъ обрядъ, описанный Фодланомъ и обрядъ Черниговскихъ (Сѣверянскихъ) кургановъ сходны до такой степени, что несомнѣнно принадлежатъ одному народу.

Олега, Игоря), да и въ самой Скандинавіи въ это время обычай погребенія, а не сожженія, былъ давно всеобщимъ; посему и нѣтъ никакихъ причинъ думать, чтобы Русы отступали отъ своего исконнаго роднаго обычая только въ Итилѣ, куда пріѣзжали на время». Основываясь на свидѣтельствѣ лѣтописца о сожженіи у Славянъ, Бѣляевъ полагалъ, что Ибнъ-Фадланъ «Рускими похоронами называетъ похороны Сѣверянъ» [114]). Во времена Бѣляева еще не было ничего извѣстно объ условіяхъ погребенія въ древнихъ сѣверянскихъ курганахъ; въ настоящее же время не можетъ подлежать сомнѣнію, что какъ у древнихъ Сѣверянъ, такъ и у Кривичей въ IX — X вѣкахъ практиковался обычай сожженія, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ нѣкоторымъ, болѣе знатнымъ умершимъ, и что этотъ же обычай былъ констатированъ и въ нѣкоторыхъ курганахъ земли Мерянской. Конечно, раскопки указанныхъ кургановъ не въ состояніи были доставить всѣ данныя для иденфицированія ссыпавшихъ эти курганы народностей съ Русами Ибнъ-Фадлана, но, во всякомъ случаѣ, онѣ нѣсколько подтвердили вѣроятность принадлежности этихъ Русовъ къ Славянамъ. Замѣтимъ однако, что г. Стасовъ [115]) въ своемъ анализѣ Ибнъ-Фадланова разсказа, привелъ рядъ остроумныхъ соображеній въ пользу того, что подъ «Русами» въ данномъ случаѣ можно съ такою же вѣроятностью видѣть инородческое племя, «въ бытѣ котораго совмѣстно присутствовали элементы Финскихъ и Тюркскихъ народовъ». Г. Стасовъ видитъ эти элементы — въ грубыхъ деревянныхъ идолахъ Русовъ, въ костюмѣ и вооруженіи этого народа, во многихъ подробностяхъ похороннаго обряда и т. д. Похороны въ ладьѣ онъ считаетъ однако «коренною и существенною чертою» быта древнихъ Германцевъ и Скандинавовъ, не зная, повидимому, что лодка составляетъ столь же характерный и существенный атрибутъ похоронъ и у нѣкоторыхъ Финскихъ народностей, какъ объ этомъ будетъ сказано далѣе.

Сожженіе въ ладьѣ, было однако, дѣйствительно, типичною чертою похороннаго обряда у Скандинавовъ. Изъ древнихъ сагъ видно, что такъ были похоронены: Baldr (Baldur), Hotherus, Haki, а миѳическому третьему Frotho — Саксъ Грамматикъ приписываетъ законъ, что тѣла полководцевъ и королей (на войнѣ?) должны быть сожигаемы на ихъ судахъ, тѣла же простыхъ гражданъ — погребаемы въ курганахъ [116]).

---

[114]) *Бѣляевъ,* Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика, въ «Временникѣ Общ. Исторіи и Древностей». VIII. 1850.

[115]) *Стасовъ,* Замѣтки о Русахъ Ибнъ-Фадлана, въ «Ж. Мин. Нар. Просв.» Ч. CCXVI. отд. 2.

[116]) Saxo (S. 87 Steph. 234 Müll.) говоритъ, что Trotho lege cavit, ut quisquis paterfamilias eo conciderat bello cum equo omnibusque armaturae suae insignibus tumulo mandaretur... Centurionis vero vel satrapae corpus rogo propria nave constructo funerandum constituit; dena autem gubernatorum corpora unius puppis igne consumi praecepit; ducem quempiam aut regem proprio injectum navigio concremare. См. *Grimm,* Ueber das Verbrennen der Leichen, въ «Kleinere Schriften» II. 1865, S. 272 — 273. Такъ какъ въ этомъ законѣ ничего не говорится о тѣлахъ женщинъ и дѣтей, то Гриммъ полагаетъ, что онъ относился только до павшихъ во время войны.

Бальдуръ былъ положенъ на кострѣ, устроенномъ на его суднѣ Hringhorni («съ украшеннымъ кольцами носомъ»); вмѣстѣ съ нимъ были возложены на костеръ — Нанна, его жена, и осѣдланный его конь. Сожженое судно было оттолкнуто отъ берега великаншей Hyrrockin. — Умирающій отъ ранъ король Haki Упсальскій приказываетъ нагрузить свою шкуну (Skeid) тѣлами убитыхъ и оружіемъ и положить себя на срединѣ, на костеръ. Когда король умеръ, костеръ зажгли, направили руль, подняли парусъ и пустили горящую шкуну въ море. Иногда впрочемъ упоминается и о сожженіи на сушѣ, причемъ въ такомъ случаѣ пепелъ собирался и бросался въ море или клался въ сосудъ, который или закапывался въ землю или покрывался насыпью (курганомъ). Съ другой стороны, рядомъ съ сожженіемъ практиковалось и погребеніе, которое было, несомнѣнно, болѣе древнимъ способомъ похоронъ, и которое, впослѣдствіи, снова вытѣснило сожженіе. Изъ сагъ видно, что иногда и тѣла знатныхъ лицъ, королей, также подвергались погребенію, а не сожженію, но любопытно, что погребеніе въ этомъ случаѣ совершалось часто тоже въ ладьѣ [117]). Гриммъ полагалъ, что обычай погребенія въ ладьѣ былъ древнѣйшимъ на сѣверѣ, лишь впослѣдствіи смѣнившійся обычаемъ сожженія въ ладьѣ. Кромѣ того, иногда ладья не сожигалась и не погребалась, а просто пускалась, на произволъ вѣтра, въ море, — обычай, слѣды котораго мы встрѣчаемъ также въ Франціи и Германіи [118]). «Впослѣдствіи, говоритъ Гриммъ, когда отъ сожженія перешли снова къ погребенію, возникъ двоякаго рода обычай: или умершаго хоронили въ ладьѣ (или въ ладьеобразномъ гробу), подъ насыпью (курганомъ), или же ставили на холмѣ большіе камни, располагая ихъ въ формѣ ладьи. Такія ладьеобразныя каменныя ограды были находимы неоднократно въ Швеціи,.. тогда какъ настоящія ладьи или суда не попадались ни въ скандинавскихъ, ни въ нѣмецкихъ древнихъ могилахъ. Но въ южной Германіи встрѣчаются нерѣдко могилы съ колодами (Todtenbäume), выдолбленными изъ цѣльныхъ стволовъ, какъ челноки;

---

117) *Grimm,* Deutsche Mythologie. 4 Ausg. II. 1876 S. 692. Въ ладьѣ были похоронены: Egil Ullserk (вмѣстѣ съ тѣлами многихъ убитыхъ), Unur, Asmundr, Geirmundr. «Wahrscheinlich, — говоритъ Гриммъ — legte man vornehme Leichen erst in eine Kiste und setzte diese ins Schiff, dann erfolgte Bestattung im Hügel. — Вейнгольдъ замѣчаетъ, что не одни викинги хоронились въ ладьѣ, но иногда и женщины.

118) Тѣло героя Scild было пущено въ море на суднѣ. — Сигмундръ несетъ трупъ Синфьотли, своего любимаго сына, на берегъ моря, гдѣ его ожидаетъ человѣкъ съ челнокомъ и предлагаетъ перевезти; Сигмундръ кладетъ мертваго въ лодку, тогда неизвѣстный отталкиваетъ ее и пускается въ море. — Тѣло Jarlmâgus'а было положено его вдовой на судно и отвезено въ «святую землю». — Одна шведская народная сказка разсказываетъ о золотомъ суднѣ, лежащемъ въ Runemad около Шлюссельбергъ и на которомъ Одинъ везъ въ Валхаллу убитыхъ въ сраженіи при Бравалле. — Въ одной нѣмецкой сказкѣ также говорится о золотомъ суднѣ, въ которомъ былъ погребенъ Атлисъ. Въ старо-французскомъ романѣ Лансело (Lancelot) «la demoiselle d'Escalot дѣлаетъ распоряженіе, чтобы послѣ ея смерти «son corps fut mis en une nef, richement equippée, que l'on laisserait aller au gré du vent sans conduite». Въ старинной повѣсти Gawan — лебедь везетъ челнокъ, въ которомъ лежитъ тѣло мертваго рыцаря. См. Grimm, Deutsche Mythologie. II. 1876. S. 693 ff.

съ другой стороны, какъ сѣверныя, такъ и нѣмеція саги упоминаютъ положительно о погребеніи въ ладьѣ».

Во времена Гримма не было еще извѣстно о случаяхъ находокъ ладей въ скандинавскихъ курганахъ. Но съ тѣхъ поръ такихъ находокъ было сдѣлано нѣсколько, и въ настоящее время мы можемъ составить себѣ понятіе не только о формѣ скандинавскихъ судовъ въ древнѣйшую желѣзную эпоху и въ эпоху викинговъ, но и объ обстановкѣ погребеній въ ладьѣ — въ Швеціи и Норвегіи. Въ 1855 г. въ одномъ курганѣ около Ультуны, къ югу отъ Упсалы, были найдены полуразрушенные, но все-таки явственно отличимые остатки судна, въ которомъ былъ погребенъ человѣкъ съ его оружіемъ и конями. Въ доскахъ судна еще торчали соединявшіе ихъ желѣзные гвозди. Судно походило по величинѣ на небольшую шкуну. Рядомъ съ несожженнымъ костякомъ лежалъ мечъ съ желѣзнымъ клинкомъ и съ рукояткой изъ позолоченной бронзы, богато украшенной изящнымъ орнаментомъ изъ завитковъ. Найдены были также остатки деревянныхъ ноженъ съ позолоченнымъ къ нимъ наборомъ. Кромѣ того, при костякѣ лежали: желѣзный шлемъ съ гребнемъ изъ обложенной серебромъ бронзы; навершье (umbo) отъ щита съ богато орнаментированной бронзовой обивкой, рукоятка щита, 19 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, два лошадиныхъ удила, 36 игральныхъ камней (изъ нихъ одинъ отличается отъ прочихъ металлической оковкой) и три игральныхъ кости, наконецъ остатки двухъ лошадиныхъ скелетовъ. Въ передней части судна оказалась желѣзная рѣшетка и котелъ изъ спаянныхъ желѣзныхъ пластинъ, съ подвижною ручкой, также кости свиньи и гуся, — остатки тризны или провизіи, положенной умершему въ могилу. — Въ новѣйшее время, въ другомъ мѣстѣ Швеціи, въ приходѣ Вендель, въ сѣверной Уппландіи, были найдены также могилы, въ каждой изъ коихъ оказались явственные слѣды ладьи, длиной около 9 метровъ, и въ которой былъ похороненъ умершій съ его оружіемъ, нѣсколькими конями и другими домашними животными. Въ одной могилѣ былъ найденъ еще скелетъ сокола (очевидно охотничьяго). Въ числѣ оружія оказался богатый мечъ и шлемъ съ бронзовой обкладкой, украшенной своеобразными изображеніями конныхъ воиновъ. Могилы эти были найдены не подъ курганомъ, а вырытыми въ землѣ. Шведскіе археологи относятъ ихъ къ эпохѣ промежуточной между древнимъ желѣзнымъ періодомъ и эпохою викинговъ [119]).

---

[119]) *Montelius.* Die Kultur Schwedens in vorchristlicher Zeit. Uebers. von Appel. Ber. 1885. S. 131 ff. — Въ 1863 г. въ торфѣ Нидамскаго болота, въ южной Ютландіи, были найдены двѣ большія ладьи, нагруженныя разными желѣзными предметами. (*Montelius,* S. 112; *Леббокъ,* «Доист. Времена», 1876. стр. 6 и слѣд.). Одна ладья оказалась сдѣланною изъ дубоваго, другая — изъ сосноваго дерева. Это были большія, открытыя, заостренныя на обоихъ концахъ лодки, предназначенныя для хода исключительно при помощи веселъ, безъ слѣда мачты. Дубовая ладья имѣла около 23 метровъ въ длину, 3,25 м. въ ширину и 14 паръ веселъ (каждое въ 3—4 м. длиною); въ ней могло помѣститься около сорока человѣкъ. Руль состоялъ изъ короткаго весла, которое прикрѣплялось подвижно, нѣсколько вправо отъ кормы. Въ ладьяхъ были найдены желѣзные топоры, мечи, копья, ножи, разныя украшенія, посуда и 50 римскихъ монетъ 67 — 217 гг. по

Еще болѣе интересныя находки были сдѣланы въ южной Норвегіи. Въ 1867 году при разрытіи большаго кургана у Туне, близь Фредерикстада, было найдено судно длиною около 45 футовъ и въ немъ остатки человѣческаго скелета съ оружіемъ и остатками двухъ лошадей. Благодаря тому, что курганъ, въ нижней своей части, состоялъ изъ глины, судно довольно хорошо сохранилось: оно имѣло заостренную къ обоимъ концамъ форму (какъ и Нидамская ладья), но было снабжено мачтой. Особенно замѣчательна, однако, находка, сдѣланная въ 1880 году, въ большомъ курганѣ у Гокстада, близъ Зандельфіорда. Курганъ этотъ былъ извѣстенъ въ народѣ

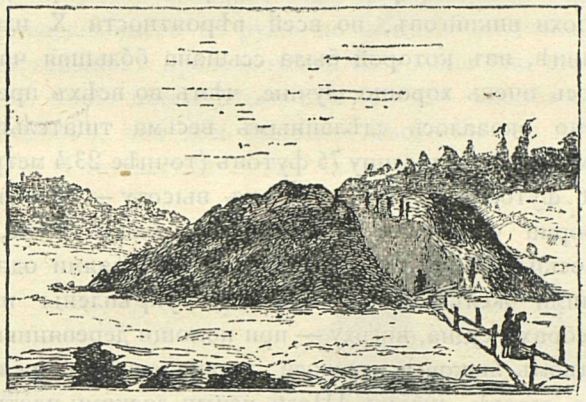


рис. XXIII.
Гокстадскій «Королевскій» курганъ, близъ Зандельфіорда, въ Норвегіи, во время его раскопки.

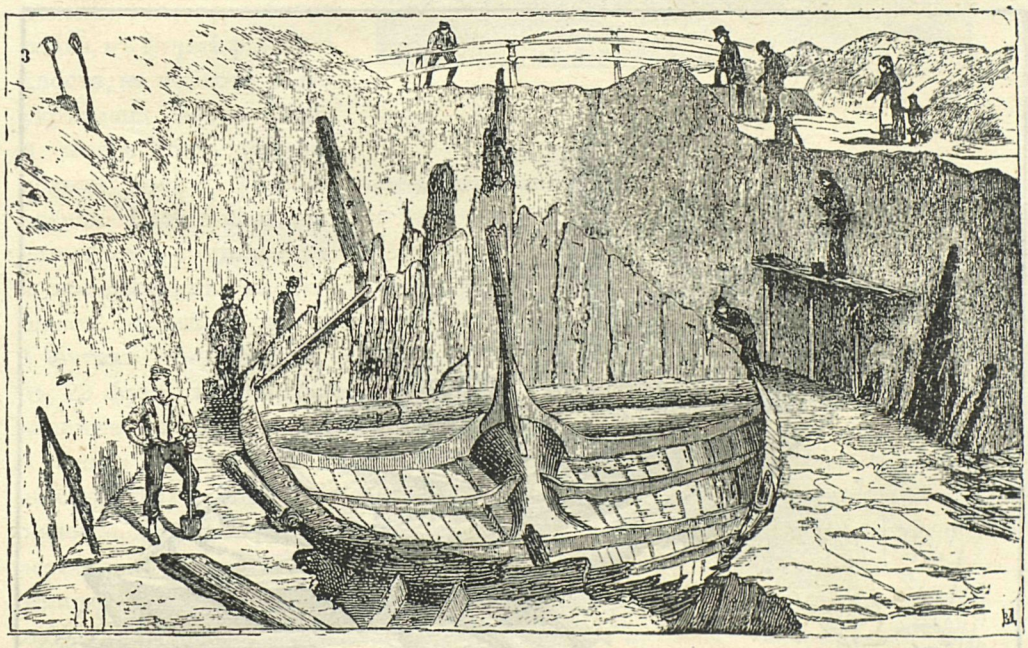


рис. XXIV.
Тотъ же курганъ, съ открытымъ въ немъ погребальнымъ судномъ викинга.

подъ именемъ «Королевскаго». Раскопка его была начата зимою 1879—80 года, но когда рабочіе наткнулись на какую-то деревянную въ немъ по-

Р. Х. — Позже, подобная же ладья была найдена въ торфяникѣ близь Fiholm, въ Вестманландѣ. Находки эти относятся къ древнѣйшей желѣзной эпохѣ, предшествовавшей эпохѣ викинговъ.

стройку, то работа была отложена до лѣта. Въ маѣ раскопка началась снова подъ надзоромъ норвежскаго королевскаго антиквара Николайзена изъ Христіаніи. Результатомъ раскопки было открытіе судна эпохи викинговъ, по всей вѣроятности X или конца IX вѣка. Благодаря глинѣ, изъ которой была ссыпана бо́льшая часть кургана, судно сохранилось очень хорошо, лучше, чѣмъ во всѣхъ предшествовавшихъ находкахъ. Оно оказалось сдѣланнымъ весьма тщательно изъ дубовыхъ досокъ и имѣющимъ въ длину 75 футовъ (точнѣе 23,4 метра), въ ширину (maximum)— 16 футовъ (5 метровъ) и въ высоту — не болѣе 5 — 6 футовъ, такъ что форма его, какъ и найденнаго близъ Туне, была длинная и плоская. Доски (планки судна), наложенныя краями одна на другую, связаны большими желѣзными гвоздями и укрѣплены на двадцати шпантахъ или ребрахъ судна, вверху — при помощи деревянныхъ гвоздей, внизу — посредствомъ лыковыхъ связей, пропущенныхъ чрезъ деревянныя, вырѣзанныя въ деревѣ, скобки. Щели между досками плотно законопачены расщепленными древесными корнями. Весла, длиною въ 6 метровъ (20 футовъ), находились въ числѣ 16 на каждой сторонѣ; они вкладывались не въ уключины, а просовывались въ круглыя дыры съ боковымъ вырѣзомъ, продѣланныя въ верхней, краевой планкѣ судна. Руль состоялъ изъ весла,

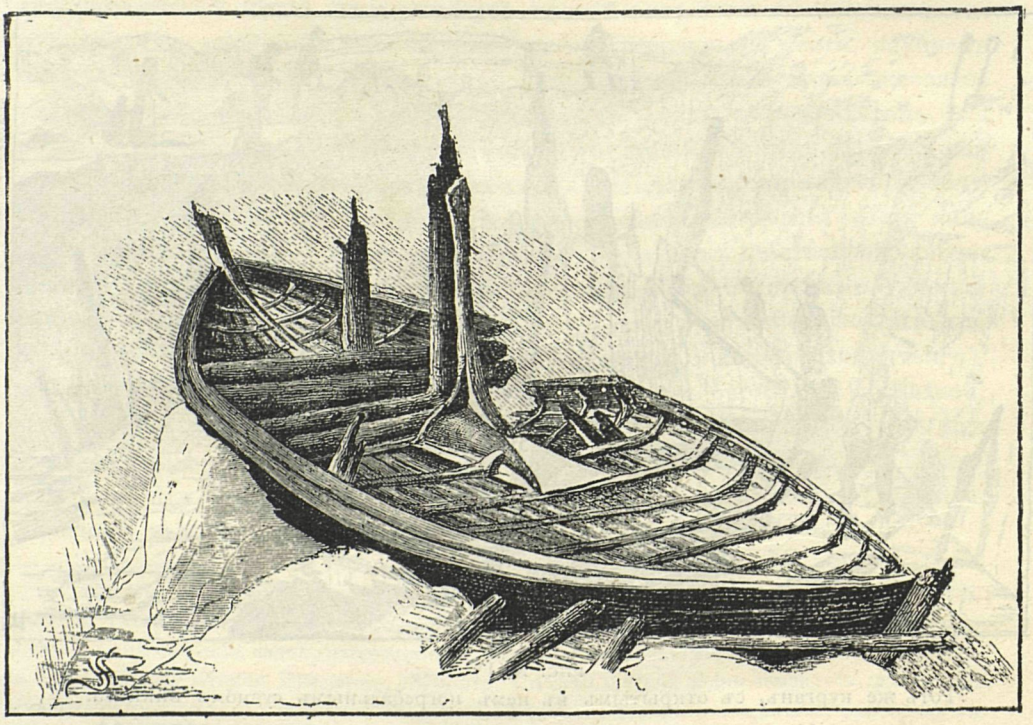


рис. XXV.
То-же судно, вынутое изъ кургана.

длиною въ 12 футовъ, укрѣпленнаго на самомъ заднемъ ребрѣ судна, сдѣланномъ поэтому крѣпче остальныхъ, и съ правой его стороны (которая,

вслѣдствіе того, и называлась стороной рулеваго борта). Форма руля довольно характерная и онъ управлялся, можетъ быть, особою рукояткою, украшенною стилизированной звѣриной головой; впрочемъ рукоятка эта была найдена отдѣльно, и принадлежность ея рулю не вполнѣ доказана. 16 паръ большихъ веселъ заставляютъ предположить 64 гребца (по два на весло); кромѣ того въ суднѣ могло помѣщаться еще 15 — 20 человѣкъ, такъ что проф. Ригъ предполагаетъ, что весь экипажъ состоялъ изъ 80 человѣкъ или около того. Но Гокстадское судно было приспособлено и къ ходу на парусахъ; весла тогда вынимались и отверстія для нихъ, у края борта, замыкались особыми, соотвѣтствующими имъ деревянными кружками (такіе были найдены въ суднѣ). На днѣ судна (палубы на немъ не было), по срединѣ его, была положена толстая дубовая плаха, въ формѣ рыбьяго хвоста, на которой была укрѣплена мачта. (Еще и теперь часть палубы вблизи мачты, устраиваемая болѣе солидно, называется у шведскихъ и норвежскихъ моряковъ «мачтовой рыбой» — Mast fisch). Сохранившаяся на мѣстѣ часть мачты имѣетъ въ длину около 10 футовъ (при 3 футахъ въ обхватѣ, на вышинѣ 4 футовъ); остальной конецъ ея, въ 22 фута длиной, былъ отрубленъ при погребеніи, но его нашли лежащимъ на днѣ судна. Тяжелая мачта могла, повидимому, опускаться и снова уставляться, помощью особаго ворота. Непосредственно передъ мачтой былъ поставленъ столбъ, по всей вѣроятности служившій для раскидыванія шатра (изъ паруса); такой же столбъ находился и вблизи передняго конца судна. Надъ краями борта къ судну прибиты косвенно, вверхъ и внутрь, по двѣ планки; онѣ служили какъ для отраженія набѣгавшихъ волнъ, такъ и для помѣщенія круглыхъ щитовъ, которые укрѣплялись, налегая одинъ на другой, вдоль всего борта, въ числѣ 32 на каждой сторонѣ. Щиты сдѣланы изъ тонкихъ деревянныхъ планокъ, снабжены коваными желѣзными навершьями и окрашены попеременно въ желтый и черный цвѣта. Самое судно было, повидимому, окрашено красною краскою и поставлено въ курганъ еще новымъ, судя по тому, что даже дыры (прорѣзы) для веселъ не выказываютъ слѣдовъ обтертости.

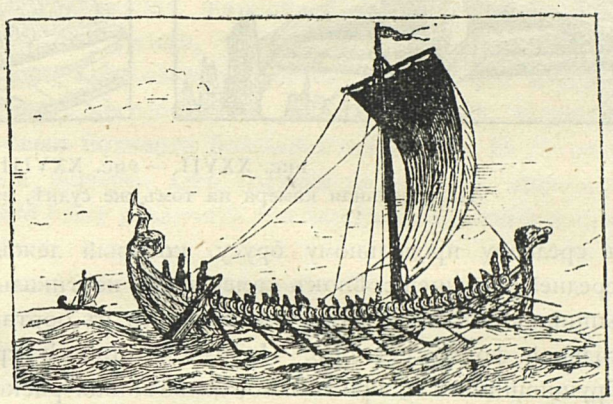
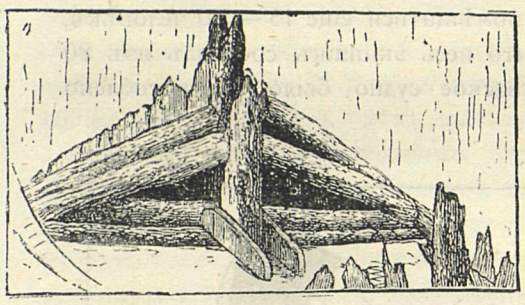


рис. XXVI.

Опытъ реставраціи того-же судна, съ веслами, парусомъ и круглыми щитами, поставленными вдоль бортовъ.

Непосредственно позади мачты оказалась погребальная камера. Она была устроена въ родѣ деревянной палатки или двускатной крыши, изъ толстыхъ стропилъ, плотно примыкавшихъ одно къ другому и упиравшихся нижними концами въ борта судна. Верхними концами стропила прилегали



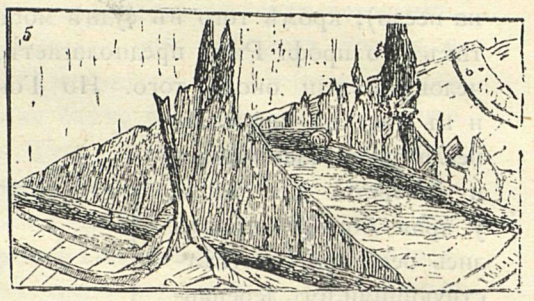


рис. XXVII. — рис. XXVIII.
Погребальная камера на томъ же суднѣ, въ двухъ видахъ.

къ среднему продольному брусу, который лежалъ на среднихъ столбахъ передней и задней стѣнокъ камеры изъ вертикально поставленныхъ досокъ, вышина коихъ постепенно уменьшалась къ бортамъ, соотвѣтственно трехъугольной формѣ стѣнокъ. На одной сторонѣ крыши стропила оказались обрушившимися и, кромѣ того, дальнѣйшая раскопка выяснила, что камера была взломана и ограблена, по всей вѣроятности, еще въ то время, когда положеніе ея въ курганѣ было хорошо извѣстно.

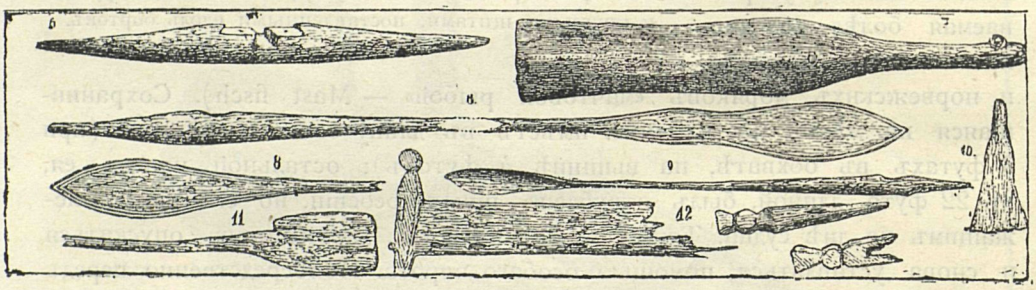


рис. XXIX.
Нѣкоторыя вещи, найденныя въ Гокстадскомъ суднѣ: 6 — часть деревяннаго якоря; 7 — руль; 8 — 9 весла; 11 — лопатка; 12 — часть скамейки или кровати.

При скелетѣ не оказалось ни оружія, ни богатыхъ украшеній, а только остатки ременной сбруи съ орнаментированными украшеніями, частью изъ свинца, частью изъ позолоченной бронзы; затѣмъ, въ ящикообразно выдолбленной плахѣ — остатки шелковой ткани, вышитой золотомъ. Кромѣ того, въ камерѣ были найдены: обломки рѣзныхъ издѣлій изъ дерева и кости собаки и павлина, а въ другихъ частяхъ судна — весла, части деревяннаго якоря, остатки паруса и канатовъ, деревянный ковшикъ, топоръ, рѣзныя планки съ стилизированными головами животныхъ, мѣдный

котелъ, служившій для варки пищи и остатки кровати или скамейки. Рядомъ съ судномъ, въ курганѣ оказались еще остатки трехъ лодокъ (въ 7, 5 и 4 метра длиною) съ деревянными уключинами и кости нѣсколькихъ лошадей и собакъ [120]).

Новый случай подобнаго погребенія въ ладьѣ (эпохи викинговъ) былъ описанъ недавно норвежскимъ археологомъ Лоранжемъ (Lorange) См. «Archiv für Anthropologie XVIII. S. 378), который константировалъ его въ курганѣ Storhaug, близь Karmöen, на берегу моря. Курганъ этотъ раскапывался въ теченіи многихъ лѣтъ крестьянами для сельско-хозяйственныхъ цѣлей (для извлеченія жирной земли), вслѣдствіе чего многія вещи, находившіяся въ могилѣ, также кости и дерево совершенно разрушились. Можно было однако удостовѣриться, что курганъ былъ ссыпанъ надъ воиномъ, погребеннымъ въ своей ладьѣ, около 20 метровъ длиною, которая была подперта большими камнями и на которой былъ устроенъ деревянный шатеръ. Отъ костяка не осталось впрочемъ никакихъ слѣдовъ, но можно было различить два желѣзныхъ меча и копья, пять пращей, разныя кузнечныя орудія, оселокъ, два жернова, огниво и кремень, игральные камни, янтарныя и стеклянныя бусы, золотое кольцо и другія вещи.

Что касается до погребеній подъ ладьеобразными каменными оградами, то находокъ ихъ извѣстно довольно много. Такія овальныя ограды изъ камней встрѣчаются часто въ Швеціи, особенно въ провинціи Блекингенѣ: кромѣ овала, соотвѣтствующаго бортамъ судна, въ нихъ можно здѣсь отличить носъ и задній конецъ (передній и задній штевни), обозначенные болѣе высокими камнями, иногда еще камень въ срединѣ, соотвѣтствующій мачтѣ, и нѣсколько поперечныхъ рядовъ камней, означающихъ скамьи для

---

120) «Der Wikingerschiff von Gokstad», nach einem Bericht von *H. Johnssen,* съ рисунками, въ «Archiv für Anthropologie» Bd. XIII.; *Rygh,* Skibsfundet ved Sandefjord, — статья, извѣстная мнѣ по реферату о ней въ Supplement къ XIII тому «Arch. für Anthropologie», стр. 86; *Tuxen,* De nordiske Langskibe, рефератъ въ «Archiv für Anthropologie» Bd. XVII.; *Montelius,* l. c., S. 173 — 174. Количество погребенныхъ лошадей Монтеліусъ опредѣляетъ 12-ью, собакъ — 6-ью; Ригъ упоминаетъ о 8 — 9 лошадяхъ и столькихъ же собакахъ. «Саги разсказываютъ намъ, говоритъ Ригъ, что вечеромъ на суднѣ разбивался шатеръ для вождя. На Гокстадскомъ суднѣ также былъ устроенъ шатеръ, но для вѣчнаго покоя болѣе солидно, изъ дерева». *Montelius,* Om högsättning i skepp; рефератъ въ «Archiv für Anthropologie» XVII, 1888, S. 386, сопоставляетъ это погребеніе въ деревянной палаткѣ, на суднѣ, съ сожженіемъ Руса, въ его шатрѣ и ладьѣ по описанію Ибнъ-Фадлана. Туксенъ (директоръ военной верфи въ Копенгагенѣ) считаетъ Гокстадское судно основнымъ типомъ, изъ котораго могъ развиться норманскій военный корабль. По всей вѣроятности, у Гокстадскаго судна — передній и задній концы были украшены рѣзными звѣриными головами, подобно тому какъ это описывается въ сагахъ и подтверждается древними изображеніями норманскихъ судовъ. Но, если такія украшенія здѣсь и были, то они не сохранились; выдаваясь кверху изъ глинистой нижней части кургана, они разрушились и истлѣли скорѣе, чѣмъ прочія части судна. Въ суднѣ были найдены только небольшія рѣзныя планки съ изображеніями звѣриныхъ головъ, служившія, можетъ быть, для украшенія переднихъ и заднихъ концовъ меньшихъ лодокъ.

гребцовъ. Въ сѣверномъ Бохуслэнѣ (Bohuslän) встрѣчаются холмы съ ладьеобразными обкладками, длиною до 150 футовъ. Въ кучахъ камней, наполняющихъ внутренность ограды, стоятъ обыкновенно два сосуда съ золой, и именно, одинъ приблизительно на границѣ между первой и второю третью, и другой — между второй и третьей. Такія-же ладьеобразныя ограды были находимы въ Сканіи, на островахъ Эландѣ и Готландѣ, также въ провинціяхъ Нерике и Уппландіи; онѣ извѣстны вообще подъ именемъ Stenskeppar или Skeppshögar. Одна ограда въ приходѣ Эдсъ, въ Уппландіи, имѣла 182 фута въ длину, при 50 футахъ въ ширину; камень,

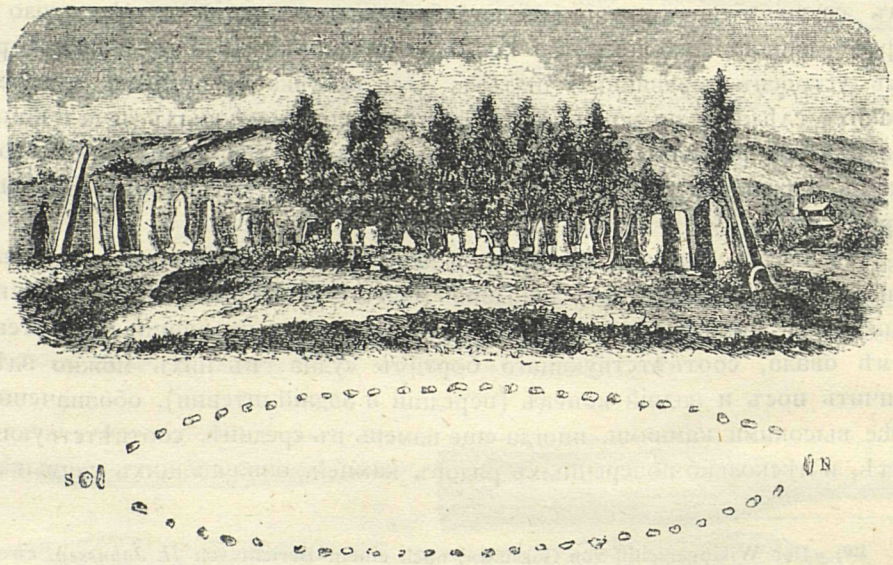


рис. XXX.
Каменный корабль близъ Бломсгольма, въ Швеціи. Видъ и планъ.

стоявшій у ея передняго конца, имѣлъ 9 футовъ въ вышину, остальные камни-валуны — по нѣскольку футовъ въ окружности. Бломсгольмская ограда (въ пров. Бохуслэнъ) расположена по направленію съ сѣвера на югъ, на возвышенности, вблизи рѣки, на противоположномъ берегу которой возвышается курганъ и большой кругъ изъ камней. Ограда эта имѣетъ 141 футъ въ длину и $31^1/_2$ фута въ ширину, и пространство, охваченное ею, свободно отъ камней. Стоячіе, нѣсколько заостренные къ верху, камни ограды постепенно уменьшаются въ вышинѣ отъ концовъ судна; камень у южнаго конца имѣетъ $14^1/_2$ футовъ въ вышину, у сѣвернаго — 11 футовъ, а къ срединѣ вышина ихъ все уменьшается и доходитъ до 3 футовъ. У южнаго конца (позади его) лежалъ еще небольшой плоскій камень. Наибольшій, изъ извѣстныхъ доселѣ, «каменныхъ кораблей», найденный

въ приходѣ Валлабергъ, въ Сканіи, имѣлъ, въ направленіи съ С.З. на Ю.В. 212 футовъ въ длину и 60 футовъ въ ширину. Камень у передняго его конца былъ длиною въ 12 футовъ, у задняго — въ 18 футовъ. Съ каждой стороны «корабля» находились еще слѣды маленькихъ овальныхъ оградъ, вѣроятно представлявшихъ лодки. Внутри одного «корабля» въ приходѣ Готлундъ, въ пров. Нерике, былъ найденъ руническій камень; въ урнѣ съ пепломъ «корабля» близь Рафтётангенъ, въ приходѣ Танумъ (провинція Блекингенъ), оказался мечъ хорошей работы, относимый къ III-му шведскому желѣзному вѣку, т.-е. къ эпохѣ отъ 700 до 1050 гг. «Корабль» у Hallarum, въ приходѣ Iemgö, доставилъ золу, обожженныя человѣческія кости и различные предметы изъ желѣза и бронзы. Въ двухъ «корабляхъ», у Hjörtahammar, была найдена въ золѣ пара типичныхъ скандинавскихъ, такъ называемыхъ скорлупчатыхъ, прорѣзныхъ фибулъ и одна серебряная пряжка [121]).

Въ сѣверной Германіи извѣстна, повидимому, только одна ладьеобразная ограда, именно въ округѣ Гримменъ, пров. Стральзундъ, на границѣ общинъ Пёглицъ и Рекентинъ, въ двухъ миляхъ отъ морскаго берега. При 130 футахъ въ длину, ограда имѣла 16—14 футовъ въ ширину и состояла изъ двойнаго ряда камней, возвышавшихся не болѣе 1—2 футовъ надъ землею. Поперекъ шли нѣсколько рядовъ камней, соотвѣтствующихъ скамьямъ, въ одномъ изъ промежутковъ между коими, въ цистѣ изъ камней, стояла урна съ пепломъ. — Болѣе сохранилось такихъ могилъ въ Курляндіи, именно восемь, въ приходѣ Эрваленъ, въ Тальсенскомъ уѣздѣ, въ 10—12 верстахъ отъ морскаго берега, близъ Луббена, Либена и Ногаллена, гдѣ онѣ извѣстны у Латышей подъ именемъ Wella-laiwe, т. е. «чортовыхъ лодокъ». Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли видъ обыкновенныхъ кучъ камней, около 4 футовъ вышиною, и только послѣ удаленія верхнихъ слоевъ камней можно было различить очертанія ладьи; у другихъ ладьеобразная форма ограды была издавна явственною. Большинство было расположено на ровной землѣ, только одна — на узкомъ, удлиненномъ холмѣ. Направленіе ихъ было различно (Ю. В. — С. З.; Ю. Ю. В. — С. С. З.; З. С. З. — В. Ю В.); въ длину онѣ имѣли до 50 футовъ, въ ширину — $15^1/_2$ и были снабжены длиннымъ, до 17 футовъ, носомъ (переднимъ штевнемъ), составленнымъ изъ небольшихъ камней, и однимъ длиннымъ камнемъ у задняго конца. Внутренность ограды была вымощена камнями, надъ которыми, на глубинѣ до 4 футовъ, находились 1 — 3 сложенныя изъ каменныхъ плитъ, цисты, или (какъ въ одной оградѣ у Либена въ Widser Wald) до 12, расположенныхъ въ три этажа, маленькихъ каменныхъ клѣтокъ, для урнъ съ висячими ручками, въ которыхъ оказались обожженныя человѣческія кости. Урны эти довольно грубой работы и выказываютъ простой орнаментъ изъ черточекъ.

---

121) *Grewingk.* Zur Archäologie des Balticum und Russlands. Ueber ostbaltische,.. schiffförmige grosse Steinsetzungen, въ «Archiv für Anthropologie» Bd. X.

Въ Лифляндіи извѣстно нѣсколько группъ каменныхъ ладей и иной формы каменныхъ могильныхъ сооруженій. Особенно замѣчательны находящіяся въ приходахъ Смильтенъ и Ронненбургъ, въ уѣздахъ Валкскомъ и Венденскомъ, миляхъ въ 10 отъ моря и между озерами Странте и Лиздоль (отстоящими верстъ на 12 одно отъ другого). Здѣсь близъ поселковъ Slaweek, Leies Klepper и Gailit константированы три несомнѣнныхъ и по своему содержимому весьма сходныхъ «каменныхъ ладьи», изъ коихъ наиболѣе извѣстна — находящаяся близъ Славеека и изслѣдованная въ 1875 г. графомъ Сиверсомъ [122]). Она занимаетъ всю поверхность невысокаго удлиненнаго песчанаго холма и первоначально имѣла видъ каменной кучи, длиною около 20 саженъ, шириною около $4^1/_2$ и вышиною въ 4—5 футовъ. Лишь послѣ того, какъ былъ удаленъ верхній слой камней, можно было различить очертанія ладьи, имѣвшей около 140 футовъ въ длину, въ направленіи съ З. Ю. З. на В.С.В. Борта судна были обозначены двойнымъ рядомъ камней, которые въ задней, округленной части судна, имѣли $^1/_2$ — $^3/_4$ фута въ поперечникѣ, а въ передней, съуженной, $^1/_2$ — 2 фута. Два камня торчали позади задняго конца, какъ бы означая руль Внутри ограды, у задняго конца судна, замѣчалась округленная кучка камней, сидѣвшихъ на $2^1/_2$ фута въ землѣ и лишь немного изъ нея выдававшихся. Впереди отъ нея слѣдовали 13 или 14 «скамеекъ для гребцовъ», обозначенныхъ простыми или двойными, поперечными рядами камней. Въ мѣстѣ первой «скамьи» ширина судна равнялась 27 футамъ, въ мѣстѣ послѣдней, близъ передняго конца, $11^1/_2$ футамъ. Между 1 и 9 «скамьями», (также между 13 и 14) и подъ ними былъ констатированъ слой черной земли, толщиною въ 5—8 дюймовъ, въ которомъ оказались: угли, зола, обожженныя человѣческія кости и черепки грубыхъ глиняныхъ горшковъ, сдѣланныхъ безъ помощи горшечнаго станка и украшенныхъ простымъ линейнымъ орнаментомъ. По удаленіи камней, подъ и между ними, на всемъ пространствѣ ограды, особенно же между 6 и 7 «скамейками», были найдены слѣдующія, не бывшія въ огнѣ вещи: изъ желѣза — 14 клинковъ ножей, проволока для нанизыванія бронзовыхъ бусъ и для булавокъ фибулъ, втулка отъ копья, цѣпь и ключъ; изъ бронзы — 11 различнаго рода фибулъ, 10 кружковъ для украшенія или брошекъ, 2 иглы,

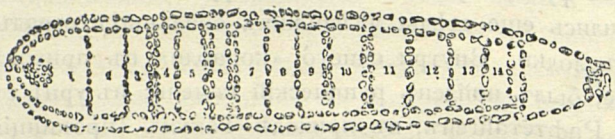


рис. XXXI.
Планъ каменнаго корабля близъ Славеека, въ Лифляндіи.

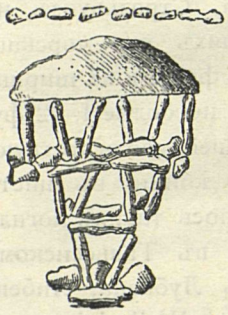


рис. XXXII
Каменныя цисты, въ три этажа, въ ладьеобразной каменной оградѣ Видзскаго лѣса, въ Курляндіи.

---

122) Graf *Sievers,* Ein Normännisches Schiffgrab bei Ronneburg, mit 1 Tafel, въ «Verhandl. der Berl. Gesellsch. für Anthropologie» etc. 1875. S. 214 ff.

20 браслетовъ для взрослыхъ и дѣтей, маленькая спираль, двое серегъ, шейное кольцо, тонко-стѣнчатыя бусы и толстые шарики, колесовидныя привѣски и маленькіе, тонкіе спиральные завитки изъ проволоки; изъ не-металлическихъ предметовъ — многочисленныя голубыя и позолоченныя бѣлыя бусы, также янтарныя, каменный брусокъ и каменный кружокъ съ отверстіемъ въ срединѣ. Изъ животныхъ костей была найдена только нижняя челюсть кошки.

Другія подобныя же ограды ладьеобразной формы, найденныя въ Лифляндіи, представили, отчасти, предметы того же характера, отчасти — вещи болѣе поздней эпохи, причемъ оказалось, что, по содержанію, къ каменнымъ ладьямъ могутъ быть причислены и нѣкоторыя другія сооруженія изъ камней, овальной, круглой и даже четырехугольной формы, но также составленныя изъ стоячихъ рядовъ камней и заключающія въ себѣ остатки погребеній. Что касается до хронологическаго опредѣленія этихъ могилъ, то критеріумомъ, кромѣ характера вещей, могутъ служить и найденныя въ нѣкоторыхъ могилахъ монеты. Тѣ ограды (напр. близъ озеръ Странте и Лиздоль), которыя доставили фибулы въ видѣ буквы Т, часто съ широкой, лентообразной дужкой, выказывающей иногда поперечные валики и боковые выступы (варіаціи такъ называемой римской провинціальной фибулы) — должны быть признаны болѣе древними, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ оградъ были найдены римскія монеты I — IV (преимущественно же II-го) вѣковъ. Наоборотъ, ограды, найденныя близь Ramkau, Reuma и Pajus,— въ Лифляндіи, выказываютъ нѣкоторое сходство, по своему содержимому, съ могилами древнихъ Ливовъ, у Ашераде на Западной Двинѣ, и относятся къ болѣе поздней эпохѣ, именно, по Гревингку, судя по нѣкоторымъ, найденнымъ въ нихъ предметамъ и англосаксонскимъ монетамъ XI вѣка, ко времени отъ VIII до XIII вѣка. Эти позднѣйшія ограды, по времени своего сооруженія, подходятъ къ шведскимъ, относимымъ къ эпохѣ викинговъ, но онѣ отличаются отъ нихъ (и отъ курляндскихъ), помимо нѣкоторыхъ особенностей въ характерѣ предметовъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ нихъ не было находимо урнъ съ пепломъ; зола и обожженныя кости лежатъ въ нихъ непосредственно въ промежуткахъ между «скамьями» и находимые въ нихъ черепки горшковъ принадлежали, очевидно, не къ урнамъ съ пепломъ, а къ посудѣ, оставшейся отъ тризны или заключавшей въ себѣ пищу, предназначавшуюся для умершаго. По мнѣнію Гревингка, древнѣйшія ладьеобразныя могилы (первыхъ вѣковъ нашей эры) были сооружены (въ Лифляндіи) Готами, удалившимися отсюда впослѣдствіи; позднѣйшія же каменныя «ладьи» должны быть приписаны викингамъ, производившимъ съ VIII вѣка набѣги на берега Курляндіи, Лифляндіи и Финскаго залива, и именно, какъ онъ полагаетъ, тѣмъ же Rôdsen, представители коихъ были призваны въ IX вѣкѣ Славянами и Чудью «княжить и володѣть ими».

Въ послѣднее время ладьеобразныя ограды были констатированы и въ Эстляндіи, гдѣ уже ранѣе было извѣстно подобное каменное сооруженіе близъ Укснорма. Лѣтомъ 1886 г. проф. Висковатовъ изслѣдовалъ одну

могилу, открытую г. Вальдманомъ въ Тюрселѣ, близъ Силламяги, недалеко отъ Нарвской бухты и у самой почтовой дороги въ Петербургъ. Найденныя здѣсь вещи поступили въ Музей Ученаго Эстонскаго Общества въ Дерптѣ и были подробно описаны Гревингкомъ. Тюрсельская ограда представляетъ тоже форму ладьи, хотя болѣе широкой и, вслѣдствіе поврежденія одного изъ концовъ, не такъ явственной. Въ ней можно было констатировать только двѣ пеперечныхъ «скамьи», но въ остальномъ, по устройству и найденнымъ предметамъ, она была, очевидно, такой же коллективной семейной или родовой могилой, служившей для вмѣщенія остатковъ отъ сожженія умершихъ и полагаемыхъ вмѣстѣ съ ними — орудій и украшеній. Несмотря на свои сравнительно малые размѣры (50 футовъ длины и 20 футовъ наибольшей ширины) и на поврежденность одного конца, Тюрсельская ограда оказалась весьма богатою по содержимому и доставила болѣе предметовъ, чѣмъ другія подобныя, хотя и болѣе крупныя сооруженія. Предметы эти состоятъ изъ подобныхъ же Т—образныхъ фибулъ, какъ и найденныя гр. Сиверсомъ въ оградѣ близъ Славеека (въ Лифляндіи), а равно изъ бронзовыхъ браслетовъ, спиральныхъ колецъ, шейныхъ гривенъ и другихъ украшеній, желѣзныхъ ножей, наконечниковъ копей и т. д. Бронза украшеній, какъ показалъ химическій анализъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ мѣди и олова, еще примѣсь цинка (одно бронзовое кольцо дало 83,5% мѣди, 6,4% цинка и 4% олова). Въ числѣ человѣческихъ костей (мужчинъ, женщинъ и дѣтей) оказались многія, не бывшія въ огнѣ, а нѣкоторыя, лучше сохранившіяся, указываютъ даже на позднѣйшее и сравнительно недавнее погребеніе. Что касается формъ вещей, то нѣкоторыя напоминаютъ римскія: таковы фибулы, украшеніе въ родѣ armilla, бронзовое плоское блюдце въ родѣ phalera; Гревингкъ полагаетъ, что почти всѣ эти бронзовыя украшенія были привозными и доставлялись, очевидно, моремъ, можетъ быть изъ римскихъ колоній на Рейнѣ, чрезъ посредство Готланда, Эланда и другихъ Балтійскихъ островов. Это обстоятельство, а также сходство нѣкоторыхъ Тюрсельскихъ древностей съ найденными въ другихъ прибалтійскихъ каменныхъ оградахъ, которыя (какъ наприм. ограда близъ Каугера, къ В. отъ озера Странте) доставили кромѣ того римскія монеты I — II вѣковъ, наконецъ сходство нѣкоторыхъ фибулъ съ найденными въ могилахъ Восточной Пруссіи, вмѣстѣ съ римскими монетами II — III вѣковъ, и съ найденными въ Добезбергѣ, вмѣстѣ съ предметами IV вѣка, — все это позволило Гревингку сдѣлать заключеніе, что Тюрсельская ладьеобразная ограда служила семейнымъ кладбищемъ въ первые вѣка нашей эры, до IV вѣка включительно, и была воздвигнута, вѣроятно, Готами, похоронные обряды которыхъ отличались отъ такихъ же обрядовъ у Эстовъ, у которыхъ господствовалъ обычай погребенія, а не сожженія, и которые находились въ то время на болѣе низкой ступени культурнаго развитія [123]).

---

[123]) Der schiffförmige Aschenfriedhof bei Türsel in Estland, von Prof. *Grevingk*, nebst Bericht über die Aufdeckung desselben von Prof. *Wiskowatow*. Mit 4 Tafeln. Separat-Abdruck aus den Verhandl. der Gelehrt. Estn. Gesellschaft. XIV H. 1. Dorpat. 1887.

Ладьеобразныя каменныя ограды имѣютъ, во всякомъ случаѣ, довольно ограниченную область распространенія. За предѣлами Швеціи, Прибалтійскихъ губерній и, отчасти, сѣверной Германіи мы ихъ не встрѣчаемъ. Но вообще обычай погребенія въ ладьѣ распространенъ весьма широко, и мы встрѣчаемся съ нимъ въ различныхъ частяхъ свѣта. Въ юго-восточной Азіи, именно въ Пегу (на Индо-Китайскомъ полуостровѣ) существовалъ даже обычай сожиганія въ ладьѣ, пускаемой въ море, подобно тому, какъ и у Скандинавовъ. Трупъ короля клали на костеръ изъ душистаго дерева, устраиваемый на двухъ, соединенныхъ между собою, ладьяхъ (вѣроятно на двойной ладьѣ, какія и теперь употребляются еще мѣстами въ Полинезіи) и затѣмъ, зажегши костеръ, пускали ладьи въ море [124]). Погребеніе въ лодкѣ, въ старой ладьѣ или въ ладьеобразномъ ящикѣ, распространено еще и теперь на многихъ группахъ Полинезійскихъ и Меланезійскихъ острововъ, на Самоа, Тонга, Таити, Новой Зеландіи, Тиморъ-Лаутѣ и другихъ, а равно встрѣчается и на Малайскомъ архипелагѣ [125]). У Новозеландцевъ былъ обычай хоронить умершаго въ ладьѣ, затѣмъ, по прошествіи года, снова вырывать его, очищать кости и класть ихъ въ лодкообразный ящичекъ, который ставился вблизи жилища, на столбѣ. Въ лодкѣ умершій помѣщался въ сидячемъ положеніи, такъ, что голова его приходилась противъ колѣнъ. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ Tregear'омъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новой Зеландіи умершій сожигался, въ другихъ — помѣщался въ небольшой лодкѣ; иногда его клали между двумя половинками лодки, а иногда въ небольшой челнокъ и ставили на дерево. На о—вѣ Тиморъ-Лаутѣ (между Новой Гвинеей и Австраліей) умершій завертывается въ ткань и кладется въ лодку (prahu-прау), лишній конецъ которой отпиливается, сообразно съ длиною трупа, причемъ полученное отверстіе задѣлывается, или, у богатыхъ,— въ особый украшенный гробъ, которому придается форма прау [126]).

Обычай пользованія для погребенія ладьей мы встрѣчаемъ также въ Америкѣ, у многихъ племенъ сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ, особенно въ сѣверо-западныхъ территоріяхъ, въ Орегонѣ и Вашингтонѣ [127]). У Чинуковъ тѣло умершаго полагается въ лодку, которая продыравливается въ двухъ мѣстахъ для того, чтобы сдѣлать её негодною къ употребленію (въ прежнее время этими похоронными лодками пользовались иногда европейскіе переселенцы) и чтобы въ ней не застаивалась дождевая вода. Лодка выстилается циновками, на которыя и кладется трупъ, завернутый въ одѣяло, прикрытый сверху снова циновками; затѣмъ все при-

---

124) *Rochholz*, l. c. S. 174 — 175.

125) *Waitz*, Anthropologie, fortges. v. Gerland Bd. VI. S. 401, 405, 413; сравни еще 684 и Bd. V. S. 152 — 153 и *Ratzel*, Völkerkunde II. S. 483.

126) *Forbes*, On the Ethnology of Timor-laut. «Journ of the Anthrop. Institute». 1883.

127) *Yarrow*, Mortuary Customs of. the North-American Indians, въ «First Report of the Bureau of Ethnology» Wash. 1881.

крывается другою лодкою, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, и обороченною дномъ къ верху. Приготовленныя такимъ образомъ погребальная ладья ставится на перекладины, укрѣпленныя на четырехъ столбахъ, въ 4 или 5 футовъ высотою. На этихъ столбахъ развѣшиваются также ведерки, горшки и другая посуда, причемъ каждая вещь продыравливается, надламывается и вообще дѣлается негодною къ употребленію. Подобный же способъ похоронъ употребителенъ и у другихъ племенъ по р. Колумбіи, на Ванкуверѣ и вообще на сѣверо-западномъ побережьи, а равно и въ нѣкоторыхъ

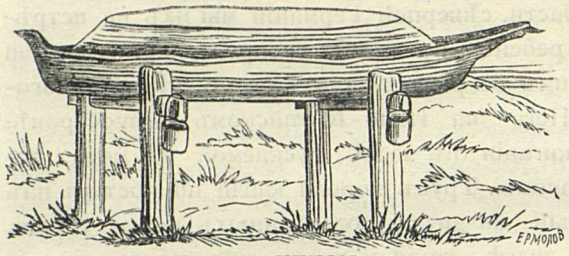


рис. XXXIII.

Погребеніе въ лодкѣ, на столбахъ, у Чинуковъ, въ Сѣверной Америкѣ. Съ рисунка Yarrow', въ «First Report of the Bureau of Ethnology» 1881.

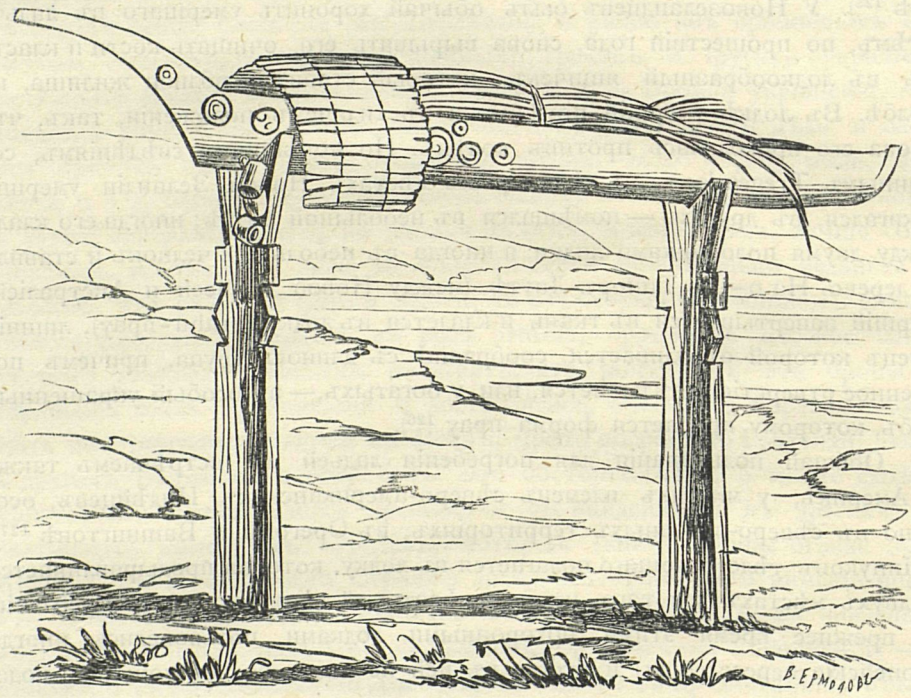


рис. XXXIV.

Погребальная ладья вождя — на высокихъ рѣзныхъ столбахъ. Съ рисунка Yarrow'.

другихъ частяхъ Америки, напр. на Москитовомъ берегу [128]). Иногда погребальная ладья, особенно съ тѣломъ вождя, поднимается на болѣе

---

[128]) Въ описаніи «восточно-островскихъ жителей» (Алеутовъ?), у *Георги*, сказано, что «скудныхъ покойниковъ завертываютъ въ ихъ одѣяніи совокупно съ домашнею ихъ утварью и звѣроловною снастью въ рогожу и съ великимъ воплемъ предаютъ погребенію: зажиточныхъ же кладутъ такъ же въ платьѣ и съ домашними надобно-

высокіе столбы, украшенные рѣзьбою, и самая ладья выказываетъ большую величину и болѣе сложную конструкцію и убранство. У Индѣйцевъ, живущихъ близъ Shoalwater Bay, тѣло кладется въ небольшую лодку, которая вкладывается въ ладью бо́льшей величины и прикрывается сверху третьею. У другихъ племенъ сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ лодка замѣняется уже въ этомъ случаѣ сколоченнымъ изъ досокъ ящикомъ, который также ставится на столбахъ или жердяхъ, напримѣръ у Чиппевеевъ, (у которыхъ ящикъ дѣлается изъ разломанной лодки; у Чеенновъ и друг., или устраивается просто возвышенный открытый помостъ, на который кладется трупъ, завязанный въ шкуры, циновки или бересту, какъ напримѣръ у Дакота. Послѣдній способъ похоронъ (на открытыхъ платформахъ) встрѣчается также въ Австраліи, а прежде былъ употребителенъ и у нѣкоторыхъ народовъ Средней и Сѣверной Азіи, у которыхъ отчасти и до настоящаго времени распространены еще похоронные обычаи, выказывающіе сходство съ соотвѣтственными американскими. Такъ, у Якутовъ еще недавно трупы умершихъ полагались въ особыя деревянныя постройки, въ родѣ небольшихъ домиковъ или голубовъ, возвышенныхъ надъ поверхностью земли, или просто въ деревянныя колоды изъ цѣльнаго обрубка толстаго ствола, одна половинка котораго, выдолбленная, служила гробомъ, а другая, нѣсколько меньшая, но также выдолбленная, крышкою, причемъ колода эта (напоминающая простѣйшую лодку, однодеревку) укрѣплялась на столбахъ, на высотѣ около сажени надъ землею [129]). У енисейскихъ инородцевъ, Тунгузовъ, Юраковъ и Остяковъ, умершій, завязанный въ оленьи шкуры (а иногда положенный въ выдолбленную колоду), также помѣщается на возвышенномъ помостѣ, въ такъ называе-

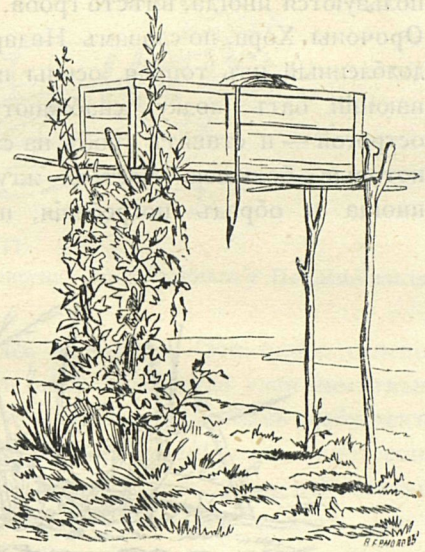


рис. XXXV.
Погребеніе въ ящикѣ, приподнятомъ надъ землею, на жердяхъ, у Индѣйцевъ Чиппевеевъ. Съ рисунка Yarrow'.

стями въ небольшую *лодку* и вѣшаютъ оную на висѣлицу, состоящую изъ двухъ, утвержденныхъ въ землѣ вилъ и положенной на оныя перекладины, дабы они, вися такимъ образомъ на открытомъ воздухѣ, превращались въ тлѣнъ». Индѣйцы штата Нью-Іоркъ, въ концѣ прошлаго столѣтія также хоронили въ ладьяхъ, сдѣланныхъ изъ древесной коры. Индѣйцы Москитова берега кладутъ умершаго въ лодку, перепиленную пополамъ, тащутъ его въ лѣсъ, снабжаютъ оружіемъ, веслами и другими предметами, прикрываютъ другой половиной лодки и опускаютъ въ могилу, надъ которой дѣлаютъ небольшую насыпь.

[129]) Изображенія и описанія этихъ могилъ приведены въ сочиненіи *Маака*, Вилюйскій округъ. Т. III.

момъ «лабазѣ», устраиваемомъ въ родѣ ящика на столбахъ [130]). Въ прежнее время, вмѣсто столбовъ, пользовались иногда просто деревьями въ лѣсу, укрѣпляя помостъ или трупъ въ развилкахъ стволовъ, какъ это дѣлалось и у нѣкоторыхъ племенъ сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ.

Пользованіе для похоронъ лодкою встрѣчается еще и теперь у нѣкоторыхъ инородцевъ сѣверной Азіи. Такъ, приамурскіе Орочи, зарывающіе своихъ умершихъ не глубоко въ землю, или ставящіе ихъ на подставкахъ, на аршинъ надъ землею, обыкновенно въ деревянныхъ ящикахъ, пользуются иногда, вмѣсто гроба, оставшеюся послѣ покойника лодкою [131]). Орочоны Хора, по словамъ Надарова [132]), «трупъ покойника кладутъ въ выдолбленный изъ тополя, осины или липы гробъ, формою своею напоминающій батъ (лодку), снабжаютъ умершаго ружьемъ, лукомъ, ножомъ, острогой — и ставятъ гробъ на столбахъ въ особый балаганъ». У Чукчей, которые большею частью жгутъ своихъ покойниковъ, практикуется иногда и обрядъ погребенія, причемъ умершій помѣщается на землѣ,

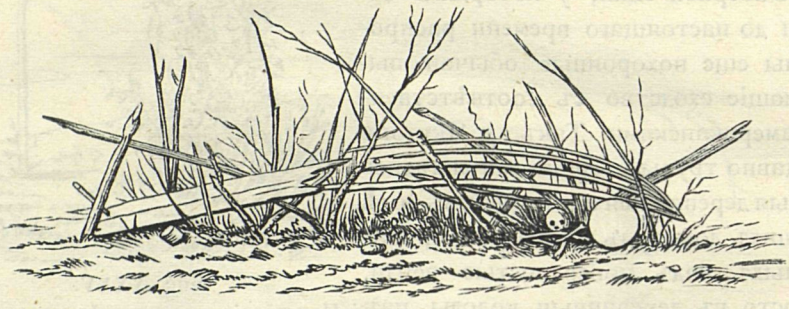


рис. XXXVI.

Погребеніе подъ лодкой. Могила найденная Норденшильдомъ близь порта Кляренсъ.

обставляется бывшими у него въ употребленіи вещами и прикрывается оборoченной вверхъ дномъ лодкой. То же дѣлается и у Эскимосовъ ближайшаго къ Чукчамъ американскаго берега; Норденшильдъ описалъ и срисовалъ одну такую могилу, встрѣченную имъ на американскомъ берегу Берингова пролива, близъ порта Кляренса. Покойникъ былъ положенъ на землю и окруженъ оградой изъ перекрещенныхъ кольевъ чума. Около него были оставлены: заряженное ружье, разныя орудія, платье, огниво, посуда, двѣ деревянныя маски, выпачканныя кровью, и грубыя фигурки животныхъ; рядомъ съ оборoченною вверхъ дномъ лодкою лежали также принадлежавшія къ ней весла. — У Тунгузовъ былъ обычай таскать съ собою, при перекочевкахъ, легкую лодку изъ коры, «вѣтку», которая,

---

130) *Третьяковъ*, Туруханскій край, стр. 168 — 169, 177, 184.

131) *Маргаритовъ*, Объ Орочахъ Императорской гавани. Спб. 1888. Стр. 30.

132) *Надаровъ*, Сѣверно-Уссурійскій край. 1887.

въ случаѣ смерти хозяина, служила ему гробомъ для погребенія. Мы упоминали уже ранѣе о томъ, что въ старыя времена Лопари хоронили своихъ умершихъ въ санкахъ, имѣющихъ лодкообразную форму.

Лодка въ качествѣ гроба употребительна и теперь еще у Обскихъ Остяковъ и у близко родственныхъ имъ Вогуловъ. Соммье такъ описы-

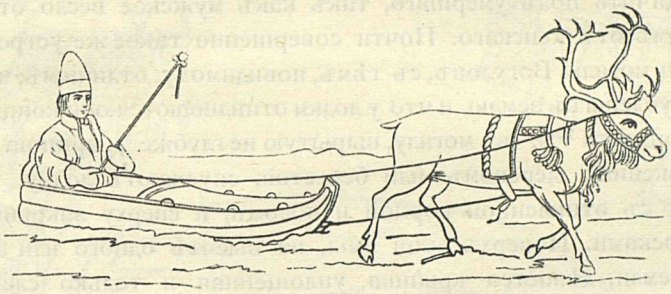


рис. XXXVII.
Лодкообразная нарта Лопарей. Съ стариннаго рисунка, приведеннаго у Норденшильда.

ваетъ могилы Остяковъ, вскрытыя имъ въ низовьяхъ Оби, около селенія Мужи [133]). Могилы эти, разбросанныя въ лѣсу и иногда едва замѣтныя среди кустовъ и деревьевъ, имѣли видъ небольшихъ удлиненныхъ избушекъ, съ слегка приподнятой двускатной крышей, сложенной изъ необтесанныхъ нетолстыхъ стволовъ или жердей. Снявъ крышу, подъ ней оказывалась другая, изъ кусковъ березовой коры, сшитыхъ вмѣстѣ (какъ покрышка чума) и поддерживаемыхъ протянутыми вдоль могилы стволами, которые опираются концами на стѣнки узкихъ сторонъ постройки. Самая могила, расположенная на землѣ, сдѣлана изъ лодки, перепиленной на

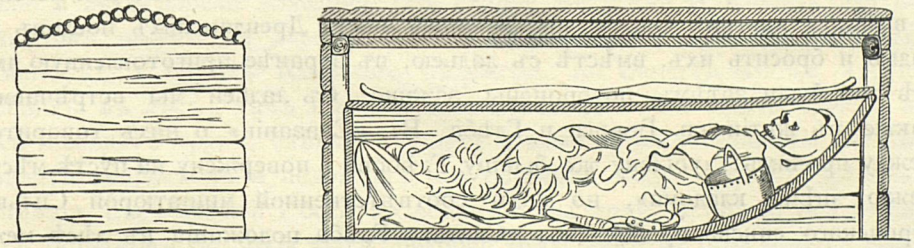


рис. XXXVIII.
Могила Остяка, спереди и въ продольномъ разрѣзѣ. Съ рисунка Соммье.

двое. Одна половина, съ заостреннымъ и приподнятымъ концомъ, замѣняетъ гробъ, и въ ней положенъ трупъ, завернутый въ оленьи шкуры, изъ другой половины лодки взяты двѣ доски, и — связанныя вмѣстѣ —

---

133) *Sommier*, Un'estate in Siberia, Firenze. 1885., p. 242.

онѣ служатъ крышкою гроба. Около умершаго, въ лодку положены его вещи: ножъ, поясъ, трубка, кисетъ съ табакомъ, котелокъ, мѣдныя кольца, бусы и другія украшенія, а на крышкѣ лодки, между нею и слоемъ бересты — или на послѣднемъ, подъ наружной крышей, встрѣчается иногда лукъ, лыжи и другіе, болѣе крупные предметы. Снаружи могила иногда обозначается еще приставленнымъ къ деревянной постройкѣ весломъ, по которому можно различить полъ умершаго, такъ какъ мужское весло отличается по длинѣ и формѣ отъ женскаго. Почти совершенно такое же устройство представляютъ и могилы Вогуловъ, съ тѣмъ, повидимому, отличіемъ, что онѣ нѣсколько углублены въ землю, и что у лодки отпиливаются оба конца. По описанію Н. Л. Гондатти [134]), «въ могилу, вырытую не глубже $^3/_4$ аршина и имѣющую бока, выложенные деревомъ или берестой, спускаютъ лодку, всего чаще однодеревку съ отпиленной кормой и носомъ, и сверху закрываютъ берестой или досками. Поверхъ этой ямы, на высотѣ одного или двухъ вершковъ отъ земли, дѣлается крышка, уплощенная и только слегка покатая на обѣ стороны; крышка эта состоитъ изъ ряда тонкихъ бревенъ, расположенныхъ продольно и покрытыхъ очень искусно сверху и снизу слоями бересты, и наконецъ, вершковъ на 6—8 отъ земли, возвышается еще крышка, устроенная совершенно подобно предыдущей. Такъ какъ покойника снабжаютъ всѣми вещами, то обыкновенно мелкія изъ нихъ кладутся во внутренную часть могилы и только болѣе крупныя, лыжи, и т. п., находятся на первой крышкѣ; сверху же могилы обыкновенно лежатъ опрокинутыя нарты, весла, оленій шестъ, иногда еще, но рѣдко, лодка. Иногда устраиваютъ, но не въ опредѣленные сроки, нѣчто въ родѣ поминокъ, причемъ въ отверстіе, оставленное въ верхнемъ срубѣ, кладутъ мясо, кости оленя, лошади, всыпаютъ табакъ, вливаютъ водку и т. д.» [135]).

Въ предѣлахъ Европейской Россіи употребленіе лодки при погребеніи, въ прежнія эпохи, существовало, повидимому, не у однихъ Русовъ Ибнъ-Фадлана. Котляревскій видѣлъ слѣдъ этого обычая въ извѣстной легендѣ о великой княгинѣ Ольгѣ, приказавшей нести Древлянскихъ пословъ въ ладьѣ и бросить ихъ, вмѣстѣ съ ладьею, въ заранѣе приготовленную яму, гдѣ они были затѣмъ похоронены заживо. Съ ладьей мы встрѣчаемся также въ житіи св. Бориса и Глѣба. Въ «Сказаніи» о нихъ говорится, между прочимъ: «убьіену же бывшу Глѣбови и повержену на пустѣ мѣстѣ межю двѣма кладома», но надъ соотвѣтственной миніатюрой Сильвестровскаго списка прибавлено: «Святаго Глѣба положиша въ лѣсѣ межи двѣма кладома *подъ насадомъ*» (т. е. подъ лодкой). На миніатюрѣ дѣйствительно видно, что скутанное тѣло князя положено между двумя колодами и семь воиновъ варяговъ опрокидываютъ надъ нимъ, вверхъ дномъ,

---

134) Рукописное свѣдѣніе, доставленное мнѣ Н. Л. Гондатти.

135) Пользованіе ладьею при погребеніи существуетъ также на островѣ Мадагаскарѣ. У Сакалавовъ трупъ зашивается въ воловью кожу, крѣпко перевязывается и кладется въ лодку, оба конца которой отпиливаются и которая относится въ уединенное мѣсто на берегу моря. У другихъ племенъ умершіе хоронятся въ выдолбленныхъ колодахъ. *Sibree*, Madagascar. L. 1881. S. 264 ff.

ладью. Это прикрытіе ладьею напоминаетъ соотвѣтственный обычай Эскимосовъ порта Кляренсъ, а погребеніе между колодами — нѣкоторые обычаи

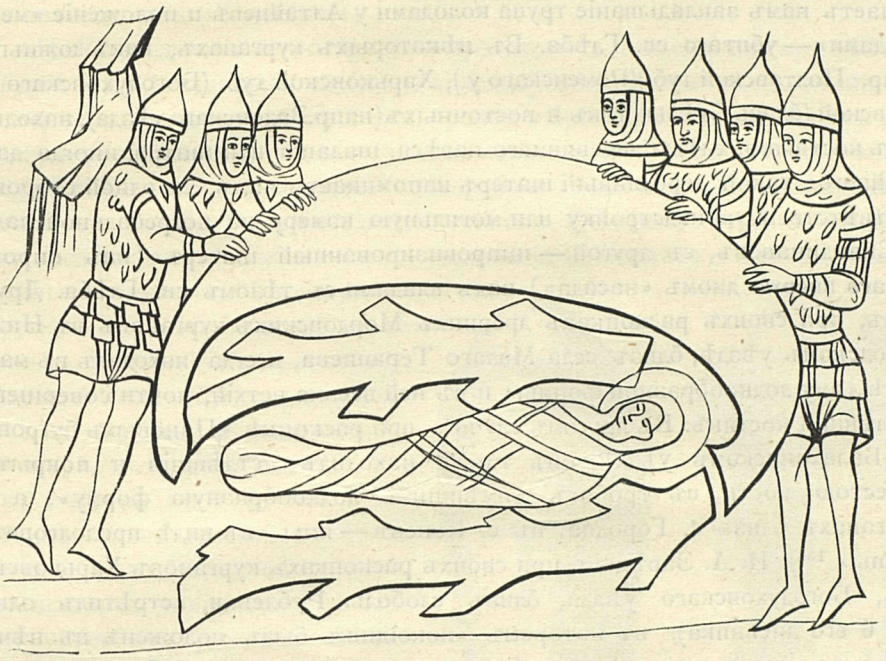


рис. XXXIX.
Копія съ миніатюры въ Сильвестровскомъ спискѣ Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ. Погребеніе св. Глѣба «межю двѣма кладами, подъ насадомъ».

Алтайцевъ, Бурятъ и Монголовъ. У Алтайцевъ, по словамъ Потанина, покойника кладутъ въ деревянный срубчикъ, а прежде просто клали на землю и закладывали колодами. (Въ старое же время устраивали для покойниковъ полати на деревьяхъ, что̀ дѣлается и теперь для умершихъ шамановъ). У Бурятъ Аларскаго вѣдомства, по словамъ его же, «трупъ отвозятъ въ лѣсъ; тамъ привалятъ двѣ колоды, одна подлѣ другой, на нихъ положатъ трупъ, одѣтый въ шубу и завернутый въ войлокъ, потомъ завалятъ хворостомъ и подожгутъ или оставятъ такъ» [136]). Въ древнихъ курганахъ Европейской Россіи и Сибири, повидимому, не находили явственныхъ остатковъ большой ладьи, подобно тому, какъ въ описанныхъ выше Скандинавскихъ. Нѣкоторые слѣды погребенія въ ладьѣ однакоже встрѣчаются; такъ гр. А. А. Бобринскій, описывая одну группу кургановъ, раскопанную имъ въ Кіевской губ., близъ мѣстечка Смѣлы, замѣчаетъ: «деревянные склепы въ могилахъ часто представляются, при обнаруженіи ихъ, въ видѣ большихъ корытъ или большихъ лодокъ». Въ другомъ случаѣ, при описаніи раскопки одного очень древняго кургана-майдана, гр. Бо-

136) *Потанинъ,* Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. Вып. IV. стр. 36 сл. — Древнее славянское племя Лютичей хоронило умершихъ въ лѣсахъ и заваливало могилы хворостомъ.

бринскій дѣлаетъ такое замѣчаніе: «покойники положены въ толстые выдолбленные стволы; сверху навалены деревья, часто громадныхъ размѣровъ, причемъ не отрублены даже вѣтви» [137]). Это послѣднее обстоятельство напоминаетъ намъ закладываніе трупа колодами у Алтайцевъ и положеніе «межъ кладами» — убитаго св. Глѣба. Въ нѣкоторыхъ курганахъ, какъ южныхъ, напр. Полтавской губ. (Роменскаго у.), Харьковской губ. (Богодуховскаго у.), Кіевской (близь Смѣлы), такъ и восточныхъ (напр. Задонскаго уѣзда), находили надъ костяками слѣды деревяннаго навѣса, шалаша или шатра, иногда даже двойнаго; такой деревянный шатеръ напоминаетъ намъ, съ одной стороны, соотвѣтственную надстройку или могильную камеру на погребальной ладьѣ у Скандинавовъ, съ другой — импровизированный шатеръ (изъ опрокинутаго вверхъ дномъ «насада») надъ кладами съ тѣломъ св. Глѣба. Дружкинъ, при своихъ раскопкахъ древнихъ Мордовскихъ кургановъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ, близъ села Малаго Терюшева, всегда находилъ въ материкѣ «яму лодкообразной формы» и въ ней весьма ветхій, почти совершенно истлѣвшій костякъ. Въ другомъ случаѣ, при раскопкѣ «Пановыхъ бугровъ» въ Балахнинскомъ уѣздѣ, онъ также находилъ истлѣвшія и покрытыя берестою кости въ гробахъ «имѣвшихъ лодкообразную форму», а въ курганахъ близъ с. Городца, въ с. Коневѣ — ямы «въ видѣ продолговатой ванны» [138]). И. А. Зарѣцкій, при своихъ раскопкахъ кургановъ Харьковской губ., Богодуховскаго уѣзда, близъ слободы Рублевки, встрѣтилъ одинъ (№ 6 его дневника), въ которомъ «покойникъ былъ положенъ въ нѣчто, подобное узкой лодочкѣ изъ бересты; лодочка къ головѣ и къ ногамъ съуживалась, къ ногамъ больше, и самое широкое мѣсто было противъ груди... Сверху лодочка была покрыта также берестой». Кости въ лодкѣ не сохранились, но изъ вещей были найдены двѣ золотыя сережки (гладкія кольца), стеклянныя вишневыя бусы, два бронзовыхъ колечка, бронзовыя пряжки и т. д. Интересно, что подъ этимъ погребеніемъ, на 1 арш. глубже, оказались слѣды другаго, въ ямѣ подъ деревяннымъ, досчатымъ срубомъ (провалившимся), гдѣ были найдены: желѣзное копье, желѣзныя удила, бронзовый рыболовный крючекъ и слѣды ремней и какой-то ткани [139]).

Варіететами ладьи могутъ считаться также выдолбленныя колоды, «корсты», Todtenbäume, Einbäume, бывшія въ употребленіи, въ качествѣ гробовъ, у Германскихъ и Славянскихъ народовъ, и даже у населенія бронзоваго вѣка западной Европы. Обычай пользоваться для погребенія выдолбленными древесными стволами уходитъ, по Линденшмидту, далеко въ глубь доисторической эпохи, а съ другой стороны продолжается до Среднихъ вѣковъ, въ Англіи до X и XI столѣтія, въ Германіи, мѣстами, и до болѣе позднихъ временъ. «Эта простѣйшая и древнѣйшая форма деревяннаго гроба состоитъ изъ расколотаго на двѣ части и выдолбленнаго

---

137) Гр. *Бобринскій.* «Курганы и находки близь мѣстечка Смѣлы». 1887.

138) *Анучинъ,* о раскопкахъ Дружкина въ «Древностяхъ» X.; см. также о роскопкахъ Дружкина въ «Антропол. Выставкѣ» II.

139) *И. А. Зарѣцкій,* рукописный дневникъ раскопокъ.

корытообразно обрубка толстаго древеснаго ствола, который опускался въ землю съ его корою и отчасти подпирался и покрывался крупными камнями, по всей вѣроятности для болѣе прочнаго положенія крышки при насыпаніи могильной насыпи».

«На Ютландскомъ полуостровѣ,—продолжаетъ Линденшмидтъ,—въ Мекленбургѣ и въ Англіи были находимы колоды (Todtenbäume) съ положенными при мертвыхъ предметами изъ кости, кремня и бронзы. Къ древнѣйшимъ изъ такихъ деревянныхъ гробовъ относятся найденные въ большихъ курганахъ Konghöi и Treenhöi, въ приходѣ Vandrup, близъ Кольдинга. Ихъ содержаніе, именно остатки шерстяныхъ одеждъ, шапокъ, бронзовые мечи въ деревянныхъ, подбитыхъ мѣхомъ ножнахъ, украшенія изъ золота и бронзы—были описаны Мадсеномъ, Монтеліусомъ и другими. Къ болѣе поздней эпохѣ относитъ Райтъ (Wright)—колоду, найденную близъ Гристорпа (Iorkshire), длиною въ 7 футовъ и шириною въ 3, въ которой лежалъ костякъ ростомъ въ 6 футовъ (онъ былъ нѣсколько согнутъ въ болѣе короткой выдолбинѣ), съ вещами, относящимися, повидимому, къ первымъ временамъ римскаго владычества въ странѣ [140]). Другая колода, найденная близъ Great Driffield, заключала въ себѣ три скелета, изъ нихъ два—обращенные головами въ одну сторону, а третій—въ противоположную. Этотъ гробъ, длиною въ 6 и шириною въ 4 фута, отнесенъ также къ римской эпохѣ, тогда какъ группа изъ 13 другихъ, открытыхъ близъ Solby, пріурочена къ позднѣйшему англосаксонскому періоду, къ IX и X вѣкамъ».

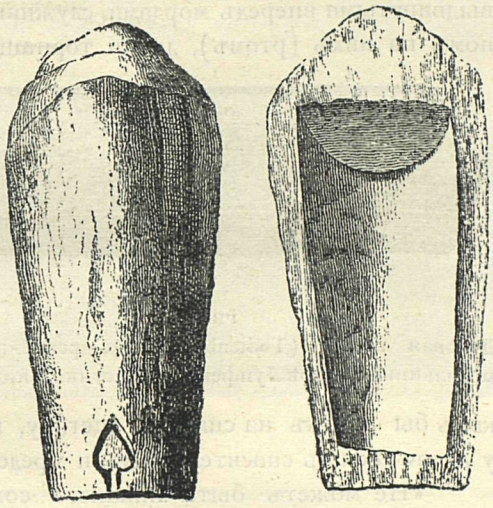


рис. XL.
Погребальная колода римской эпохи, найденная близъ Gristorpe (Iorkshire) въ Англіи. Съ рисунка Линденшмидта.

Наиболѣе наглядное представленіе объ этомъ старинномъ способѣ погребенія даютъ однако деревянные гробы Аллеманскихъ могилъ, благодаря ихъ хорошей сохранности и богатому содержимому, хотя послѣднее только отчасти носитъ на себѣ характеръ Меровингской эпохи, бо́льшею же частью относится къ Каролингскому періоду и даже, судя по сопровождающимъ ихъ монетамъ, къ послѣдующимъ Среднимъ вѣкамъ. Употребленіе древесныхъ стволовъ для помѣщенія въ нихъ труповъ было почти повсемѣстнымъ въ древней Швабіи и даже теперь еще гробъ называется тамъ Todtenbaum. Ознакомленіемъ съ этими погребальными колодами мы обязаны въ особенности раскопкамъ В. Менцеля и Дюрриха, произведеннымъ въ

---

140) *Lindenschmidt,* Handbuch der deutschen Alterthumskunde, I. 121—122.

1846 году, на древнемъ кладбищѣ въ мѣстности Baar, на горѣ Лупфенъ. Бо́льшая часть гробовъ здѣсь была выдолблена изъ дубовыхъ стволовъ, и лишь немногіе изъ стволовъ грушеваго дерева. Всѣ они представляли обрубки естественныхъ стволовъ, расщепленные на двое вдоль и выдолбленные въ формѣ корытъ, послѣ чего половинки клались одна на другую, причемъ одна составляла крышку. Выдалбливались онѣ, очевидно, топоромъ, безъ помощи пилы, отчего и расщепъ на двѣ половинки часто неправиленъ. Большинство только очищено отъ коры и нѣсколько округлено, но не обтесано гранями или фацетками. На крышкахъ мужскихъ гробовъ бо́льшею частью грубо выдолблено, рельефомъ, что то въ родѣ тѣла змѣи, оканчивающагося на обоихъ концахъ какъ бы головами, съ выдвинутыми впередъ мордами, служившими ручками для крыши, съ расщепомъ на нихъ (ртомъ), двумя торчащими вверхъ зубами и, собственно на головѣ, двумя рогами или ушами. Менцель видѣлъ въ этихъ грубыхъ рельефахъ — изображенія змѣй, тогда какъ Линденшмидтъ склоненъ видѣть въ нихъ скорѣе изображенія кабаньихъ головъ, тѣмъ болѣе, что соединяющее головы тѣло выказываетъ зарубки, — какъ бы намекъ на спинную щетину, и что изображеніе кабана считалось у Англосаксовъ спасительнымъ и предохранительнымъ символомъ».

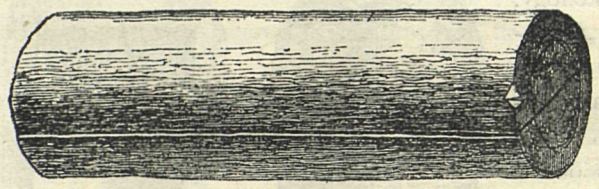


рис. XLI.
Дубовая колода (Todtenbaum) изъ древне-германскаго могильника на горѣ Лупфенъ. Съ рисунка Линденшмидта.

«Не можетъ быть никакого сомнѣнія, заключаетъ Линденшмидтъ, что въ этихъ деревянныхъ колодахъ мы имѣемъ древній nauffus Салической Правды и truncus — позднѣйшихъ церковныхъ статутовъ. Было указано, что слово nauffus, naufus, noffus = navis, еще въ XVI вѣкѣ, въ формѣ nau, nef = navire, было въ употребленіи во Франціи [141]). Совпаденіе этого названія съ корытообразно выдолбленными древесными стволами подтверждаютъ вполнѣ тождественные маленькіе челноки Альпійскихъ озеръ, такъ наз. Einbäume, которые только въ наши дни были вытѣснены въ этой области лучшими типами лодокъ. Челноки такаго простѣйшаго рода были находимы въ древнихъ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи, въ ложѣ Регница близъ Бамберга, на 16 футахъ глубины подъ дномъ рѣки и въ одномъ торфяномъ болотѣ близъ Ландсхута. Мы знаемъ изъ Плинія (Hist. Nat.

---

[141]) Пикте, а за нимъ и многіе русскіе изслѣдователи сближали индоевропейскія названія судна, санск. naus, греч. ναυς, лат. navis, древне-нѣм. nava и т. д. съ славянскимъ словомъ «навь» — мертвый, др. рус. «навье» и т. д., но въ настоящее время, повидимому, никто изъ лингвистовъ не повторяетъ стараго предположенія о родствѣ этихъ словъ между собою. *Навье*, латыш. *nave* — смерть, *navet* — убивать, могутъ быть сближены съ латышск. *navites* — мучиться, литов. діалект. *novyt.* — мучить, съ чешскимъ — nawiti — утомить, измучить, русск. діал. *опавиться* устать, утомиться, обезсилѣть.

XVI, 76), что германскіе морскіе разбойники плавали по морю въ выдолбленныхъ древесныхъ стволахъ».

Въ послѣднее время довольно много такихъ древнихъ погребальныхъ колодъ было найдено въ Вестфаліи, въ Seppenrade, Büderich, Borghorst, на старыхъ кладбищахъ около церквей [142]). Въ Зеппенрадѣ было открыто до 50 колодъ, причемъ бо́льшая часть имѣла въ крышкѣ у головнаго конца одно или нѣсколько сквозныхъ отверстій неизвѣстнаго назначенія, можетъ быть для свободнаго выхода души. Болѣе крупныя колоды были охвачены, какъ бы обручами, двумя желѣзными цѣпями. Въ Боргхорстѣ колоды были найдены расположенными въ три ряда однѣ надъ другими и обращенными головными концами на западъ (т. е. покойники лежали въ нихъ лицемъ къ востоку). Каждая колода была подперта съ боковъ камнями, — болѣе или менѣе крупными гранитными валунами. Всѣ колоды были выдолблены изъ обрубковъ цѣльныхъ дубовыхъ стволовъ и при помощи только топора и долота, безъ всякаго участія пилы. Корытообразное углубленіе, часто значительно короче всей колоды, представляетъ иногда особую вырѣзку для помѣщенія головы умершаго. Чтобы крышка съ колоды не сваливалась, въ послѣдней у концовъ дѣлались иногда круглыя (не сквозныя) дыры, соотвѣтствовавшія такимъ же дырамъ въ крышкѣ, которыя служили, очевидно, для помѣщенія въ нихъ колковъ, связывавшихъ прочнѣе колоду съ ея крышкой. Вмѣсто отверстій въ крышкѣ, найденныя здѣсь колоды имѣли ихъ въ днѣ, повидимому для пропуска проникавшей въ колоды воды. Колоды изготовлялись изъ весьма толстыхъ дубовыхъ стволовъ и при ихъ открытіи оказались на столько тяжелыми, что колоду взрослаго мужчины, безъ крышки, едва могли перенести 12 человѣкъ, а съ крышкой потребовалось бы человѣкъ 20. Кромѣ костяковъ, довольно хорошо сохранившихся, въ колодахъ не оказалось никакихъ предметовъ, ни орудій, ни монетъ; но во всякомъ случаѣ, по мнѣнію Ландуа и Формана, колоды эти слѣдуетъ отнести къ древнѣйшей христіанской эпохѣ въ странѣ, примѣрно къ IX или X вѣку. Ростъ костяковъ въ нихъ, сравнительно, большой и черепа выказываютъ значительное

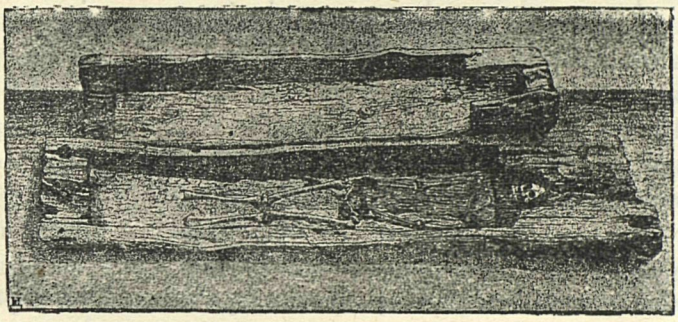


рис. XLII.
Нижнія половинки погребальныхъ колодъ, найденныхъ въ Боргхорстѣ, въ Вестфаліи. Съ рисунка Ландуа и Формана.

---

[142]) *Landois und Vormann,* Westfälische Todtenbäume und Baumsargmenschen, mit 2 Tafeln, въ «Archiv für Anthropologie» Bd. XVII. 1888.

сходство между собою по своей формѣ, соотвѣтствующей формѣ древнегерманскаго черепа, именно долихокефалической, высокой, съ выдающимся затылкомъ, плоскими висками, вдавленнымъ переносьемъ и сильно развитыми надбровными дугами у мужчинъ.

Въ предѣлахъ Россіи курганы съ колодами также не составляютъ рѣдкости; ихъ находили какъ на югѣ (напр. въ Кіевской, Волынской губ.), такъ и въ сѣверной половинѣ Россіи [143]). Корсты, упоминаемыя въ лѣтописяхъ, были, очевидно, не что иное, какъ выдолбленныя колоды; онѣ продолжали употребляться и въ болѣе позднія эпохи, какъ ими пользуются еще мѣстами и теперь, особенно раскольники. Недавно, въ Москвѣ, при разчисткѣ фундамента старыхъ рядовъ на Красной площади, была найдена типичная дубовая колода съ костякомъ, относящаяся, повидимому, къ XVII или XVI вѣку. Позже однако колоды, можетъ быть вслѣдствіе ихъ тяжести и сравнительной дороговизны, уступили мѣсто болѣе легкимъ досчатымъ гробамъ, употреблявшимся въ Москвѣ уже во времена Олеарія. Сначала эти досчатые гробы имѣли, повидимому, форму простаго четырехугольнаго ящика съ плоской крышей, какъ и теперь еще во многихъ мѣстностяхъ Россіи, у простаго народа (также у Пермяковъ и др.), но уже во второй половинѣ XVII вѣка они получили въ Москвѣ ту форму, которую имѣютъ и въ настоящее время.

Пользованіе ладьею при погребеніи было вызвано, очевидно, не однимъ удобствомъ такого способа похоронъ. Многіе народы, имѣющіе лодки, не пользуются ими для погребенія и предпочитаютъ хоронить просто въ землѣ (безъ гроба или въ гробу), или на подмосткахъ, или сжигаютъ трупы и т. д. Притомъ объ удобствѣ можно говорить только въ томъ случаѣ, если ладья не велика, не длиннѣе роста человѣка, не широка и не тяжела; иначе пользованіе ладьею можетъ вызвать только лишнія затрудненія при ея переносѣ, зарытіи въ землю или выставленіи на столбахъ. Но мы знаемъ, что иногда брались ладьи большія, надъ которыми приходилось насыпать высокіе курганы, или длинныя лодки, которыя нужно было перепиливать на двое, или столь тяжелыя, что требовались значительныя усилія для ихъ поднятія. Очевидно, существовали еще другія причины, которыя заставляли включить ладью въ число существенныхъ атрибутовъ похоронъ. Одною изъ такихъ причинъ могла быть та же, какъ и по отношенію къ другимъ предметамъ бытовой обстановки покойника. Если ладья составляла собственность умершаго и была столь же необходима ему для добыванія средствъ къ существованію, какъ напримѣръ оружіе, лыжи и т. п., то на обязанности родственниковъ или односельцевъ лежало снабдить его въ могилѣ и этимъ средствомъ къ передвиженію, чтобы не причинить ему ущерба въ загробной жизни и не вызвать тѣмъ его гнѣва на оставшихся.

---

[143]) Остатки колодъ были находимы въ Житомірскомъ Могильникѣ (Древлянскомъ); см. *Гатченко,* Житомірскій Могильникъ. 1880; — въ курганахъ близъ мѣст. Смѣлы (по гр. Бобринскому); въ курганахъ Московской и Тверской губерній и многихъ другихъ.

Но, кромѣ того, употребленіе при похоронахъ ладьи могло имѣть еще и другой смыслъ. У многихъ народовъ существуетъ представленіе, что загробный міръ находится гдѣ-то на землѣ же, хотя и на значительномъ разстояніи, за горами, или за моремъ, или въ низовьяхъ длинной рѣки и т. под. Въ томъ случаѣ, когда путь туда идетъ по сушѣ, является забота облегчить прохожденіе его умершему обуваніемъ его въ сапоги, положеніемъ съ нимъ палки, умерщвленіемъ на его могилѣ коней или оленей, оставленіемъ саней, колесницы, или, какъ у нѣкоторыхъ Эскимосовъ, особенно по отношенію къ умершимъ дѣтямъ, — умерщвленіемъ собаки и положеніемъ въ могилу ея трупа или только головы, для того, чтобы духъ этой собаки служилъ проводникомъ на тотъ свѣтъ душѣ ребенка. Многіе народы раздѣляютъ однако воззрѣніе, что загробный міръ отдѣленъ отъ настоящаго водою, что онъ находится за предѣлами обширнаго моря. Такое воззрѣніе является особенно естественнымъ у народовъ, живущихъ на островахъ, и колонизовавшихъ ихъ съ другихъ острововъ или съ материка. Если у этихъ народовъ сохранилось, хотя бы смутное, преданіе о прибытіи ихъ предковъ изъ-за моря, они обыкновенно бываютъ склонны отсылать тѣни своихъ умершихъ также за море, къ тѣнямъ ихъ предковъ. Извѣстно, что Китайцы, выселяющіеся изъ Небесной имперіи въ Австралію, Америку и т. д., прилагаютъ заботы къ тому, чтобы тѣла ихъ послѣ смерти были доставлены для погребенія на родину, или, если это невозможно, то чтобы хоть какая нибудь вещь ихъ, бывшая у нихъ въ употребленіи, была доставлена ихъ родственникамъ въ Китай и тамъ явилась бы, такъ сказать, суррогатомъ ихъ души, для совершенія надъ нею похороннаго обряда. Полинезійцы, разселившіеся по разнымъ группамъ острововъ Великаго океана, повидимому, лишь нѣсколько столѣтій тому назадъ, и сохранившіе еще преданія о своихъ миграціяхъ, полагаютъ свой загробный міръ за моремъ, съ чѣмъ и стоитъ, очевидно, въ связи употребленіе на нѣкоторыхъ изъ этихъ острововъ ладьи для погребенія. На другихъ группахъ острововъ обычай этотъ однако уже вывелся, замѣнился просто погребеніемъ въ землѣ или выродился въ другой, съ перваго раза мало понятный. Такъ на нѣкоторыхъ Каролингскихъ островахъ (Мили), гдѣ умершіе завертываются въ циновки и погребаются въ землѣ, существуетъ обычай пускать послѣ того въ море миніатюрную лодочку съ парусомъ, нагруженную кусочками кокосоваго орѣха, для того «чтобы удержать въ отдаленіи мертвыхъ, которые иначе могутъ вернуться и причинить вредъ». По поводу этого обряда Герландъ замѣчаетъ, что онъ составляетъ очевидно, пережитокъ прежняго обычая, когда въ лодкѣ опускался въ море, къ острову блаженныхъ, самъ умершій. У Малайцевъ также распространено вѣрованіе, что дорога на тотъ свѣтъ ведетъ черезъ море, вслѣдствіе чего гробамъ здѣсь часто придается форма ладьи, или въ могилу кладутся маленькія модели лодочекъ. [144]). Любо-

---

[144]) *Waitz-Gerland,* Anthropologie, V. S. 152 — 153. На островахъ Фиджи былъ обычай, по смерти мужчины, особенно знатнаго, изготовлять лодку, которая получала его имя и должна была служить, такъ сказать, къ его прославленію. Лодка эта счита-

пытно, что подобныя же модели лодокъ, только сдѣланныя болѣе или менѣе художественно изъ бронзы и представляющія иногда на себѣ изображенія быковъ, овецъ, свиней, собакъ, оленей, были находимы въ древнихъ этрусскихъ могилахъ VII—VI вв. до Р. Х. и въ соотвѣтствующихъ имъ по времени могилахъ Сардиніи [145]). Употребленіе ладьи при погребеніи въ этомъ случаѣ могло вызываться тѣмъ воззрѣніемъ, что души умершихъ, сами по себѣ, не могутъ перемѣщаться по водѣ, что вода составляетъ недоступный для нихъ элементъ, что для переправы на тотъ свѣтъ имъ необходима нѣкоторая посудина, лодка [146]). Впрочемъ, это воззрѣніе у нѣкоторыхъ народовъ могло впослѣдствіи измѣниться; такъ, у Японцевъ, которые помѣщаютъ свой загробный міръ также за моремъ, предполагается, что души умершихъ, ежегодно въ день поминовенія, посѣщаютъ оставшихся въ живыхъ. Бофортъ [147]) сообщаетъ, что онъ видѣлъ въ Нагасаки, какъ вечеромъ, въ день поминовенія умершихъ, все кладбище было освѣщено разноцвѣтными фонарями, и на могилахъ была выставлена пища дла покойниковъ. На третій же день можно было видѣть у берега сотни миніатюрныхъ корабликовъ, нагруженныхъ пищею и снаряженныхъ для возвратнаго путешествія душъ въ царство тѣней. Вѣрованіе, что загробный міръ находится гдѣ-то далеко за моремъ — можетъ быть констатировано и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, въ томъ числѣ у древнихъ Халдеевъ и у Славянъ [148]). Чаще однако встрѣчается представленіе, что міръ здѣшній отдѣленъ отъ міра загробнаго рѣкою, собственно «рѣкою смерти», но которая иногда отождествляется до извѣстной степени съ ближайшею большою дѣйствительною рѣкою, впадающею въ море. Такъ у древнихъ Египтянъ существовало воззрѣніе, что мертвые должны переправляться чрезъ мрачный загробный Нилъ, съ чѣмъ, повидимому, и стоялъ въ связи обычай, соблюдавшійся въ Ѳивахъ,—ставить ящикъ съ муміей на погребальную ладью, а эту послѣднюю на сани, и везти ихъ къ Нилу, гдѣ ладья спускалась въ рѣку и перевозила мумію на противоположный берегъ, на которомъ и происходила послѣдняя церемонія погребенія [149]). Древнія

лась какъ бы одухотворенною; передъ работой её «пробуждали» ударомъ въ бубны, потомъ снова «усыпляли». См. *Gerland,* l. c. VI. S. 684. У Австралійцевъ иногда также пользовались ладьею для погребенія; Стуартъ нашелъ однажды скелетъ ребенка въ небольшой лодочкѣ, всунутой въ древесное дупло. См. *Gerland,* l. c. VI. S. 808. О Малайцахъ см. *Ratzel.* T. II. 483.

145) *Martha,* L'Art Etrusque p. 89.

146) О воззрѣніи на воду, какъ на недоступный барьеръ для душъ умершихъ см. *Frazer* l. c. p. 77—81.

147) *Beaufort,* въ «Journ. of the Anthrop. Institute». XV. 1. 1885. p. 102. См. также *Sonntag,* Die Todtenbestattung.

148) Чехи о смерти употребляли поговорку: «залетѣть за море къ Велесу» (богу солнца). Солнечное царство находится за тридевятью землями и тридевятью морями или на морѣ Океанѣ, на островѣ Буянѣ; рай лежитъ на востокѣ или среди моря на высокой горѣ, освѣщенной свѣтомъ «самосіяннымъ». См. *Котляревскій,* l. c. также брошюру *Шеппинга,* Дохристіанское воззрѣніе человѣка на смерть. М. 1889.

149) *Wilkinson,* l. c.

гробницы Вавилоніи, находимыя во множествѣ въ Варкѣ (Эрехъ Библіи, Orchoe — Страбона), въ 30 миляхъ къ югу отъ Хилля́ (др. Вавилона), также напоминаютъ во многомъ ладьи. Нужно замѣтить, что на Тигрѣ и Евфратѣ сообщеніе происходило, съ глубокой древности и до настоящаго времени, либо на плотахъ, спускавшихся сверху, изъ лѣсистыхъ мѣстностей, на кожаныхъ мѣшкахъ (бурдюкахъ), либо въ обмазанныхъ асфальтомъ плетеныхъ (обыкновенно круглыхъ) корзинахъ. Сообразно съ этимъ, гробницы въ Варкѣ, сдѣланныя, за неимѣніемъ другого подходящаго матеріала, изъ глины, смѣшанной съ нарѣзанною соломою, и высушенныя затѣмъ на огнѣ (или на солнцѣ), представляютъ либо форму большихъ круглыхъ горшковъ, закрытыхъ плоскими крышками, либо овальныхъ блюдъ, опрокинутыхъ на глиняныя подставки, либо — и всего чаще —

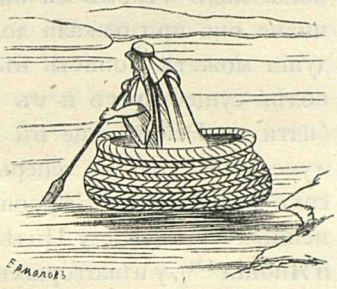


рис. XLIII.
Обмазанная асфальтомъ корзина, замѣняющая лодку на Тигрѣ.

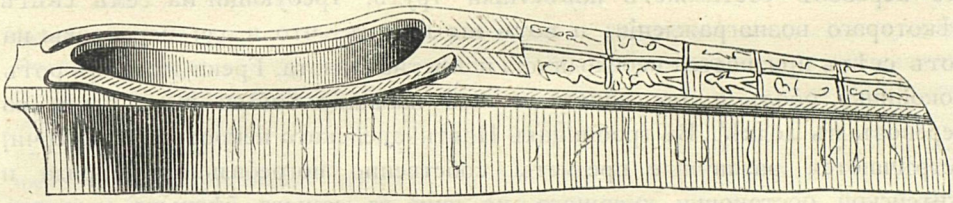


рис. XLIV.
Глиняная гробница изъ древняго могильника Варки, въ Вавилоніи. Съ рисунка Каулена.

саркофаговъ, имѣющихъ форму большой туфли, длиною въ 1 — 2,5 метра, съ овальнымъ отверстіемъ, занимающимъ $^2/_5$ туфли и закрывающимся соотвѣтственною овальною крышкою, которая при погребеніи плотно замазывалась по краямъ. Спеленатый трупъ вкладывался въ эту туфлю ногами впередъ, черезъ овальное отверстіе, такъ что крышка приходилась надъ лицемъ и грудью покойника. Снаружи гробъ и крышка украшались орнаментомъ, изображеніями человѣческихъ фигуръ, и покрывались обыкновенно голубою глазурью; въ ногахъ гроба оставлялось небольшое отверстіе — для выхода газовъ и жидкостей. Общій видъ гроба въ профиль представляетъ нѣкоторое сходство съ лодкой, при чемъ интересно, что орнаментъ (нарѣзки) вокругъ овальнаго отверстія напоминаетъ соотвѣтственный узоръ плетенья въ лодкѣ-корзинкѣ [150]).

---

[150]) *Kaulen,* Assyrien und Babylonien. 1885. S. 15 и S. 90 — 91. Относительно древности этихъ гробницъ существуютъ впрочемъ сомнѣнія. «Вавилонско-ассирійскій міръ гробовъ покуда совершенно скрытъ отъ насъ, такъ какъ не только могилы, найденныя въ Нимрудѣ, Куюнджикѣ и Хорсабадѣ, оказываются не ассирійскими, но и вавилонскіе могильники Mudheir, Warka и Tel-el-Lahm — представляются сомнительными въ отношеніи къ ихъ древности». См. *A. Ieremias,* «Die babylonisch-assyrischen Vorstellungen vom Leben nach dem Tode». 1887. S, 50.

Греки и Римляне также имѣли свою «рѣку смерти», Стиксъ или Ахеронъ, чрезъ которую душа могла переправиться только въ томъ случаѣ, когда надъ тѣломъ ея былъ исполненъ надлежащій похоронный обрядъ; иначе она продолжала долго бродить по сю сторону рѣки. Воззрѣніе, что душа можетъ попасть въ царство тѣней, только переправившись туда по водѣ, существуетъ и въ Германіи, гдѣ выраженіе «An den Rhein gehen» (идти до Рейна) еще въ XVI столѣтіи было равнозначительно понятію — «умереть», какъ и теперь еще выраженіе «absegeln» («отойти» на парусахъ отъ берега). Вѣрованіе въ «рѣку смерти» существуетъ также у современныхъ Грековъ, у Индѣйцевъ Америки, въ Индіи, у Буддистовъ въ Китаѣ и Японіи [151]), у нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ и въ другихъ странахъ [152]).

Представленіе, что настоящій міръ отдѣленъ отъ загробнаго моремъ или рѣкой, не подразумѣваетъ однако неизбѣжной необходимости снабжать умершаго лодкой. Умершій (или его духъ) можетъ быть доставленъ на тотъ свѣтъ особымъ перевозчикомъ, спеціально вѣдающимъ эту обязанность. Такой перевозчикъ, Харонъ, принимался у Грековъ и Римлянъ; вѣрованіе въ подобнаго лодочника существуетъ и у многихъ другихъ народовъ [153]). Но перевозъ составляетъ извѣстный трудъ, требующій на семъ свѣтѣ нѣкотораго вознагражденія; и вотъ мы видимъ, что и для переправы на тотъ свѣтъ признается необходимою извѣстная плата. Греки клали въ ротъ покойнику оболъ и эта монета носила названіе ναῦλον (т. е. плата за перевозъ въ лодкѣ). Въ гробницахъ Пантикапейскаго некрополя (въ Керчи) встрѣчаются различные предметы собственно погребальнаго обряда и житейской обстановки умершаго, но даже въ самыхъ бѣдныхъ могилахъ не отсутствуетъ мѣдная «монета Харона», полагавшаяся между зубовъ покойника. Къ Римлянамъ обычай этотъ перешелъ, какъ полагаютъ, отъ Грековъ; въ республиканскомъ Римѣ онъ былъ менѣе распространенъ, чѣмъ въ императорскую эпоху [154]). Отъ Римлянъ онъ распространился, какъ

---

151) У японскихъ буддистовъ существуетъ, по Кудрявскому *(Kudriaffsky,* Japan, S. 36) вѣрованіе въ загробную рѣку Сандзу, чрезъ которую перевозитъ души старуха, замѣняющая греческаго Харона.

152) Въ нашей народной поэзіи «бѣлодубовая колода» (гробъ) упоминается иногда вмѣсто лодки. Такъ объ одной полонянкѣ Марьѣ говорится:

Смотритъ, плаваетъ на другой сторонѣ колода бѣлодубовая,
И взмолилась Марья той колодѣ бѣлодубовой;
Перевези меня черезъ быстру рѣку,
Да выйду на Святую Русь.

Марья Лиховидовна, въ оборотнѣ лебедя, плыветъ тоже въ колодѣ:

И по славныя по матушкѣ Пучай — рѣкѣ
Плыветъ та колода бѣлодубовая;
На этой колодѣ бѣлодубовой
Сидѣла на ней бѣлая лебедушка.

153) Маньзы (вогулы), по словамъ Гондатти, вѣруютъ, что души умершихъ гонятся на тотъ свѣтъ черезъ тундры Куль Одыромъ, который переводитъ ихъ чрезъ воду въ огненной лодкѣ. Афанасьевъ упоминаетъ о перевозчикѣ душъ, Возуѣ и Плавцѣ, и у Славянъ.

154) Древнѣйшія археологическія данныя, по словамъ Моммзена, относятся ко времени Пунической войны, хотя въ другихъ мѣстахъ Италіи, по Марквардту, они

думаютъ, къ Германцамъ, Бриттамъ, Славянамъ; монеты были находимы въ могилахъ Бриттовъ, Бургундовъ, Аллемановъ, Скандинавовъ, Славянъ, а также въ финскихъ и тюркскихъ курганахъ [155]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда находятъ по нѣскольку монетъ, положеніе ихъ въ могилу могло имѣть, правда, и другое значеніе, но тамъ, гдѣ встрѣчается лишь одна монета, и въ особенности около нижней челюсти или руки, вѣроятнѣе предполагать, что это была плата за перевозъ. Любопытно, что тотъ же обычай сохранился и теперь еще у многихъ народовъ. Фрэзеръ приводитъ указаніе на существованіе его въ современной Греціи, Македоніи, Албаніи, въ Малой Азіи, Италіи, Франціи, Германіи, въ Славянскихъ странахъ, Румыніи, въ Бирмѣ, въ странѣ Лаосъ, въ Китаѣ, у Индусовъ, у многихъ племенъ Южной Индіи (Тодовъ, Санталовъ и др.) и въ Юкатанѣ. Къ числу этихъ странъ и народовъ слѣдуетъ прибавить еще, нѣкоторыя племена Индѣйцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Южной Америкѣ и нѣкоторыя страны Африки, какъ-то: Мадагаскаръ, Багирми, племя Бакуба и др., у которыхъ, вмѣсто монетъ, полагаются замѣняющія ихъ раковинки каури [156]). Въ предѣлахъ Россіи монеты кладутся еще въ нѣкоторыхъ

являются и значительно раньше. См. *Цвѣтаевъ* — Погребальные обычаи древнихъ Римлянъ (оттискъ изъ «Русск. Вѣстника»), стр. 199. Отъ язычниковъ обычай положенія съ умершимъ монеты перешелъ и къ христіанамъ, какъ то доказываютъ многочисленныя находки монетъ въ римскихъ катакомбахъ (*Schultze,* Die Katakomben. S. 210). Мѣстами въ южной Италіи обычай этотъ сохранился и до настоящаго времени. Монеты были находимы въ германскихъ могилахъ, во Франціи, Англіи, Германіи и Бельгіи. Въ Англіи монеты продолжали класть до конца XVII в. (Aubrey), во Франціи и Германіи — и позже, даже до настоящаго времени.

155) Въ большомъ Черниговскомъ курганѣ были найдены $1^1/_2$ золотыхъ византійскихъ монеты; въ Смоленскомъ, въ Гнѣздовѣ, — диргемы; въ Мерянскихъ курганахъ— восточныя монеты VIII — X вв. и западныя X — XI вв., а въ одномъ курганѣ у Большой Бремболы была найдена монета Константина Порфиророднаго въ зубахъ остова; въ Кіевской и другихъ губерніяхъ Юго-западнаго края находили иногда при костякахъ римскіе денаріи первыхъ 3-хъ вѣковъ по Р. Х. и византійскіе солиды IV — V вв.; восточная монета XIV в. была найдена г. Кожевниковымъ въ курганѣ на берегу Дона, Острогожскаго уѣзда, Воронежской губерніи; обломокъ диргема X в. — г. Бранденбургомъ, въ одномъ финскомъ курганѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Сосниги въ Новгородской губерніи и т. д.

156) У племени Таналовъ на Мадаскарѣ, въ ротъ умершему кладутъ нѣсколько монетъ или кусочковъ серебра, *Sybree,* l. c. S. 266. Объ Индѣйцахъ см. у *Yarrow,* въ «First Report of Bureau of Ethnology» Wash. О племенахъ Африки и другихъ — *Andree,* Die Totenmünze, въ его «Ethnogr. Parallelen und Vergleiche» Neue Folge. L. 1889. S. 24 — 29. Обыкновенно монета кладется въ ротъ, у Румыновъ — въ руку или подъ подушку. По даннымъ, собраннымъ у Рогхольца, въ Германіи, въ нынѣшнемъ столѣтіи, клали мѣстами по 6 грошей, мѣстами по 4; въ Тюрингинѣ достаточно было одного пфенига, въ верхнемъ Пфальцѣ требовалось — три. У Санталовъ Индіи кладется нѣсколько рупій — «для того, чтобы умершій могъ заплатить на томъ свѣтѣ». На островѣ Кефалоніи монеты полагались въ гробъ до конца прошлаго вѣка, на Закинѳѣ — мелкая венеціанская мѣдная монета, gàsta, клалась въ ротъ умершему еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. На островѣ Наксосѣ сохранилось еще названіе naulon, но оно прилагается уже не къ монетѣ, а къ восковому кресту, полагаемому на ротъ покойника. У Албанцевъ еще продолжаютъ класть умершему въ ротъ мелкую монету. — О поло-

мѣстностяхъ Малороссіи (по Чубинскому и др.), а также кое-гдѣ у Бѣло-и Великоруссовъ и у Финновъ (напр. у Вотяковъ). Представленіе, что монета эта должна служить платой за перевозъ черезъ «рѣку смерти», сохранилось еще въ Италіи, Греціи, Малой Азіи, въ Бирмѣ и въ Юкатанѣ. Въ другихъ странахъ это представленіе уже утратилось: въ Арахобѣ, на Парнассѣ, монета, полагаемая умершему, считается пошлиной за переходъ черезъ мостъ, — воззрѣніе, заимствованное, какъ думаютъ, у Турокъ. Въ Германіи (и въ Англіи) плата Харону превратилась въ подать Петру (Petersteuer), взимаемую въ небесныхъ воротахъ ихъ привратникомъ. Въ другихъ мѣстностяхъ Германіи эта монета должна служить для послѣдней выпивки въ загробномъ шинкѣ, а въ иныхъ — она кладется изъ предосторожности, чтобы умершій невернулся. Это послѣднее воззрѣніе было констатировано у Мазуровъ и старинными путешественниками — въ Тонкинѣ. У Лаосовъ монета имѣетъ значеніе пени, взимаемой при входѣ въ міръ духовъ; у Индусовъ — бакшиша, для умилостивленія суровыхъ служителей смерти; у другихъ народовъ — платы за входъ въ загробный міръ, за мѣсто въ землѣ — для могилы или за право поселенія на томъ свѣтѣ. Въ Кореѣ монеты замѣняются часто жемчужинами или кусочками яшмы; въ Тонкинѣ, Китаѣ, у Индусовъ, на Мадагаскарѣ и въ Юкатанѣ — также бусами, маленькими кусочками серебра или золота или зернами риса [158]). Фрэзеръ полагаетъ, что первоначально въ ротъ умершему клалась пища, а позже, вмѣсто пищи, стали класть цѣнные предметы (монеты и др.), на которые умершій могъ бы пріобрѣсти себѣ пищу. Слѣдуетъ замѣтить однако, что иногда (въ томъ числѣ у нѣкоторыхъ славянскихъ, финскихъ и тюркскихъ народностей) пища полагалась (даже кладется еще и теперь) помимо монеты такъ что положеніе послѣдней имѣетъ, повидимому, иной смыслъ, чѣмъ удовлетвореніе голода [158]).

женіи монетъ въ Перу и у Маясовъ Юкатана — говорятъ Squier, Банкровтъ, но неизвѣстно, что это были за монеты. — Въ Африкѣ каури полагаются также въ ротъ или въ небольшой, поставленной у головы, пустой тыквѣ.

Г. Зарѣцкій доставилъ Антропологическому Музею нѣсколько череповъ изъ Полтавскаго уѣзда съ найденными при нихъ копѣйками Павла I. Деньги кладутся съ умершимъ и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Калужской, Волынской и др. губерній.

[157]) Индусы иногда еще при жизни вставляютъ въ свои зубы кусочки золота, чтобы быть всегда готовыми къ переѣзду на тотъ свѣтъ. У племени Бадага, въ Нильгири, умершему даютъ проглотить кусочекъ золота, обмакнутый въ сало; если же онъ этого сдѣлать не въ состояніи, то золотая крупинка привязывается къ его рукѣ послѣ смерти. У Качиновъ, на Китайско-Бирманской границѣ въ ротъ покойнику кладутъ кусочекъ серебра; у Лаосовъ монета иногда замѣняется драгоцѣннымъ камешкомъ. У Японцевъ, монеты клали какъ при погребеніи, такъ и сожиганіи умершихъ. Но, такъ какъ отъ этого стало замѣчаться исчезаніе мелкой размѣнной монеты, то обычай этотъ былъ запрещенъ, и теперь довольствуются тѣмъ, что дѣлаютъ оттиски монетъ на бумагѣ и сжигаютъ послѣднюю. Тоже практикуется въ Китаѣ, гдѣ даже приготовляются для похоронъ фальшивыя ассигнаціи.

[158]) У Маясовъ Юкатана въ ротъ умершему клали нѣсколько хлѣбныхъ зеренъ и, кромѣ того, монету. Во многихъ древнихъ могилахъ Европы находили какъ сосуды съ остатками пищи, такъ и монеты.

III.

КОНИ.

Ограниченность первоначальнаго географическаго распространенія лошади. — Отсутствіе ея въ Австраліи, Полинезіи, большей части Африки и въ Америкѣ — до прибытія Европейцевъ. — Пользованіе лошадью для отвезенія умершаго на кладбище. — Нѣкоторыя, соединенныя съ этимъ, суевѣрія у Славянъ. — Убіеніе лошади, привезшей покойника или принадлежавшей ему — у Индѣйцевъ, Монгольскихъ племенъ и слѣды того же обычая у Финновъ. — Погребеніе воина верхомъ на лошади — у Индѣйцевъ, въ испанскихъ преданіяхъ и русскихъ былинахъ, въ курганахъ Кіевской и Курской губерній. — Погребеніе на колесницѣ или съ колесницей и конями, и подтверждающія этотъ обычай находки — въ Россіи и западной Европѣ. — Вопросъ о началѣ обычая хоронить съ умершимъ его лошадь. — Остовы коней въ Греческихъ и Скиѳскихъ курганахъ Новороссійскаго края. — Разсказъ Геродота о погребеніи Скиѳскихъ царей и раскопки И. Е. Забѣлина и другихъ въ большихъ курганахъ Приднѣпровья. — Вѣроятный ходъ церемоніи погребенія Скиѳскаго царя. — Выставленіе Скиѳами около могилъ лошадиныхъ чучелъ и аналогичные этому обычаи у другихъ народовъ. — «Скиѳскія» могилы Кіевской, Полтавской и Харьковской губерній. — Умерщвленіе лошадей при похоронахъ — у разныхъ древнихъ народовъ западной Европы. — Остатки лошадей въ могилахъ Германцевъ, Литовцевъ и Славянъ; находки во Франціи, Германіи и Австріи; въ губерніяхъ Литовскихъ, Юго-западнаго края, Смоленской, Новгородской и другихъ. — Погребеніе лошади въ особомъ курганѣ — по народнымъ преданіямъ и данныхъ раскопокъ — у Славянъ, Финскихъ и Тюркскихъ племенъ. — Сравнительная рѣдкость лошадиныхъ остатковъ въ Славянскихъ и Финскихъ курганахъ средней Россіи и болѣе частое ихъ нахожденіе въ восточной Россіи и Сибири. — Конскіе остовы въ могилахъ Мордовскихъ князей, въ курганахъ Поволжья, Приуралья и т. д. — Обиліе лошадиныхъ костяковъ въ сибирскихъ курганахъ древняго желѣзнаго вѣка. — Находки отдѣльныхъ частей лошадинаго костяка; замѣна полнаго погребенія лошади погребеніемъ ея частей (черепа, ножныхъ костей и т. д.) и положеніемъ въ могилу удилъ и стремянъ. — Позднѣйшія стадіи обычая убивать при похоронахъ лошадей. — Послѣдніе слѣды его въ западной Европѣ.

Пользованіе при погребеніи конями можетъ быть встрѣчено, конечно, только у тѣхъ народовъ, у которыхъ водятся кони въ качествѣ прирученныхъ животныхъ. Очевидно, что тамъ, гдѣ лошадь неизвѣстна или гдѣ она не водится по климатическимъ и другимъ условіямъ, тамъ она и не могла получить никакой роли въ похоронномъ обрядѣ. Въ Австраліи, въ Полинезіи, въ Америкѣ, въ большей части Африки къ югу отъ Сахары — лошадь не была извѣстна до прибытія Европейцевъ, и мы встрѣчаемся съ нею, съ древнѣйшихъ временъ, только въ Азіи (за исключеніемъ Сѣверной полосы) и въ Европѣ. Впрочемъ, въ Америкѣ Индѣйцы скоро ознакомились съ лошадями чрезъ посредство Испанцевъ и другихъ европейскихъ колонистовъ, и уже въ XVII в. нѣкоторыя степныя Индѣйскія

племена какъ Сѣверной, такъ и Южной Америки, стали, по обстановкѣ своего быта, настоящими конными народами. У этихъ племенъ лошадь получила скоро участіе и въ похоронномъ обрядѣ, и притомъ ею стали пользоваться не только для отвезенія покойника на кладбище, но и для убіенія на его могилѣ, для погребенія вмѣстѣ съ умершимъ или — для похоронной тризны. Любопытно, что у какихъ-нибудь Команчей, Апашей, Патагонцевъ—похоронные обряды сложились скоро въ такомъ видѣ, что стали отчасти напоминать соотвѣтственные обряды многихъ конныхъ народовъ древности, какъ напримѣръ Скиѳовъ, Половцевъ и другихъ.

Пользованіе конями при погребеніи выражается, прежде всего, въ отвезеніи съ ихъ помощью умершихъ до могилы — на саняхъ, телѣгѣ, дрогахъ и т. п. Мы видѣли однако, что у нѣкоторыхъ народовъ (въ томъ числѣ — Малороссовъ) стараются избѣгать въ этомъ случаѣ лошадей и предпочитаютъ пользоваться волами или относятъ на рукахъ. У Русскихъ нѣкоторыхъ частей Галиціи покойника везутъ или на волахъ, или на коняхъ но никогда — на кобылахъ, такъ какъ существуетъ повѣрье, что послѣднія будутъ послѣ того неплодны. Любопытно, что у Хорватовъ есть обычай везти покойника не на своихъ, но на чужихъ коняхъ, сосѣдскихъ, «ибо покойникъ можетъ взять съ собою въ могилу свою собственность». У Словаковъ, мѣстами, возятъ умершихъ также исключительно на волахъ, запрягая по пяти, шести и до десяти паръ ихъ, причемъ волы эти доставляются прибывшими на похороны [159]). Такой обычай пользованія не своими, а чужими конями (или волами) возникъ, вѣроятно, вслѣдствіе того, что «свои» кони должны были въ прежнее время убиваться по смерти ихъ хозяина и полагаться въ его могилу (или мясо ихъ должно было служить для похоронной тризны). Когда же, впослѣдствіи, обыкновеніе это было, мало-по-малу, оставлено, т. е. лошадей не стали убивать, то все-таки сознаніе, что умершій можетъ (имѣетъ право) претендовать, такъ сказать, на свою собственность, въ томъ числѣ и на лошадь, которая отвозитъ его на кладбище, продолжало существовать и вызвало нѣкоторое ухищреніе, именно употребленіе чужихъ коней, на которыхъ умершій уже не могъ заявлять претензіи [160]). Замѣтимъ еще, что у нѣкоторыхъ конныхъ народовъ покойникъ отвозится не на повозкѣ, а непосредственно на лошади, причемъ его, въ закутанномъ видѣ, привязываютъ, къ ней, какъ вьюкъ. Такъ, у племени Команчей Индѣйской территоріи (Indian Territory, Wichita Agency) и у Los Pinos Колорадо умершій приводится въ скорченное, съ поджатыми къ груди колѣнками, положеніе, завертывается

---

159) *Котляревскій,* О погребальныхъ обычаяхъ Славянъ, стр. 222. Относительно Словаковъ — *Dobšinský,* Obyčaye, povery a hry Slovenské. 1880, 109; «Do záprahu dal každý pribuzný svojich pár voliv a viedol si jich ticho za rohy lebo za jarmo».

160) У Индѣйцевъ Los Pinos, въ Колорадо, по смерти хозяина всѣ его лошади и скотъ должны быть убиты, а вигвамъ, одежды и проч. сожжены, но въ настоящее время обыкновенно старики еще при жизни раздаютъ свою собственность сыновьямъ, оставляя себѣ только самое необходимое, въ томъ числѣ одну лошадь, которая и застрѣливается на могилѣ при похоронахъ.

въ нѣсколько одѣялъ, крѣпко перевязывается и въ такомъ видѣ помѣщается, какъ вьюкъ, на сѣдло лошади, которая и отвозитъ его на кладбище, причемъ ѣдущія верхомъ женщины поддерживаютъ трупъ [161]). Подобнымъ же образомъ поступали, повидимому, многіе Тюркскіе и Монгольскіе народы, только не приводя умершаго въ согнутое или скорченное положеніе. У Башкировъ, напримѣръ, по описанію Георги, «мертвое тѣло, привязанное къ доскамъ, виситъ промежъ двухъ лошадей; могильщики и мулла ѣдутъ верхомъ впереди, а соболѣзнующіе друзья и пріятели позади, также верхомъ, на хорошихъ лошадяхъ» [162]). У нѣкоторыхъ народовъ самого умершаго, въ парадномъ костюмѣ, сажаютъ верхомъ на коня и въ такомъ видѣ отвозятъ на мѣсто погребенія. Подобная церемонія устраивается иногда Индѣйцами, а въ древнія времена, судя по даннымъ раскопокъ и другимъ свидѣтельствамъ (о которыхъ будетъ сказано далѣе), совершалась иногда и у нѣкоторыхъ племенъ, жившихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи [163]).

Привезя умершаго на кладбище, его хоронили съ извѣстной обстановкой (оружіемъ, посудой, пищею и т. д.), причемъ, въ случаѣ доставленія на саняхъ, оставляли и послѣднія (иногда зарывали и колесницу), а равно убивали часто и лошадь, привезшую покойника или принадлежавшую ему. Самоѣды, Чукчи и другіе сѣверные инородцы поступаютъ подобнымъ образомъ и теперь, убивая на могилѣ оленей и оставляя тутъ-же сани, на которыхъ былъ привезенъ умершій [164]). У Алтайцевъ, въ случаѣ смерти состоятельнаго лица, на могилѣ его и теперь еще закалывается лошадь; то же дѣлалось прежде и у Монголовъ, которые убивали верблюдовъ и лошадей, при погребеніи ихъ хозяина, но теперь, подъ вліяніемъ буддизма, лошадь съ сѣдломъ обыкновенно дарится ламамъ [165]). По словамъ Потанина, «прежде Аларскіе Буряты при похоронахъ убивали лошадь; этотъ обычай въ Аларскомъ вѣдомствѣ уничтожили ламы; они настояди, чтобы лошадь поступала въ дацанъ. Нынѣ, когда вліяніе ламства въ Аларскомъ

---

161) *Yarrow,* Mortuary Customs etc. въ «First Report of the Bureau of Ethnology». Wash. 1881.

162) *Георги,* Описаніе народовъ II, стр. 107.

163) Писатель XVI в., Менецій («De sacrificiis et ydolatria veterum Borussorum, Livonum, aliarumque vicinarum gentium») говоритъ, что у нѣкоторыхъ народовъ Литвы (по Котляревскому — Русскихъ), покойника, одѣтаго и обутаго, сажали верхомъ на сѣдло, оплакивали (причитали) и за тѣмъ везли на кладбище, причемъ провожатые ѣхали верхомъ, махая во всѣ стороны мечами и прогоняя тѣмъ злыхъ духовъ. (Это прогнаніе злыхъ духовъ при похоронномъ шествіи соблюдается и многими другими народами). Котляревскій (стр. 149) полагаетъ, что выраженіе «на сѣдло» (super sellam) можно понимать такъ, что сажали на лошадь, но далѣе у Менеція сказано: cum ad sepultura effertur cadaver, plerique in equis funus prosequntur, et currum obequitant quo cadaver vehitur; eductisque gladiis и проч., слѣдовательно покойника на кладбище везли на повозкѣ.

164) У Приамурскихъ Гиляковъ, подвергающихъ умершихъ сожженію, при похоронахъ убивается собака, которая и съѣдается, у богатыхъ даже нѣсколько собакъ, у бѣдныхъ же обыкновенно только сжигается нарта (вмѣстѣ съ трупомъ), а собаки сохраняются наслѣдниками. См. *Зеландъ,* О Гилякахъ въ «Изв. Общ. Люб. Ест. Т. 49. В. 3.

165) *Тэйлоръ,* Первобытная культура, рус. пер. II, 51.

вѣдомствѣ подорвано полицейскими мѣрами, шаманисты лошадь только отводятъ въ лѣсъ и оставляютъ подлѣ покойника; если похороны происходили зимой и лошадь не останется въ лѣсу, а прибѣжитъ къ своему двору, ее не пускаютъ во дворъ, отгоняютъ прочь и наконецъ отводятъ къ Русскимъ на продажу. Этой лошади Буряты боятся, какъ и самого покойника. Въ Балаганскомъ вѣдомствѣ убіеніе лошади еще сохранилось [166]). У нерчинскихъ Тунгузовъ тоже хоронилась съ умершимъ лошадь или на могилу вѣшалась ея кожа, а мясо служило для похоронной тризны» [167]). Закаланіе надъ могилой лошадей практиковалось многими Финскими и Тюркскими племенами, какъ то доказываютъ находки въ древнихъ финскихъ и тюркскихъ курганахъ, а равно слѣды того же обычая у нѣкоторыхъ современныхъ Финскихъ и Тюркскихъ народовъ, какъ напримѣръ у Черемисъ и Чувашей [168]). Среди американскихъ Индійцевъ обычай убиванія лошадей сохранился мѣстами еще во всей своей силѣ. На могилѣ Тегуельча убиваются всѣ его лошади, собаки и другія животныя, складываются въ кучу его пончо (плащи), украшенія, боласъ, посуда и все это подвергается сожженію [169]). Лошадь воина изъ племени Пауни убивается на его могилѣ, чтобы быть готовой, когда онъ вздумаетъ сѣсть на неё. У Команчей, по Скулькрафту, вмѣстѣ съ умершимъ хоронились его любимыя лошади, любимое оружіе и трубки, чтобы онѣ могли служить ему въ далекихъ блаженныхъ мѣстахъ охоты [170]). Въ настоящее время, по Yarrow, у Команчей Индѣйской территоріи убивается обыкновенно только одна, лучшая лошадь, но еще недавно, какъ слышалъ д-ръ Гивенъ, при похоронахъ одного вождя было убито (застрѣлено) до 70 лошадей, а въ прежнія времена, по разсказамъ стариковъ, убивали при погребеніи вождей до 200 и даже до 300 лошадей [171]). У племени Kiowas, погреба-

---

166) *Потанинъ,* Очерки Сѣверо-Запад. Монголіи. Вып. IV, стр. 36 — 37.

167) *Georgi,* Bemerkungen einer Reise I. S. 266; *Hiekisch,* Die Tungusen. 1879 S. 97.

168) *Миллеръ* («Описаніе языческихъ народовъ» и проч., стр. 79) говоритъ, что въ случаѣ смерти знатнаго Черемисинина, въ честь его закалалась и съѣдалась лошадь, на которой онъ ѣздилъ. Закланію предшествовала слѣдующая церемонія: въ землю вколачивали двѣ палки, между ними протягивали нитку со вздѣтымъ на нее кольцомъ; молодые родственники стрѣляли одинъ за другимъ въ кольцо изъ лука: кто попадалъ, бралъ любимую лошадь покойника и трижды вскачь ѣздилъ на ней на могилу умершаго. Потомъ лошадь кололи — Черемисы на дому, Чуваши на кладбищѣ. Въ Пермской губерніи этотъ обычай сохранился до сихъ поръ, но имѣетъ уже мѣсто въ 40-ой день. Надрѣзанная кожа съѣденной лошади развѣшивается здѣсь надъ могилой умершаго. См. *Смирновъ,* Черемисы. 1889. Стр. 147.

169) *Ratzel,* Völkerkunde. II. S. 708.

170) *Тэйлоръ,* II. 50, на основаніи данныхъ *Schoolcraft',* Indian Tribes.

171) *Yarrow,* l. c. У Команчей, живущихъ вблизи мексиканской границы, обычай этотъ теперь уже вывелся. Они уже не убиваютъ лошадей при похоронахъ, и покойникъ уже не везется на лошади, какъ вьюкъ, а помѣщается на телѣжку, запряженную двумя мулами. Причитанія и «лицекроеніе» однако еще существуетъ, такъ же какъ и обмазываніе лица умершаго красною краскою. См. *Ten-Kate,* Notes ethnogr. sur les Comanches, въ «Revue d'Ethnographie». IV. 1885.

ющихъ своихъ умершихъ въ разсѣлинахъ скалъ, кладутся въ могилу: ружье, лукъ, стрѣлы, табакъ, мокассины, посуда и т. д., и надъ могилой или по близости ея убивается непремѣнно лошадь. Недавно, при похоронахъ вождя «Черной Совы», были застрѣлены двѣ лошади и одинъ мулъ. У Дакота, хоронящихъ своихъ покойниковъ на деревьяхъ или на поддерживаемыхъ четырьмя столбами подмосткахъ и завертывающихъ ихъ въ бизоньи шкуры, также существуетъ обычай убивать, въ случаѣ смерти вождя, любимую его лошадь. У Патагонцевъ и Арауканцевъ мясо лошади, убитой на могилѣ, служитъ для поминальнаго пира; изъ кожи же съ головою дѣлается родъ чучелы и ставится близъ могилы на шестахъ и подпоркахъ [172]).

Уже изъ только что приведенныхъ данныхъ видно, что различные народы пользуются различно убиваемыми при похоронномъ обрядѣ лошадями. Даже въ одну и ту же эпоху и у одного и того же народа могли, повидимому, существовать различные способы пользованія. Однимъ изъ наиболѣе торжественныхъ должно быть признано погребеніе умершаго верхомъ на лошади, въ парадномъ костюмѣ, съ оружіемъ и украшеніями. Такого погребенія удостоивались, повидимому, извѣстные вожди, воины и богатыри. Въ нынѣшнемъ столѣтіи подобный способъ похоронъ практиковался, и то въ исключительныхъ случаяхъ, лишь американскими Индѣйцами. Наиболѣе извѣстный примѣръ, это — похороны «Черной Птицы», главнаго вождя племени Омегасъ, описанныя Кётлиномъ [173]). Вождь этотъ завѣщалъ отвезти, послѣ смерти, его тѣло внизъ по Миссури, на самое любимое имъ мѣсто, на вершину холма, съ котораго онъ могъ бы видѣть «какъ Французы снуютъ въ ихъ лодкахъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ» и похоронить себя тамъ верхомъ на его любимомъ боевомъ конѣ. Завѣщаніе вождя было въ точности выполнено; трупъ его былъ доставленъ на указанный, поросшій зеленью холмъ и въ присутствіи всего народа, многихъ бѣлыхъ торговцевъ и индѣйскаго агента, съ большими почестями и церемоніей, въ полномъ воинскомъ нарядѣ, посаженъ верхомъ на самаго лучшаго бѣлаго коня, съ лукомъ, колчаномъ и щитомъ за плечами, съ кури-

---

172) *Wood,* Natur. History of Man. II. 542, 566 — 67.

173) *Catlin,* Manners, Customs etc. of the North-American Indians. 1844. II. p. 5. Ср. *Yarrow,* l. c. p. 139 и *Wood* p. 694.—*Dodge* («Die heutigen Indianer des fernen Westens», deutsch von Dr. Müller-Mylius. W. 1884) разсказываетъ, что онъ наткнулся разъ въ своихъ странствованіяхъ на оставленный лагерь Команчей, представлявшій всѣ слѣды непріятельскаго нашествія и раззоренія. Всюду валялись трупы лошадей, поломанное оружіе; хижины были повалены и разрушены; во многихъ мѣстахъ виднѣлись слѣды крови. Ближайшее изслѣдованіе показало однако, что всѣ эти слѣды раззоренія были вызваны смертью значительнаго лица. Найдя слѣдъ, по которому тащили какое-то тяжелое тѣло, Доджъ пошелъ по нему и саженяхъ въ ста нашелъ кучу хвороста. Разворотивъ ее, онъ нашелъ, къ удивленію своему, трупъ вождя Команчей, пользовавшагося значительною любовью и авторитетомъ у своего племени. Трупъ былъ одѣтъ въ военный мундиръ, на головѣ его была шляпа съ перомъ, лицо было окрашено красною краскою, подлѣ него было положено ружье и другое оружіе, въ рукѣ его была пачка спичекъ. Дальнѣйшее обслѣдованіе показало, что трупъ тащили, вѣроятно, по землѣ нагимъ,

тельной трубкой, табачнымъ кисетомъ, огнивомъ, кремнемъ, трутомъ, амулетами и украшеніями у шеи и пояса, со скальпами убитыхъ враговъ на поводьяхъ коня, съ копьемъ въ рукѣ и съ орлиными перьями на головѣ. Когда шаманы произнесли свои заклинанія, каждый воинъ племени, вымазавъ правую свою ладонь и пальцы красною охрою, приложилъ ихъ къ тѣлу бѣлаго коня и отпечаталъ на немъ ихъ изображеніе. Послѣ этого воины стали вырѣзывать куски дерна и обкладывать глыбами земли—ноги смирно стоявшаго коня, накладывая все выше и выше, покуда не была завалена вся лошадь съ посаженнымъ на ней вождемъ и не скрылись наконецъ даже высоко торчавшія на головѣ его перья. Въ концѣ концовъ образовался высокій насыпной холмъ, на вершинѣ котораго былъ водруженъ кедровый столбъ. Поросшій зеленью и цвѣтами, холмъ этотъ долго послѣ того служилъ цѣлью многочисленныхъ посѣщеній какъ Индѣйцевъ, приходившихъ поклониться могилѣ своего вождя, такъ и бѣлыхъ, стремившихся полюбоваться обширнымъ, открывавшимся оттуда видомъ.

Тотъ же способъ погребенія верхомъ на конѣ практиковался иногда и въ Европѣ, какъ то доказываютъ нѣкоторыя преданія и нѣкоторыя находки въ курганахъ. Испанскій герой Сидъ былъ похороненъ, по преданію, верхомъ на своемъ боевомъ конѣ, Бабіекѣ, и съ своимъ вѣрнымъ мечемъ, Тизоной, въ рукахъ, какъ-бы вѣчно готовый драться съ невѣрными [174]). Нашъ сказочный богатырь, Потокъ Михаилъ Ивановичъ, по смерти жены, велѣлъ себя похоронить заживо на своемъ конѣ:

А и тутъ стали могилу копать,
Выкопали могилу глубокую и великую,
Глубиною, шириною по двадцати сажень....
И тутъ Потокъ Михаилъ Ивановичъ
Съ конемъ и збруею ратною
Опустился въ тоежь могилу глубокую,
И заворочали потолкомъ дубовымъ
И засыпали песками желтыми [175]).

привязаннымъ за веревку къ сѣдлу лошади, и одѣли только на мѣстѣ погребенія. Вся кожа на спинѣ, поясницѣ, бокахъ — была содрана и въ другихъ отношеніяхъ трупъ былъ изуродованъ. Позже Доджъ узналъ, что вождь этотъ умеръ отъ пьянства, въ припадкѣ delirium tremens. Племя его оказало ему должныя почести: въ честь его были убиты лошади, самъ онъ былъ богато одѣтъ, снабженъ оружіемъ и проч., но въ то же время было заявлено и презрѣніе къ роду его смерти — тѣмъ, что трупъ его былъ подвергнутъ сначала поруганію. Намъ думается, что Доджъ не понялъ надлежащей причины такого образа дѣйствій. Едва ли Индѣйцы, пристрастившіеся къ пьянству, могли заявлять о своемъ негодованіи въ этомъ случаѣ, да еще по отношенію къ вождю. Истинная причина заключалась, вѣроятно, въ томъ, что они боялись своего вождя, умершаго въ сумасшествіи и опасались касаться его, особенно въ его жилищѣ. Поэтому они и утащили его подальше за веревку (не прикасаясь къ нему) и, вслѣдствіе того же, покинули свой лагерь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отдаленномъ мѣстѣ, позаботились одѣть умершаго и снабдить его всѣмъ нужнымъ, чтобы не вызвать его гнѣва на оставшихся въ живыхъ.

174) *Тэйлоръ*, II. 61.

175) Древнія стихотворенія Кирши Данилова, М. 1818, стр. 222 — 223.

Интересно, что въ предѣлахъ Кіевской Руси, въ треугольникѣ между Росью, Ирпенемъ и Днѣпромъ, на территоріи, которую, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, можно признать неоспоримо территоріею древнихъ Полянъ, проф. В. Б. Антоновичъ нашелъ курганы, представившіе явные слѣды именно такого способа погребенія. По типу серебряныхъ вещей, могилы эти (ихъ извѣстно 10—12) должны быть признаны Славянскими; лучше другихъ изъ нихъ изслѣдованы двѣ, находившіяся у селъ Пышки и Зеленки, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи. «Въ обѣихъ, какъ сообщаетъ мнѣ проф. В. Б. Антоновичъ [176]), надъ курганами, гораздо ниже горизонта, высѣчены были въ подпочвѣ (желтой глинѣ) четырехугольныя камеры, около 5 аршинъ длиною, до $3^1/_2$ шириною и до 1 сажени вышиною. Въ камеру введенъ былъ покойникъ верхомъ на лошади и послѣдней голова разбита камнемъ; лошадь упала на переднія ноги, которыя поджаты и согнуты въ колѣняхъ; покойникъ свалился на шею лошади (въ одномъ случаѣ большой булыжникъ найденъ въ разбитомъ лошадиномъ черепѣ). Покойникъ, въ обоихъ случаяхъ—въ полномъ вооруженіи: кольчуга, сабля, желѣзное копье, стремена, въ зубахъ у лошади уздечка. Въ одномъ случаѣ (въ с. Пышкахъ) на покойникѣ — серебряная гривна, такой же браслетъ и у грудныхъ костей лошади—большая серебряная привѣска въ видѣ большой многоугольной звѣзды на серебряномъ кольцѣ. Въ другомъ случаѣ (въ с. Зеленкахъ) серебряныхъ украшеній не было, но сверхъ перечисленнаго оружія былъ желѣзный колчанъ и 6 наконечниковъ желѣзныхъ стрѣлъ. Подобный же способъ погребенія верхомъ на конѣ былъ встрѣченъ и Д. Я. Самоквасовымъ, въ одномъ курганѣ у деревни Клиновой, Курскаго уѣзда, разрытомъ имъ въ 1875 году. Въ этомъ, одиноко стоящемъ курганѣ (имѣвшемъ до 60 аршинъ въ окружности при основаніи и около 1 аршина отвѣсной высоты), «на глубинѣ 4 аршинъ ниже земной поверхности, найденъ остовъ лошади и при немъ въ совершенномъ безпорядкѣ человѣческій остовъ. По всей вѣроятности, въ этой могилѣ былъ погребенъ покойникъ верхомъ на лошади. Часть человѣческихъ костей найдена съ правой стороны лошадинаго остова, часть съ лѣвой. Изъ вещей въ могилѣ найдены: въ челюстяхъ лошади—желѣзныя удила, у ея боковъ—желѣзныя стремена; между костями человѣка—бронзовая пряжка и желѣзный ножъ; въ разстояніи полъ-аршина отъ головы лошади пустой глиняный сосудъ. Всѣ металлическія вещи чрезвычайно окисшія. На костяхъ видны слѣды разложившихся металлическихъ вещей [177])». За тѣмъ тотъ же способъ погребенія былъ констатированъ, повидимому, (въ 60-хъ годахъ) Витковскимъ въ нѣкоторыхъ курганахъ Васильковскаго уѣзда, Кіевской губерніи [178]), причемъ въ одномъ курганѣ, вмѣстѣ съ лошадинымъ

---

176) *В. Б. Антоновичъ,* въ письмѣ ко мнѣ отъ 28 марта 1888 г., изъ Кіева.

177) *Самоквасовъ,* Сѣверянскіе курганы, въ «Трудахъ III Археол. Съѣзда». Кіевъ. 1878. Т. I, стр. 200.

178) *Витковскій* въ «Трудахъ III Арх. Съѣзда». Т. II, стр. 24 слѣд.

скелетомъ оказался скелетъ женщины, въ другомъ же мѣсто лошадинаго костяка занимали только сѣдло и уздечка.

Погребеніе верхомъ на конѣ составляло во всякомъ случаѣ довольно рѣдкое явленіе; нѣсколько чаще встрѣчалось, повидимому, погребеніе на колесницѣ, или съ лошадями и колесницей, констатированное въ разныхъ мѣстностяхъ и въ различныя эпохи, какъ напримѣръ у древнихъ Грековъ, Этрусковъ, Скиѳовъ, Галловъ, Германцевъ, въ древнихъ могильникахъ и курганахъ Южной Россіи, Италіи, Франціи, Англіи, Германіи, Даніи, Моравіи, Седмиградской области и т. д. Въ Моравіи, въ пещерѣ «Бычья Скала», находящейся въ долинѣ Свитавы, близъ Бланско, за двѣ станціи Пражско-Вѣнской желѣзной дороги передъ Бёрномъ (Brünn, Brň), въ слабо освѣщенныхъ сѣняхъ этой пещеры д-ръ Ванкель встрѣтилъ слѣды грандіознаго варварскаго погребенія. «Въ срединѣ сѣней горѣлъ нѣкогда огромный очагъ, на которомъ была сожжена колесница, сдѣланная изъ дерева и желѣза, украшенная бронзовыми бляхами, съ лежащимъ на ней покойникомъ. Кругомъ во всей передней разбросаны были костяки человѣческихъ жертвъ, по большей части обугленные, перемѣшанные съ костяками лошадей безъ череповъ, и цѣлыми глиняными сосудами, отчасти наполненными хлѣбомъ, фруктами и другими яствами; тутъ же найдено нѣсколько бронзовыхъ ведеръ и котловъ, а также всякаго рода украшеній изъ бронзы, золота, стекла, янтаря и желѣза [179])». Что касается Этрусковъ, то можно указать на такъ называемую «могилу Герцога» (tomba del Duce), открытую на древнемъ кладбищѣ Ветулоніи и

---

[179]) *Ванкель,* Пещера Бычья скала, въ «Трудахъ III (Кіевскаго) Съѣзда. I, стр. 259 — 261. Около очага лежали бронзовые браслеты, спиральные наручники, круглыя бляхи съ привѣсками, браслеты и кольца изъ золота и бураго угля, стеклянныя ожерелья, металлическія и глиняныя бусы, орудія изъ кости и рога, гири изъ камня и глины, бронзовый скипетръ, точильные бруски, амулеты; за тѣмъ — обугленныя шерстяныя и льняныя ткани, въ сосудахъ — хлѣбъ, просо, пшеница, чечевица; остатки цвѣтовъ въ обугленныхъ корзинкахъ и т. д. Въ одномъ бронзовомъ котлѣ найденъ человѣческій черепъ, въ другомъ — глиняный сосудъ съ остатками пищи, въ третьемъ — бронзовая фигура быка, напоминающаго египетскаго Аписа. Вблизи отъ очага находилась правильная мостовая изъ обдѣланныхъ камней и на ней жертвенникъ, на которомъ лежали отрубленныя руки дѣвушки, украшенныя еще бронзовыми браслетами и золотыми кольцами, а подлѣ него половина расколотаго черепа и другія части костяка; кругомъ же были разбросаны кости многихъ людей и звѣрей. Все это мѣсто, по окончаніи торжества, было покрыто большими обломками известняка, пескомъ и землею, и такимъ образомъ сохранилось нетронутымъ. По характеру вещей и суббрахикефальной формѣ черепа, отличной отъ древне-германской, Ванкель приписалъ найденные имъ останки древнему Кельтскому племени Боевъ. По словамъ Фосса *(Voss,* въ «Verhandlungen d. Berl. Anthr. Ges.» 1878. S. 333), въ курганахъ и рядовыхъ могилахъ (Reihengräber) южной Германіи и Прирейнскаго края находили неоднократно части колесницъ, вмѣстѣ съ остатками коней. Въ верхней Баваріи, близъ Брука, были найдены желѣзныя шины; около Хасслоха, близъ Шпейера — обломки двухъ бронзовыхъ колесъ; въ Пуллахѣ, около Мюнхена, въ одномъ «княжескомъ» курганѣ — слѣды колесницы. См. *Naue,* Ein Fürstengrab bei Pullach, въ «Correspondenz-Blatt d. deut. Ges. für Anthropologie». 1882. — О находкахъ во Франціи, см. *Mazard,* Essai sur les chars

относимую къ концу VII в. до Р. Х. Въ этой могилѣ, въ одномъ изъ пяти отдѣловъ ея, были найдены остатки упряжи и колесница, на которой умершій былъ, очевидно, привезенъ для погребенія. Можно было различить металлическую оправу сѣдла, бляхи сбруи, двое удилъ, желѣзные и бронзовые диски (вѣроятно фалеры), два бронзовыхъ цилиндра, вѣроятно отъ металлической оправы дышла, и двѣ большія желѣзныя шины отъ колесъ. (См. *Martha*, L'Art Etrusque. 1889, p. 112 ss.) Изъ кургановъ Южной Россіи остатки колесницъ были найдены въ нѣкоторыхъ Таманскихъ курганахъ, напримѣръ въ Васюриной горѣ, у подошвы которой оказались три каменныя гробницы съ золотыми вещами, одна дѣтская, три конскихъ гробницы и колесница въ обломкахъ [180]), затѣмъ въ нѣсколькихъ приднѣпровскихъ, какъ-то: Александропольскомъ, Чертомлыцкомъ, Краснокутскомъ. Сдѣланы были эти колесницы изъ дерева и желѣза и снабжены различными металлическими (бронзовыми, золотыми, серебряными) украшеніями, отчасти впрочемъ принадлежавшими, какъ надо думать, устраивавшемуся надъ колесницей балдахину или шатру. Поломанные и неполные остатки колесницъ не могутъ дать, впрочемъ, достаточнаго понятія объ ихъ вѣроятной формѣ и величинѣ [181]).

Gaulois, въ «Revue archéologique, N. S. XXXIII. p. 154, 217. и *Chantre*, L'age de bronze. I. p. 156. Въ могилѣ de la gorge Meillet (dep. Marne) были найдены колеса съ бронзовыми ободами ступицъ и съ бронзовыми бляхами на концахъ осей, чрезъ которыя проходили желѣзные шкворни. Въ Даніи остатки колесъ и другихъ частей колесницъ были находимы въ могилахъ древнѣйшаго желѣзнаго вѣка; см. *Montelius*, Die Kultur Schwedens in vorchristlicher Zeit, übers. v. Apfel. 1885, S. 112. На островѣ Фіоніи, въ могильникѣ Langaa, были найдены обломки колесницы, сожженной съ умершимъ. Въ Англіи остатки колесницы были найдены въ курганѣ, ссыпанномъ изъ камня, въ Гампденъ Хиллѣ, въ Сомерсетширѣ, — именно пара колесъ, вмѣстѣ съ желѣзными наконечниками копій и стрѣлъ и съ человѣческими костями, причемъ въ черепѣ оказалась вонзившаяся стрѣла. Одно колесо хорошо сохранилось; оно имѣетъ 12 спицъ и желѣзную шину толщиной въ 2 дюйма. Въ другомъ курганѣ, въ Іоркширѣ, съ каждой стороны человѣческаго костяка лежало по скелету лошади и по колесу (3 фута въ діаметрѣ) отъ колесницы, вмѣстѣ съ фрагментами ея кузова, бронзовыми украшеніями и т. д. Въ другомъ курганѣ того же графства костякъ лежалъ на щитѣ съ бронзовымъ навершьемъ, а подлѣ него, съ обѣихъ сторонъ, находилось по колесу, съ желѣзной шиной и гвоздями. Въ Седмиградской области были найдены при костякѣ колеса изъ бронзы. См. *Kemble*, Horae ferales, p. 62 — 63.

[180]) *Толстой и Кондаковъ*, Русскія древности. Вып. I, стр. 110.

[181]) Въ Краснокутской могилѣ И. Е. Забѣлинъ нашелъ, на материкѣ, «обломки колесницы, удила съ уборами, а также изображенія львовъ, грифовъ и птицъ на втулкахъ, служившія, можетъ быть, чѣмъ-либо въ родѣ значковъ или украшавшія погребальную колесницу». См. *Забѣлинъ*, «Чертомлыцкій курганъ» стр. 7. При разрытіи Александропольскаго кургана съ востока на западъ, $3^3/_4$ саж. отъ материка, на протяженіи одной сажени, лежали обломки желѣзныхъ обручей и палокъ отъ шести колесъ и кузова колесницы. Такія же кучи обломковъ въ Краснокутской могилѣ имѣли около $1^1/_4$ арш. въ ширину и $^3/_4$ арш. въ толщину, въ Чертомлыцкой — 2 арш. въ длину, $1^1/_2$ въ ширину и 1 арш. въ высоту. По мнѣнію *Лаппо-Данилевскаго* («Скиѳскія древности», въ «Запискахъ Рус. Археол. Общ.» Т. IV, 1887, стр. 460) — въ Александропольскомъ курганѣ колесница была погребена можетъ быть въ цѣломъ видѣ,

Остатки лошадей встрѣчаются обыкновенно въ могилахъ или перемѣшанными съ остатками человѣка, или лежащими въ сторонѣ выше или ниже въ томъ же курганѣ. Число такихъ находокъ, сдѣланныхъ по настоящее время на почвѣ Европы (и Азіи), столь значительно, что едва ли возможно даже ихъ перечислить. Лошадиныя кости попадаются какъ въ могилахъ съ погребеніями, такъ и въ могилахъ съ трупосожженіемъ,— какъ въ весьма древнихъ курганахъ, ссыпанныхъ за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., такъ и въ гораздо позднѣйшихъ. Съ какого времени трупы лошадей стали погребаться (или сожигаться) съ трупами людей, сказать трудно, хотя можно думать, что начало этого обычая относится уже къ эпохѣ металлической. Въ теченіи каменнаго вѣка лошадь, какъ прирученное животное, была еще рѣдка въ Европѣ, и большее распространеніе ея послѣдовало лишь съ введеніемъ металловъ, бронзы и желѣза [182]). Впрочемъ, извѣстны

а въ послѣднихъ двухъ — предварительно изломана. О составныхъ частяхъ колесницы можно составить себѣ нѣкоторое понятіе лишь по остаткамъ, найденнымъ въ Краснокутской могилѣ. Тутъ, въ одной изъ кучъ найдено нѣсколько кусковъ желѣзныхъ шинъ (всего до 20 аршинъ), семь мѣдныхъ втулокъ, причемъ одна еще найдена въ другой кучѣ, 60 шинныхъ гвоздей или заклепокъ и нѣсколько гвоздей съ круглыми шляпками, нѣсколько кусковъ крѣпей отъ колесъ и отъ самой колесницы, какъ-то: обломки колесныхъ обоймицъ со ступицъ, обломки скобъ и тонкихъ полосъ разной ширины служившихъ, можетъ быть, укрѣпленіемъ кузова. Для украшенія колесницы (а отчасти балдахина или шатра надъ ней) служили, вѣроятно, бронзовыя изображенія животныхъ, бронзовыя, золотыя и серебряныя бляхи, бубенчики, трубочки, колокольчики, бусы, пуговицы и т. д. Ср. еще: *Толстой и Кондаковъ*. Древности. В. II. Здѣсь кстати замѣтить, что на западѣ (во Франціи и Скандинавіи), нѣсколько древнихъ колесницъ было найдено въ остаткахъ, позволившихъ до нѣкоторой степени возстановить форму повозки. Особенно замѣчательна находка, сдѣланная, лѣтъ восемь тому назадъ, въ одномъ торфяномъ болотѣ, въ Ютландіи. Найденные здѣсь фрагменты дышла, колесъ и многочисленныя бронзовыя орнаментированныя бляхи позволили Г. Петерсену реставрировать эту колесницу, которая и выставлена теперь въ Копенгагенскомъ Музеѣ. (*H. Petersen,* Die Wagenfunde aus dem Pastoratmoor zu Dejbjerg bei Ringkjöbing (Jütland). 1881 — 1883. Mit 5 Taf. und 36 Fig. 1888). Петерсенъ относитъ эту колесницу къ первымъ столѣтіямъ нашей эры.

[182]) Въ культурномъ слоѣ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка Швейцаріи остатки лошадей крайне рѣдки, тогда какъ остатки собаки, рогатаго скота, свиньи довольно обыкновенны. Есть основаніе думать, что приручение лошади послѣдовало въ степяхъ Средней Азіи, откуда она лишь мало-по-малу стала распространяться въ Европу. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что европейская дикая лошадь дилювіальнаго или постъ-пліоценоваго періода отличалась большимъ ростомъ, болѣе массивнымъ сложеніемъ и болѣе удлиненной и узкой головой, чѣмъ домашняя порода бронзоваго вѣка, которая, по своему небольшому росту, легкому сложенію и короткой широкой головѣ, подходила къ восточному, арабскому, вообще степному типу лошадей. Только въ болѣе позднюю эпоху, въ теченіи желѣзнаго вѣка, появляются въ Европѣ тяжелыя породы домашнихъ лошадей, очевидно происшедшія отъ дикаго европейскаго вида. Впрочемъ *Нерингъ (Nehring,* Fossile Pferde etc. B. 1884. S. 152), ссылаясь на мелкую породу дикой дилювіальной лошади, остатки которой были найдены Фраасомъ въ Шуссенридѣ, считаетъ возможнымъ, что и прирученная порода бронзоваго вѣка образовалась на мѣстѣ, въ Европѣ, въ концѣ каменнаго и началѣ бронзоваго вѣка. Остатки лошадей, находимые въ древнѣйшихъ германскихъ могилахъ, указываютъ часто тоже на довольно мелкую породу

случаи находокъ костей лошади и въ такихъ могилахъ, въ которыхъ не оказывалось никакихъ издѣлій, кромѣ каменныхъ и костяныхъ, и которыя могутъ быть, повидимому, отнесены къ концу неолитическаго или къ самому началу металлическаго вѣка [183]). Обыкновенно же остатки лошадей находятъ вмѣстѣ съ бронзовыми и желѣзными предметами, въ могильникахъ и курганахъ желѣзнаго періода и послѣдующихъ, Среднихъ, а на востокѣ и еще болѣе позднихъ вѣковъ.

Въ числѣ такихъ кургановъ одними изъ древнѣйшихъ могутъ считаться скиѳскіе и греческіе южной Россіи. О древне-греческомъ обычаѣ убивать на похоронахъ лошадей, собакъ и даже людей (плѣнниковъ, рабовъ) свидѣтельствуетъ Иліада (XXIII, 175), въ которой разсказывается о плѣнникахъ — троянцахъ, поверженныхъ вмѣстѣ съ собаками и лошадьми на погребальный костеръ Патрокла, и поэтъ Лукіанъ, который, говоря повидимому о погребеніяхъ эллинизированныхъ варваровъ, восклицаетъ: «Сколько умерщвляется на могилахъ лошадей, наложницъ, виночерпіевъ! сколько одеждъ, уборовъ сожигается или зарывается въ землю вмѣстѣ съ умершими!» Слѣды этого обычая мы встрѣчаемъ и въ керченскихъ (также таманскихъ и кубанскихъ) курганахъ южной Россіи, «бо́льшая часть коихъ заключаетъ въ себѣ могилы, принадлежащія ко временамъ отъ V вѣка до Р. Х. до II вѣка послѣ Р. Х., — Грековъ или туземцевъ, состоявшихъ подъ непосредственнымъ эллинскимъ вліяніемъ.» [184]) Обычный способъ устройства могилъ въ этихъ курганахъ былъ такой, что выравнивали площадь, рыли въ ея срединѣ большую яму въ материкѣ и въ ней выкладывали камнемъ гробницу (т. наз. «погребокъ») или же основаніе склепа, поднимавшагося надъ уровнемъ площади. Въ сторонѣ устраивали иногда склепъ женскій и гробницы рабовъ, на томъ же уровнѣ справляли тризну и все мѣсто засыпали землею, возводя курганъ, въ насыпи котораго помѣщали тѣла убитыхъ лошадей.» Въ этой насыпи попадаются часто

---

[183]) *Крашевскій,* («Sztuka u Slowian») упоминаетъ о каменныхъ гробницахъ юго-западнаго края (у д. Грушево), въ которыхъ находили каменныя орудія, человѣческія кости или урны съ жжеными костями и кости лошадей. См. *Kohn und Mehlis,* Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östlichen Europa. I. 1879. S. 93. Просдо́чими встрѣтилъ скелетъ лошади въ могилѣ, повидимому, неолитическаго вѣка въ Эсте (Италіи). Здѣсь, ниже этрусскихъ могилъ древнѣйшаго, такъ называемаго евганійскаго періода, со слѣдами сожженія, оказалась еще болѣе древняя могила, въ которой у костяка находились только издѣлья изъ камня (осколки, ножики, шаръ), а подъ ними — скелетъ лошади. См. *Ranke,* Der Mensch. II. S. 564. — Въ такъ называемой «Долгой могилѣ» (въ 3 вер. отъ Александрополя) П. С. Савельевъ, при раскопкахъ въ 1856 г., нашелъ въ серединѣ кургана, въ материкѣ, яму, по угламъ которой стояли толстыя сваи (и которая ранѣе была покрыта деревяннымъ потолкомъ); въ ямѣ лежалъ мужской остовъ съ мѣднымъ ножемъ у лѣваго бока, съ грубымъ горшкомъ у головы и остовомъ лошади въ ногахъ. Въ другой могилѣ того же кургана, обложенной и покрытой камнями, найдены остовъ человѣка, грубые сосуды изъ необожженой глины и скелетъ молодой лошади.

[184]) *Толстой и Кондаковъ,* «Русскія Древности I. Классическія древности южной Россіи», стр. 21 — 23.

черепки амфоръ и расписныхъ вазъ, а около нихъ — нерѣдко и лошадиныя кости. Въ другихъ случаяхъ остатки костей встрѣчаются въ самыхъ склепахъ: такъ въ колоссальномъ курганѣ близъ сел. Баксы (въ 17 верстахъ отъ Керчи на сѣверъ) вся изящная греческая посуда оказалась разбитою тремя, умерщвленными въ самомъ склепѣ, конями [185]). Въ знаменитомъ Кулъ-Обскомъ курганѣ, рядомъ съ огромнымъ царскимъ саркофагомъ, на полу, лежалъ остовъ женщины, у задней (южной) стѣны, на полу-же, остовъ мужчины, можетъ быть конюшаго, въ головахъ котораго (въ юго-западномъ углу склепа), въ небольшомъ углубленіи, были сложены— черепъ и кости лошади вмѣстѣ съ бронзовыми поножами и шлемомъ. По отношенію къ этимъ курганамъ довольно трудно рѣшить, которые изъ нихъ могутъ считаться греческими, которые — несомнѣнно варварскими. Многіе изъ нихъ, очевидно, «принадлежали царямъ или вождямъ сосѣднихъ варварскихъ народовъ, нерѣдко властвовавшихъ и надъ Босфоромъ» [186]). «Поясъ кургановъ, окружающій Нимфею (имѣніе Эльтигенъ, въ 8 верстахъ отъ Керчи къ югу, на берегу моря), доставилъ нѣсколько изящныхъ древностей по разряду золотыхъ издѣлій и туалетныхъ сосудовъ, но наиболѣе замѣчательная находка въ большомъ плоскомъ курганѣ, состоявшая изъ множества предметовъ посуды, бронзовой утвари, канделябръ, лампадъ и проч., сложенныхъ въ деревянномъ гробу, оказалась также варварскаго характера по бронзовымъ уздечнымъ украшеніемъ отъ восьми коней, погребенныхъ съ умершимъ». На Таманскомъ полуостровѣ, въ курганѣ «Большая Близница», въ каменномъ его склепѣ, И. Е. Забѣлинъ нашелъ деревянный саркофагъ съ богатыми женскими золотыми украшеніями, а въ углу склепа — сложенные въ кучу четыре конскихъ убора, состоящіе изъ уздечекъ съ бронзовыми украшеніями. Въ нѣкоторыхъ таманскихъ и кубанскихъ курганахъ лошадиные остовы оказались погребенными въ особыхъ склепахъ или гробницахъ. Такъ, въ Васюриной горѣ, кромѣ главнаго склепа (оказавшагося ограбленнымъ), были найдены четыре каменныя гробницы, «каждая изъ которыхъ заключала въ себѣ по лошадиному остову; при нихъ найдены конскіе уборы, украшенные бронзовыми золочеными бляхами со вставленными украшеніями изъ матоваго стекла, налобники въ видѣ головы грифона, обтянутые листовымъ золотомъ. У входа въ склепъ найденъ остовъ собаки съ бронзовою цѣпью, которою она была привязана.... У подошвы кургана найдено было впослѣдствіи еще нѣсколько каменныхъ гробницъ съ золотыми вещами, еще три конскія гробницы и колесница въ обломкахъ, а также бронзовый котелъ.» Конскія гробницы были найдены и въ Буеровой могилѣ, близъ Тамани, съ западной стороны и въ нѣсколькихъ курганахъ изъ группы т. наз. «Семи

---

[185]) Погребеніе воина въ курганѣ Баксы, съ его конями, заняло, повидимому, чужой, болѣе древняго происхожденія греческій склепъ, въ которомъ были забраны золотыя вещи прежняго покойника и оставлены только вазы. Ibid. I, стр. 108.

[186]) *Толстой и Кондаковъ*, I, стр. 22. См. также выпускъ II. «Древности Скиѳосарматскія», стр. 85 — 90. «Гробница Кулъ-Оба, говорится здѣсь, несомнѣнно, служила мѣстомъ погребенія какого-либо варварскаго царя или князя.

братьевъ», на лѣвомъ берегу Кубани, въ Темрюкскомъ уѣздѣ, изслѣдованныхъ барономъ В. А. Тизенгаузеномъ. «Во второмъ изъ этихъ кургановъ открыта была огромная могила съ каменными стѣнами; большая часть ея занята была костями тринадцати коней, а въ особой оградѣ, въ углу ея, лежалъ остовъ погребеннаго воина, въ чешуйчатомъ панцырѣ, съ многими серебряными бляхами, золотыми пластинками, остатками желѣзнаго меча и копья, тремя золотыми ожерельями на шеѣ, массою золотыхъ бляшекъ отъ одежды и замѣчательными серебряными и бронзовыми сосудами (ритономъ, плоской чашей, кубкомъ, сосудомъ на трехъ львиныхъ ножкахъ съ двумя ручками въ видѣ львовъ и змѣй и др.). На конскихъ скелетахъ были найдены бронзовыя «псаліи» (усики отъ удилъ) — разнообразной формы съ изображеніями, бляхи, налобники и т. д. — Въ гробницѣ третьяго кургана «схоронено было также нѣсколько лошадей. Кромѣ того, къ востоку отъ главной могилы оказалась могила пяти коней, въ уздечкахъ съ бронзовыми украшеніями». Въ четвертомъ курганѣ также была особая конская могила, равно какъ въ пятомъ и седьмомъ, причемъ только эти могилы оказались неразграбленными. — «Въ центрѣ шестаго кургана находилась нетронутая большая каменная гробница, раздѣленная поперечными каменными стѣнками на три отдѣленія, изъ которыхъ въ одномъ, крайнемъ, лежали скелеты семи коней (съ желѣзными удилами и усиками и бронзовыми бляхами), въ среднемъ—утварь разнаго рода, а третье, въ свою очередь, дѣлилось на собственную могилу и на небольшое помѣщеніе съ утварью.».

Въ погребеніи вмѣстѣ съ людьми лошадей, керченскіе и кубанскіе курганы представляютъ значительное сходство съ другими, находящимися сѣвернѣе, въ бассейнѣ Днѣпра, и пріурочиваемыми Скиѳамъ. Сходство въ данномъ случаѣ подтверждается характеромъ многихъ, находимыхъ въ тѣхъ и другихъ могилахъ, издѣлій греческой работы, указывающихъ на ту же лучшую эпоху греческаго искусства, IV — III вв. до Р. Х. Принадлежность же этихъ днѣпровскихъ кургановъ Скиѳамъ можетъ быть заключаема какъ изъ того факта, что въ ту эпоху исторія не знаетъ въ приднѣпровскихъ степяхъ иного народа; кромѣ Скиѳовъ, такъ и изъ сходства многихъ подробностей въ устройствѣ и обстановкѣ погребеній этихъ кургановъ съ тѣмъ, что̀ разсказываетъ Геродотъ относительно погребеній у Скиѳовъ. По словамъ Геродота, могилы скиѳскихъ царей находятся въ странѣ Герровъ, въ томъ мѣстѣ, до котораго Борисѳенъ (Днѣпръ) судоходенъ. Когда у Скиѳовъ умираетъ царь, они выкапываютъ здѣсь въ землѣ большую четырехугольную яму.... Въ широкомъ помѣщеніи могилы они хоронятъ подлѣ царя одну изъ его наложницъ, предварительно удушивши её, а также его виночерпія, конюха, повара, служителя (секретаря) и глашатая; погребаютъ также коней, золотые сосуды и лучшую часть остальнаго имущества. Сдѣлавши это, всѣ вмѣстѣ насыпаютъ большой курганъ надъ могилой. Соотвѣтственно этому разсказу Геродота, мы встрѣчаемъ массу кургановъ въ степяхъ, прилегающихъ къ Днѣпровскимъ порогамъ, и въ числѣ ихъ большіе, «толстые», обложенные при подошвѣ крупными

нетесаными камнями и по всѣмъ признакамъ заключающіе въ себѣ гробницы скиѳскихъ царей. Въ срединѣ подъ насыпью, въ материкѣ, въ слоѣ бѣлой глины (лежащей ниже чернозема и слѣдующаго за нимъ слоя желтой и красной глины), здѣсь дѣлалась большая четырехугольная яма для погребенія знатнаго покойника. Яма эта оказывается обыкновенно ограбленною, вѣроятно въ незапамятныя времена, можетъ быть даже современниками погребенія, посредствомъ подземныхъ ходовъ отъ подошвы кургана. Но рядомъ съ главной ямой (гробницей) устраивались часто побочныя или придаточныя подземелья и гробницы, иногда ниже уровня главной, и вотъ въ этихъ-то побочныхъ гробницахъ и были сдѣланы важнѣйшія находки. Между прочимъ, въ нихъ находили и остовы коней, иногда съ богато убранными уздечками, сбруей, сѣдлами; въ другихъ случаяхъ остатки коней встрѣчались выше, въ насыпи, ближе къ «верхоземкѣ». «На верхоземкѣ, говоритъ И. Е. Забѣлинъ, вблизи гробницы и прямо противъ нея, въ нѣсколькихъ саженяхъ къ западу, находилась могила коней, рытая глубиною на 1 сажень. Число погребаемыхъ коней, вѣроятно, соотвѣтствовало богатству и значенію покойника. Такъ, въ одной могилѣ, по прозванію «Каменной», найдена гробница только съ однимъ конемъ, въ другой «толстой Краснокутской», съ четырьмя, а въ Чертомлыцкой — съ одиннадцатью конями.» [187]) Въ Чертомлыцкомъ курганѣ (находящемся верстахъ въ 25 къ с. отъ Никополя), разрытомъ И. Е. Забѣлинымъ, остатки лошадей и конскихъ удилъ встрѣтились уже въ верхнихъ частяхъ насыпи. «На глубинѣ $1^1/_2$—$2^1/_2$ арш. отъ вершины кургана, въ разныхъ мѣстахъ, время отъ времени стали попадаться черепки разбитыхъ глиняныхъ простыхъ амфоръ и разныя вешицы, составлявшія уздечный приборъ, желѣзныя удила, бронзовые баранчики, пуговицы и пр... На глубинѣ трехъ саженъ и въ разстояніи $1^1/_2$ сажени къ востоку отъ центра кургана открыты, сложенные въ кучу безъ всякаго порядка, различные предметы конскаго уздечнаго и другаго убора, именно перержавѣвшія и сварившіяся желѣзныя удила, числомъ около 250, съ принадлежавшими къ нимъ бронзовыми баранчиками, пуговицами, пряжками, рѣзными запонками въ видѣ птичьей головы, наносниками въ видѣ бюста какого-то животнаго и пр., также часть шейнаго убора, состоящаго изъ бронзовыхъ бляхъ разной величины,... множество бронзовыхъ стрѣлокъ,.. бронзовыя изображенія львовъ, драконовъ, птицъ, золотыя пластинки, серебряныя бляхи, раковинки и проч., все, сложенное безпорядочно въ кучу и перепутавшееся своими частями. «Ведя раскопку далѣе къ низу, нашли, рядомъ съ черепками амфоръ, еще желѣзныя удила съ бронзовыми украшеніями, а равно — лошадиныя кости отъ челюсти и ногъ. Когда достигли материка, въ центрѣ кургана обнаружилась большая четырехугольная яма, засыпанная черноземомъ; къ сѣверозападному ея углу примыкала другая такая же яма, овальной формы, а далѣе къ западу, въ разстояніи пяти саженъ отъ первой ямы — еще три,

---

187) *Забѣлинъ*, Скиѳскія могилы. Чертомлыцкій курганъ. М. 1865 (изъ «Древностей»).

почти квадратныя, лежащія рядомъ, по направленію съ ю. къ с. и противъ нихъ, съ восточной стороны, двѣ небольшія земляныя гробницы. «Въ этихъ небольшихъ гробницахъ были найдены остовы двухъ мужчинъ съ золотыми украшеніями на шеѣ, около ушей и на пальцахъ, съ бронзовыми стрѣлами и, у одного — желѣзнымъ копьемъ и ножемъ. Въ головахъ этихъ покойниковъ расположены были рядомъ упомянутыя три квадратныя могилы, вырытыя въ материкѣ глубиною на 3 аршина. Въ нихъ открыто одиннадцать коней, лежавшихъ головами къ главной гробницѣ, въ южной— три, въ остальныхъ двухъ по четыре; изъ нихъ пять съ серебряными уздечными нарядами, а шесть съ золотыми нарядами, уздечными и сѣдельными. Изъ этихъ послѣднихъ, на двухъ коняхъ, кромѣ того, находились шейные бронзовые уборы изъ бляхъ большихъ, овальныхъ и малыхъ, въ видѣ полумѣсяца и колокольчика. Въ южной конской гробницѣ найдена сверхъ того одна бронзовая уздечка (уборъ), можетъ быть съ коня, неполные остатки котораго, именно голова, нѣсколько позвонковъ и ножныя кости открыты были дальше на западъ, на материкѣ, подъ каменнымъ цоколемъ могилы. Въ челюсти конскаго черепа оставались одни только желѣзныя удила. Остатки его костей были однакожъ размѣщены въ положеніи, какое долженъ былъ имѣть полный остовъ животнаго. Затѣмъ еще далѣе, подъ сѣверозападнымъ пластомъ огромныхъ камней курганнаго цоколя, по направленію отъ сѣвера къ югу, лежалъ слой конскихъ же костей и черепковъ отъ разбитыхъ глиняныхъ амфоръ. Слой этотъ шириною былъ въ $1^1/_2$ арш., толщиною въ $^1/_4$ арш. и простирался сплошь на 7 саж. длины. Очевидно, это были слѣды справленной здѣсь тризны или поминокъ по покойникѣ.» [188]).

Въ Александропольскомъ курганѣ — могила лошади, покрытая нѣкогда бревнами, представляла ту особенность, что лошадь стояла на колѣняхъ, голова была вытянута впередъ и помѣщалась на особомъ приступкѣ. Узда лошади украшалась золотыми рельефными бляхами, не-греческаго характера; во рту были желѣзныя удила съ золотыми розетками на концахъ; на головѣ между глазами и ухомъ лошади былъ дутый бюстикъ коня со отверстіемъ для продѣванія ремня; шея лошади украшалась бронзовыми бляхами, бубенцами, полумѣсяцами, серебряными бусами и т. д., а на спинѣ ея было сѣдло, окрашенное нѣкогда въ красный цвѣтъ и украшенное по передней и задней лукѣ золотыми накладками. Съ правой стороны сѣдла былъ деревянный колчанъ, обложенный листовой бронзою съ 45 стрѣлами. Кромѣ этой конской могилы, встрѣтилась еще масса лошадиныхъ костей и конскихъ украшеній въ одномъ мѣстѣ подземнаго корридора, шедшаго подъ этимъ курганомъ отъ сѣверо-восточнаго угла могильной катакомбы, и наконецъ, еще одна конская могила была обнаружена при оконча-

---

[188]) Повидимому, конскія гробницы устраивались всегда на западъ отъ главной или на юго-западъ; таково, по крайней мѣрѣ, положеніе ихъ въ Александропольскомъ, Краснокутскомъ, Чертомлыцкомъ курганахъ и въ курганѣ Козелъ.

тельной раскопкѣ длиннаго корридора, гдѣ на этотъ разъ былъ найденъ совершенно не потревоженный костякъ лошади съ отлично сохранившимся уборомъ изъ желѣзныхъ удилъ съ золотыми бляхами и изъ разныхъ золотыхъ и серебряныхъ пластинокъ, находившихся на лбу и около глазъ. Далѣе, у обѣихъ стѣнъ корридора, лежало еще три конскихъ скелета въ богатыхъ уздечкахъ. Наконецъ, раскопка по направленію грабительской мины привела къ открытію еще одной ямы (третьей), въ которой оказались остатки колесницы (или двухъ?), окованной желѣзомъ о шести колесахъ, со множествомъ бляшекъ, пуговокъ, золотыхъ и стеклянныхъ (голубыхъ) бусъ, служившихъ, вѣроятно, украшеніемъ колесницы или ея намета.

Въ Краснокутскомъ курганѣ (по дорогѣ изъ Екатеринославля въ Никополь), кромѣ остатковъ погребальной колесницы, конской сбруи и ихъ украшеній, — въ центрѣ кургана оказались три могильныя ямы, изъ нихъ неразграбленною только одна, покрытая сверху досками и соломой и содержавшая въ себѣ остатки четырехъ коней, положенныхъ на бокъ, головами къ центральной могилѣ; всѣ кони были въ уздечкахъ съ серебрянымъ наборомъ и желѣзными удилами, причемъ прорѣзныя бляхи отъ усиковъ удилъ и нащечниковъ замѣчательны по оригинальнымъ сочетаніямъ конскихъ головокъ, напоминающихъ рѣзные «коньки» русскихъ избъ. Наконецъ, въ т.—наз. «Цымбаловой могилѣ», Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губ., въ черноземной насыпи кургана открыты были лошадиныя кости и два уздечныхъ набора съ мѣдными бляхами и желѣзными удилами. Въ материкѣ обнаружилось двѣ могилы, въ центрѣ кургана овальная, главная, и къ западу отъ нея—четырехугольная, конская. Первая оказалась разграбленною, вторая нетронутою: въ ней было погребено шесть коней, на четырехъ были бронзовые уздечные наборы съ серебряными налобниками въ видѣ птичьихъ головъ, а на двухъ — золотыя большія пластины, покрывавшія переносье и лобную часть черепа; изъ этихъ пластинъ однѣ греческой работы, а другія — грубой варварской техники.

Сопоставляя данныя различныхъ раскопокъ въ царскихъ скиѳскихъ курганахъ, г. Лаппо-Данилевскій сдѣлалъ попытку возсоздать въ подробностяхъ происходившій въ нихъ нѣкогда похоронный обрядъ. «Царь, говоритъ онъ, лежалъ на колесницѣ, украшенной металлическими пластинами; колесница была запряжена четырьми или иногда можетъ быть 6 конями, а царь покрытъ покрываломъ, украшеннымъ золочеными бляхами. Относительно количества коней въ колесницѣ трудно сказать, употреблялось ли 4 или 6 коней, ибо и тому и другому встрѣчаются доказательства въ доселѣ разрытыхъ могилахъ. Такъ, напримѣръ, въ Краснокутской найдены въ конской гробницѣ остовы четырехъ коней, въ Слоновской, при втулкахъ, оказалось 6 удилъ, въ Цымбаловой найдено 6 конскихъ остововъ, въ Чертомлыцкой и могилѣ Козелъ — 11, изъ которой въ первой лишь четыре остова были безъ сѣделъ и вѣроятно впряжены были въ колесницу. Что царь покрывался покрываломъ, ясно изъ тѣхъ остатковъ холста съ бляшками, которые найдены при обломкахъ колесницы въ Краснокутской могилѣ; можетъ быть, за царской колесницей слѣдовала еще другая, остатки которой

сохранились въ Краснокутской могилѣ (по обѣимъ сторонамъ входа, гдѣ найдено 8 колесныхъ втулокъ) и въ Александропольской могилѣ, гдѣ найдены шины отъ шести колесъ. Назначеніе этой колесницы остается неяснымъ; можетъ быть она служила для перевозки имущества царя. Обѣ колесницы сопровождались бронзовыми значками съ изображеніемъ животныхъ и птицъ, съ колокольчиками и втулками, снабженными ушками, которыхъ при двухъ колесницахъ, какъ въ Александропольскомъ, Краснокутскомъ, Чертомлыцкомъ курганахъ, найдено 8 съ изображеніемъ грифона и двѣ съ выпуклымъ изображеніемъ птицы, а при одной, напр. въ Близницѣ Слоновской — лишь четыре и одна птица. Значки эти имѣли религіозное значеніе... Наконецъ шествіе сопровождалось и конемъ царскимъ въ полномъ парадномъ уборѣ съ сѣдломъ на спинѣ[189]). Судя по богатству царя, такихъ коней бывало одинъ или нѣсколько. Такъ, при похоронахъ царя, погребеннаго въ Александропольскомъ курганѣ, участвовалъ одинъ лишь конь, при таковыхъ же царя Чертомлыцкаго — цѣлыхъ шесть. Колесницу и коней сопровождала, вѣроятно, любимая наложница покойнаго, слуги, утварь, жертвенныя животныя и животныя, предназначавшіяся для тризны... Когда процессія достигала могилы, вырытой заранѣе для царя, начиналось самое погребеніе. Колесница, на которой было положено тѣло покойнаго, останавливалась у восточной стороны гробницы, съ которой иногда, какъ въ Краснокутской могилѣ, сдѣланъ былъ, вѣроятно нарочно для этого, проходъ; царскій трупъ спускали въ могилу и помѣщали обыкновенно въ склепѣ, который сообщался съ другимъ, напоминавшимъ по своему значенію кладовую. Колесница иногда оставалась около могилы, и тогда ее закапывали въ самой насыпи, но иногда, какъ въ Александропольскомъ курганѣ, ее также спускали въ гробницу и перетаскивали въ одну изъ катакомбъ. Въ Краснокутскомъ курганѣ обѣ колесницы расположены были по сторонамъ прохода; при этомъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ колесницу разрушали и складывали въ кучи, на что указываютъ какъ небольшіе размѣры этихъ кучъ, такъ и

---

189) Уздечки Скиѳовъ состояли изъ нѣсколькихъ ремней, перекрещивающихся на головѣ лошади, и бронзовыхъ или желѣзныхъ удилъ, снабженныхъ поперечными перекладинами или баранчиками, обыкновенно бронзовыми (даже на желѣзныхъ удилахъ) и весьма разнообразной формы. — Сѣдла состояли, повидимому, иногда изъ простой попоны (изъ войлока или шкуры), или же представляли настоящія сѣдла съ попоною подъ низомъ. Сѣдло выдѣлывалось изъ дерева (одно сѣдло хранится въ Эрмитажѣ, № 175, Д.), имѣло плоскую форму и было снабжено сзади чѣмъ-то въ родѣ ручекъ съ бронзовыми украшеніями, для поддержки нижней части спины сѣдока. Подпруги, которыми удерживалось сѣдло, снабжены были желѣзными пряжками. Стремянъ у Скиѳовъ не существовало. Какъ сѣдло, такъ и узда снабжены были различными украшеніями, бронзовыми и даже золотыми, въ видѣ пластинъ и бляхъ, иногда съ рельефными изображеніями (грифоновъ, всадниковъ, Аѳины и т. д.). Поводья также украшались — металлическими трубочками, а на шею надѣвались ожерелья изъ бляхъ и колокольчиковъ. Наконецъ, иногда Скиѳы украшали даже подпругу и ремень, обхватывавшій шею лошади и соединенный съ сѣдломъ. Всѣ эти украшенія были, впрочемъ, въ употребленіи только у богатыхъ Скиѳовъ и преимущественно — у царей.

слѣды насильственнаго излома, которые можно замѣтить на нѣкоторыхъ предметахъ. Вмѣстѣ съ царемъ, въ катакомбѣ (склепѣ) помѣщали его задушенную наложницу и наилучшую утварь, одежду, вооруженіе... Кромѣ вещей, тутъ-же, въ остальныхъ катакомбахъ, Скиѳы хоронили слугъ его. Число ихъ, по Геродоту, равно было пяти; но не во всѣхъ гробницахъ найдено было такое число служителей. Въ Александропольской ихъ найдено всего два; въ Чертомлыцкой же, дѣйствительно, пять. Размѣстивши трупы царя и царевны, ихъ слугъ и утварь по различнымъ катакомбамъ, входы въ которыя всѣ продѣланы были въ стѣнахъ главной гробницы, Скиѳы засыпали эту послѣднюю, иногда совершенно чистымъ черноземомъ, какъ въ гробницѣ Чертомлыцкой, или черноземомъ, перемѣшаннымъ съ глиною и камнемъ, какъ въ гробницѣ Краснокутской; можетъ быть, при совершеніи этого обряда приносились въ жертву рабы и животныя. По крайней мѣрѣ, въ землѣ, наполнявшей гробницу Краснокутскую, на различной глубинѣ показались человѣческія и лошадиныя кости и мелкіе обломки скобокъ и пряжекъ. Такіе же остатки отъ костей найдены и въ землѣ, наполнявшей Александропольскую гробницу. Когда гробница была засыпана и утоптана до верхоземки, тутъ-же вѣроятно происходила погребальная тризна. Слѣды такой тризны видны были, напримѣръ, на верхоземкѣ Чертомлыцкаго кургана, въ видѣ поломанныхъ амфоръ, лошадиныхъ костей, глиняныхъ горшковъ и т. д. Наконецъ приступали, по совершеніи тризны, къ сооруженію насыпи... Въ насыпь закапывали иногда остатки колесницы или предметы конскаго убранства и упряжи, тогда какъ самые кони съ уздечками и сѣдельными уборами, какъ сказано было выше, погребались въ отдѣльной конской гробницѣ». [190]).

Геродотъ разсказываетъ, что Скиѳы, по истеченіи года послѣ погребенія царя, устраивали на его могилѣ поминки. При этомъ они удушали 50 человѣкъ отборныхъ его слугъ и 50 самыхъ красивыхъ коней, вынимали изъ нихъ внутренности, наполняли тѣла мякиною (соломою) и зашивали; затѣмъ укрѣпляли эти трупы лошадей на шестахъ, поддерживаемыхъ подставками, такъ что переднія и заднія ноги ихъ висѣли на воздухѣ, и надѣвали на головы ихъ уздечки, а на лошадиные трупы усаживали тѣла 50-ти удавленныхъ юношей, именно, сажали ихъ на колъ, нижній конецъ

---

[190]) *Лаппо Данилевскій*, l. c. стр. 480 — 485. Относительно народности племени, воздвигавшей скиѳскіе курганы, въ изданіи гг. Толстаго и Кондакова («Русскія Древности» и проч. Вып. II, стр. 113 — 114), высказано мнѣніе, безъ достаточныхъ, впрочемъ основаній, что курганы Кулъ-Обскій и Чертомлыцкій, а также и нѣкоторые другіе изъ приднѣпровскихъ, были ссыпаны, вѣроятно, Сарматами. Стиль художественныхъ предметовъ, найденныхъ въ этихъ курганахъ, указываетъ, будто бы, на II — I вв. до Р. Х., а въ это время Сарматы уже распространились далеко на западъ. Кромѣ того типъ и одежда варваровъ на Чертомлыцкой и Кулъ-Обской вазахъ вполнѣ сходны съ изображеніями варваровъ на обломкахъ жетона, найденнаго на Кубани, гдѣ жили издревле Сарматскія племена. — Но, если такъ, то какіе же курганы будутъ собственно скиѳскими? При томъ надо замѣтить, что типъ и одежда варваровъ на Кулъ-Обской и Чертомлыцкой вазахъ вовсе не одинаковы.

котораго укрѣпляли въ перекладинѣ, проходившей чрезъ тѣло лошади. Уставивъ вокругъ могилы такихъ всадниковъ, говоритъ Геродотъ, Скиѳы уходили. — И. Е. Забѣлинъ высказалъ предположеніе, что эти убитые, въ годовщину смерти царя, слуги и кони погребались затѣмъ въ особомъ курганѣ, по близости царскаго. Около «толстыхъ» могилъ дѣйствительно встрѣчаются такъ называемыя «долгія» могилы, меньшія по размѣрамъ и болѣе бѣдныя по содержанію, но служили ли онѣ для погребенія убитыхъ царскихъ слугъ — сказать трудно, тѣмъ болѣе, что число костяковъ въ нихъ оказывалось обыкновенно меньшимъ, да и Геродотъ ничего не говоритъ о томъ, чтобы выставленныя чучела людей и лошадей погребались впослѣдствіи въ курганѣ. Любопытно, что обычай, подобный только что описанному скиѳскому, существовалъ и у другихъ позднѣйшихъ народовъ южной Россіи. Рубруквисъ, проѣхавшій южно-русскими степями въ 1253 г., разсказываетъ между прочимъ, что онъ видѣлъ тамъ одну могилу, только что насыпанную Команами (Половцами), около которой было развѣшано 16 лошадиныхъ шкуръ и поставлены «космосъ» (кумысъ) для питья и мясо для ѣды. Но еще болѣе любопытную аналогію представляютъ южно-американскіе Патагонцы, о погребальныхъ обычаяхъ которыхъ Вудъ разсказываетъ слѣдующее: «Когда умираетъ мужчина, тѣло его завертывается въ плащъ, помѣщается на его любимаго коня и везется на мѣсто погребенія, гдѣ вырывается квадратная яма, футовъ 6 въ глубину и фута 2 — 3 въ длину и ширину. Въ эту яму умершій опускается въ сидячемъ положеніи и около него кладутся его копья, боласъ и другіе предметы собственности, послѣ чего яма закрывается вѣтвями и засыпается землей. Затѣмъ ударомъ боласъ убивается надъ могилой лошадь, съ которой сдираютъ кожу и, сохраняя голову, дѣлаютъ чучело, которое и устанавливаютъ на четырехъ подпоркахъ.» На могилѣ кацика убиваютъ четырехъ и болѣе лошадей, мясо которыхъ употребляется для погребальной тризны. Иногда умершаго оставляютъ въ его шатрѣ, а сами откочевываютъ на другое мѣсто, причемъ такой покинутый конусообразный шатеръ съ стоящими при немъ, на подпоркахъ, чучелами лошадей и многими, развѣвающимися на шестахъ, флагами — невольно вызываетъ представленіе о скиѳскомъ царскомъ курганѣ съ разставленными около него нѣкогда чучелами лошадей, на которыя только были посажены трупы удавленныхъ слугъ. [191]).

Остатки лошадей встрѣчаются и въ менѣе значительныхъ, не-царскихъ скиѳскихъ курганахъ. Г. Лаппо-Данилевскій различаетъ между скиѳскими могилами четыре типа: царскія; могилы князьковъ или полководцевъ;

---

[191]) *Wood,* II. 542. См. также рисунокъ на стр. 541. У Арауканцевъ (племени Мапуре) умершій хоронится въ скорченномъ положеніи, съ колѣнями, подведенными къ груди, и при немъ кладутся его шпоры, узда, сѣдло, нѣсколько украшеній, монета и немного пищи. Въ головахъ могилы втыкается копье. При погребеніи убиваютъ лошадь, мясо которой съѣдается, а кожа развѣшивается надъ могилой, на брускѣ, прикрѣпленномъ на двухъ столбахъ.

могилы болѣе знатныхъ воиновъ и могилы простыхъ, бѣдныхъ людей. «Бѣдный людъ погребался въ простыхъ, неглубокихъ гробницахъ подъ небольшими кругловатыми курганами. Лишь самая необходимая утварь слѣдовала за ними въ могилу. Ни оружія (за исключеніемъ немногихъ мѣдныхъ или костяныхъ наконечниковъ отъ стрѣлъ), ни коней съ убранствомъ, ни рабовъ при нихъ не бываетъ». Нѣсколько болѣе пышными были похороны знатнаго воина. Гробница, въ которой его хоронили, была больше и глубже; въ нее клали больше утвари, разное оружіе и, кромѣ того, коней. Въ Каменной могилѣ (по дорогѣ изъ Екатеринослава въ Никополь) была найдена, въ срединѣ кургана, гробница, заключавшая въ себѣ человѣческій остовъ съ двумя конями, а на сѣверозападѣ — овальная конская гробница, въ которой лежалъ одинъ конь съ уздечнымъ уборомъ изъ 10 бляхъ и продолговатой бляхи на переносицѣ. Форма главной гробницы, выложенной лещадью, представляла овалъ, перехваченный по срединѣ; конскіе скелеты въ ней лежали къ западу отъ остова человѣка и были лишены убранства. При человѣческомъ остовѣ найдена кольчуга изъ пластинокъ, три копья, греческая амфора, алавастръ и остатки кувшинчика. Богаче воиновъ погребались князья или полководцы скиѳскіе, за могилы коихъ признаютъ такъ называемые «близницы» (Гермесовы, Томаковскія, Слоновскія),—названіе, обусловленное тѣмъ, что онѣ никогда не встрѣчаются одиноко, а всегда вмѣстѣ съ другою могилою, сходною съ ними по величинѣ, но разнящеюся по устройству и содержанію. Главныя близницы содержатъ въ себѣ большія гробницы съ катакомбами, въ которыхъ находятъ, кромѣ человѣческаго остова, лошадиные скелеты и разныя вещи; въ меньшихъ близницахъ оказываются бѣдныя погребенія, безъ коней, украшеній и т. п. Полагаютъ, что въ главной близницѣ хоронился князь или полководецъ; въ меньшей — его подчиненные или рабы. Гробницы главныхъ близницъ рыты глубоко въ землѣ и соединены одной или двумя катакомбами, приходящимися обыкновенно ниже главной. Умершаго хоронили съ его конями и со многими предметами вооруженія и роскоши, о которыхъ, впрочемъ, мы можемъ только догадываться, такъ какъ почти всѣ эти могилы оказываются ограбленными чрезъ побочные ходы (тогда какъ меньшія близницы всегда нетронуты, очевидно, по ихъ бѣдности).

Могилы того же рода, съ греческими издѣліями или вещами «скиѳскаго» типа, хотя и менѣе богатыя и грандіозныя, встрѣчаются не въ одной только Новороссіи, въ Херсонской, Екатеринославской [192]) и Таврической

---

[192]) *Матвѣевъ*. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи III. Археологія, Одесса 1884, стр. 36 — 40. Г. Самоквасовъ находилъ лошадиныя кости въ различныхъ группахъ кургановъ Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, какъ такихъ, которыя могутъ быть приписаны Скиѳамъ, такъ и съ другихъ — приписываемыхъ имъ Сарматамъ, а равно и въ позднѣйшихъ тюркскихъ, съ золотоордынскими монетами. Г. Шатиловъ находилъ лошадиные остовы съ костями человѣка, желѣзными издѣліями и т. д. въ курганахъ Ѳеодосійскаго уѣзда, Таврической губерніи. См. Изв. Общ. Люб. Ест. Т. 49, в. 3. Въ числѣ могилъ, раскопанныхъ г. Са-

губерніяхъ, но и въ другихъ мѣстностяхъ бассейна Днѣпра, отчасти также Дона, въ губерніяхъ Кіевской, Полтавской, Харьковской, Области Войска Донскаго и т. д. Въ подробностяхъ устройства и содержанія этихъ могилъ замѣчается однако и не мало различій, что̀, въ связи съ недостаточностью изслѣдованій и часто бо́льшею бѣдностью погребеній, затрудняетъ во многихъ случаяхъ иденфицированіе ихъ съ типичными скиѳскими. Нѣкоторыя изъ нихъ относятся, повидимому, къ нѣсколько болѣе позднему періоду, а другія, еще позднѣйшія, составляютъ, можетъ быть, переходъ къ славянскимъ могиламъ, отличающимся вообще отъ скиѳскихъ по характеру своихъ издѣлій, какъ напримѣръ по отсутствію слѣдовъ греческаго вліянія, обилію серебра, иному типу оружія, посуды и т. д. Присутствіе лошадиныхъ остововъ не можетъ служить, въ данномъ случаѣ, характернымъ признакомъ, такъ какъ обычай погребенія съ умершимъ лошади продолжалъ существовать въ этой области и долго спустя послѣ скиѳской эпохи,—у Славянъ и у разныхъ Тюркскихъ кочевниковъ. Одно изъ отличій скиѳскихъ могилъ въ предѣлахъ Малороссіи (Кіевской, Полтавской и другихъ губерній) заключается въ томъ, что кромѣ погребенія въ нихъ встрѣчаются, хотя и рѣже, слѣды трупосожженія, какъ напримѣръ въ могилахъ у с. Яблоновки, Каневскаго уѣзда, у с. Аксютинцовъ, Роменскаго уѣзда, въ могилѣ Опишлянкѣ Ахтырскаго уѣзда, около д. Новогригорьевки, Александровскаго у., Екатериносл. губ. и другихъ, причемъ иногда, въ одномъ и томъ же курганѣ, на разныхъ уровняхъ, встрѣчаются слѣды того и другаго обряда. Въ могилахъ съ трупосожженіемъ (заключающихъ въ себѣ иногда терракотовые сосуды и изящныя золотыя издѣлія греческой работы) конскихъ остововъ обыкновенно не встрѣчается, хотя кости лошадей попадаются иногда въ верхнихъ слояхъ насыпи, вмѣстѣ съ другими остатками тризны. Но въ могилахъ съ погребеніями, какъ напримѣръ въ курганахъ близь м. Смѣлы, Кіевскаго уѣзда, — въ курганахъ по рр. Сулѣ и Ромнѣ, Роменскаго уѣзда, Полтавской губ. и въ курганахъ Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губ., близъ слоб. Лихачевки,—были находимы какъ различныя части конскаго убора, такъ и лошадиныя кости. Многіе изъ кургановъ въ только что перечисленныхъ мѣстностяхъ, по обстановкѣ своихъ погребеній, выказываютъ нѣкоторыя «скиѳскія» черты

моквасовымъ по берегамъ р. Конки, близъ дер. Новогригорьевки, оказалось нѣсколько— особаго устройства, безъ насыпей, заваленныя камнями. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены золотыя бляшки съ головой Горгоны, но въ другихъ, рядомъ, золотыя бляхи, инкрустированныя цвѣтными стеклами и камнями. Найденные въ могилахъ желѣзные мечи, отчасти украшенные золотыми бляхами, — отличаются отъ скиѳскихъ своею формою и большею величиною. Предметы эти попадаются разбросанными въ безпорядкѣ, вмѣстѣ съ углями и костями, но сама земля не носитъ слѣдовъ кострища; поэтому можно предполагать, что всѣ эти вещи и угли съ костями были перенесены сюда съ другаго мѣста, на которомъ были сожжены покойникъ *и его лошадь* съ ихъ убранствомъ. Г. Самоквасовъ склоненъ приписывать эти могилы Сарматамъ; гг. Толстой и Кондаковъ относятъ ихъ къ III в. по Р. Х., «когда въ страну явились новыя германскія племена, сожигавшія покойниковъ».

и въ то же время имѣютъ нѣчто общее между собою; «скиѳскій» характеръ ихъ выражается отчасти въ устройствѣ глубокаго склепа, часто въ бѣлой глинѣ или усыпаннаго известью, въ засыпаніи этого склепа землей, въ которой попадаются угли и кости животныхъ, въ закрытіи его въ родѣ крыши бревнами или досками, укрѣпленными на столбахъ, въ богатой сравнительно обстановкѣ умершаго разными предметами быта,—оружіемъ, конскою сбруею, посудой, металлическими зеркалами, причемъ среди этихъ вещей попадаются иногда золотыя украшенія и сосуды греческаго издѣлія, или по крайней мѣрѣ подходящія нѣсколько по типу къ характернымъ скиѳско-греческимъ или наконецъ указывающіе на отголосокъ, хотя и нѣсколько болѣе поздній той эпохи. Съ другой стороны, сходство въ данномъ случаѣ подтверждается также и отрицательными признаками, отсутствіемъ типичныхъ особенностей позднѣйшихъ славянскихъ и тюркскихъ кургановъ, какъ напр. византійскихъ и восточныхъ монетъ, норманскихъ мечей, серебряныхъ гривенъ, височныхъ колецъ, стремянъ, нѣкоторыхъ формъ серегъ, подвѣсокъ, бусъ и т. д. Указанное сходство въ обстановкѣ не исключаетъ однако извѣстныхъ различій между отдѣльными курганными группами въ частностяхъ, различій, которыя покуда впрочемъ не могутъ еще быть вполнѣ охарактеризованы, въ виду недостаточной изученности этихъ группъ, а отчасти и того обстоятельства, что значительная часть принадлежащихъ къ нимъ кургановъ оказывалась до сихъ поръ разграбленною, очевидно — по причинѣ нахожденія въ нихъ цѣнныхъ золотыхъ вещей, что̀ и подтверждается нѣкоторыми болѣе удачными изъ сдѣланныхъ находокъ, когда, вслѣдствіе качества грунта, грабительный подкопъ былъ невозможенъ или когда нѣкоторыя золотыя вещи случайно избѣжали грабительскихъ рукъ. Въ курганахъ близъ мѣстечка Смѣлы, разрытыхъ графомъ А. А. Бобринскимъ, были находимы въ склепахъ, подъ разрушившейся деревянной крышей, остовы съ бронзовыми стрѣлами и остатками колчана, желѣзными копьями, мечами, ножами, бронзовыми зеркалами и браслетами, серебряными и золотыми серьгами, костяными и стеклянными бусами, сосудами греческой и мѣстной работы, также золотыми браслетами съ изображеніемъ грифовъ и нѣкоторыми издѣліями восточнаго происхожденія, каковы напр. костяное изображеніе львиной головы, повидимому персидской работы, или халцедоновый цилиндръ съ вырѣзаннымъ на немъ изображеніемъ бѣгущей лошади и солнечнаго диска, также, по мнѣнію г. Кондакова, «персидской работы или въ крайнемъ случаѣ греческая копія съ персидскаго образца». При остовахъ находились также куски красной (мышьяковистой) и желтой краски [193]), бронзо-

---

[193]) Желтая краска — просто куски сѣры. Нѣкоторые полагаютъ, что эти, красная и желтая, краски (ихъ находили также въ курганахъ Роменскаго и Богодуховскаго уѣздовъ) употреблялись не въ качествѣ красокъ, а для куренія, можетъ быть въ религіозныхъ цѣляхъ, въ родѣ ладона. Обѣ краски, дѣйствительно, горятъ, давая ѣдкіе и удушливые пары.—О раскопкахъ гр. Бобринскаго приведены краткія извѣстія у Толстаго и Кондакова, «Русск. Древности», вып. II, и подробныя — въ изданіи самого гр. Бобринскаго: «Курганныя раскопки близъ мѣст. Смѣлы».

выя и желѣзыя удила, а иногда, въ головахъ, и кости лошади (также—барана). Въ курганахъ Роменскаго у., разрытыхъ С. А. Мазараки, погребенія оказывались также въ глубокихъ склепахъ, вырытыхъ въ бѣлой глинѣ (иногда уступами) и усыпанныхъ по дну (обведенному нерѣдко канавкою) известью, и подъ деревянными (изъ дубовыхъ, иногда березовыхъ стволовъ) крышами, опиравшимися на врытые по угламъ столбы. Большая часть кургановъ оказалась ограбленною, посредствомъ ходовъ или лазеекъ, еще въ древнія времена, поэтому золотыя вещи попадаются рѣдко, хотя нѣсколько ихъ (напр. бляхи съ изображеніемъ грифовъ, діадема) удалось все-таки найти. Костяки (одинъ или два въ одной могилѣ), большей частью плохо сохранились (попадаются, впрочемъ, и съ хорошо сохранившимися черепами); на нихъ находили иногда желѣзные панцыри, бронзовые браслеты, золотыя серьги, золотыя бляшки, каменныя, эмальированныя и золотыя бусы. По сторонамъ костяковъ, близъ стѣнъ и въ углахъ склепа, встрѣчалось довольно много вещей, въ размѣщеніи которыхъ можно было подмѣтить извѣстный порядокъ. Такъ, сосуды всегда стояли у сѣверной стѣны или въ сѣверо-западномъ углу склепа; въ числѣ сосудовъ находились громадныя урны, большія остродонныя амфоры, бронзовыя вазы, большіе и малые горшки, терракотовыя блюдечки и др. По срединѣ гробницы, слѣва отъ костяковъ, встрѣчались: у лѣваго плеча — наконечникъ копья, у лѣвой руки—остатки кожанаго или деревяннаго колчана съ мѣдными или костяными стрѣлами (остріями кверху), у лѣвой кисти — желѣзный топоръ (иногда—бронзовый топорикъ), у ноги (вѣроятно вкладывался въ обувь) — желѣзный ножъ, у пояса, иногда, кинжалъ, ножикъ, оселокъ. Кромѣ того, около лѣвой руки (у женскихъ костяковъ?), встрѣчались еще бронзовыя зеркала съ ручками. Оружіе (наконечники копій), бронзовыя булавы (знаки власти?), разныя украшенія и т. п. встрѣчались еще и у южной стѣны или въ юго-восточномъ углу, гдѣ, а иногда въ юго-западномъ углу, оказывались почти всегда и многочисленныя принадлежности конскаго убора, бронзовыя или желѣзныя удила, желѣзные или костяные усики къ нимъ, бронзовыя бляхи, колокольчики, кольца и прорѣзныя бляхи изъ кости отъ сбруи, остатки кожи отъ сѣдла и т. п.; причемъ многія бляхи и усики удилъ украшены рѣзными изображеніями конскихъ головокъ, встрѣчающихся также и на ручкахъ зеркалъ. Какъ въ насыпи, такъ и въ склепѣ полагались также кости домашнихъ животныхъ; въ склепѣ онѣ встрѣчались обыкновенно у восточной стѣны (кости лошади, козы, овцы (?), свиньи и, почти постоянно, собаки). Полный скелетъ лошади встрѣтился однако только въ одномъ курганѣ (№ 2) у д. Аксютинцы, гдѣ онъ лежалъ у западной стѣны, тогда какъ въ восточной сторонѣ гробницы находились кости собаки, свиньи, козы и—между ними — ножъ [194]).

---

[194]) «Указатель выставки при VII Археол. Съѣздѣ въ Ярославлѣ», стр. 89 слѣд. Я пользовался также подробнымъ рукописнымъ дневникомъ раскопокъ г. Мазараки.

Курганы Богодуховскаго уѣзда Харьковской губ., у с. Лихачевки, раскопанные И. А. Зарѣцкимъ въ 1887—1889 гг., оказались, въ большинствѣ случаевъ, также разграбленными. Могилы—ямами въ материкѣ, въ желтой песчанистой глинѣ и подъ деревянными, дубовыми или сосновыми, крышами, на столбахъ, или на срубѣ [195]); въ насыпи встрѣчаются угли, жженыя кости, конскіе зубы и черепки. Въ головахъ костяка (обыкновенно разрушившагося) или въ юго-западномъ углубленіи попадаются сосуды; около головы были находимы стеклянныя бусы и одинъ разъ — золотыя серьги, въ родѣ овальныхъ гладкихъ колецъ, утолщенныхъ въ срединѣ. Въ одномъ случаѣ, въ ямѣ было найдено желѣзное копье и желѣзныя удила, завернутыя, повидимому, вмѣстѣ съ бронзовымъ рыболовнымъ крючкомъ (въ $3^1/_8$ дюйма длины), въ какую-то ткань или мѣшокъ изъ холста, въ другомъ—остатки деревяннаго колчана съ 33 бронзовыми стрѣлами; въ третьемъ, у головы,—витой золотой обручъ, разломанный на пять частей и сохранившійся отъ разграбленія, повидимому, оттого, что онъ спалъ съ умершаго и плотно прилегъ ко дну ямы. Нетронутымъ оказался только курганъ вышиною въ 2 сажени и окружностью въ 90 саж., извѣстный въ народѣ подъ именемъ Витовой могилы и ссыпанный изъ песку. Дно ямы здѣсь (на глубинѣ сажени ниже материка) состояло изъ песчанистой глины и было густо посыпано углями, а по срединѣ покрыто какой-то настилкой изъ бересты, ткани и мѣха, въ которой оказались человѣческіе зубы и подъ которой, на самомъ днѣ ямы, лежали всѣ зубы лошади (въ томъ порядкѣ, какъ въ челюстяхъ), но отъ костей человѣка и лошади не осталось и слѣда. Повидимому, на днѣ ямы здѣсь положенъ былъ трупъ (или голова) лошади, а выше ея, на подстилкѣ изъ мѣха и ткани — трупъ человѣка. Въ сѣверо-западномъ углу ямы оказалась кучка углей, а подъ ними—колчанъ и въ немъ 238 стрѣлъ съ остатками очень тонкихъ древковъ и съ бронзовыми трехгранными наконечниками, обращенными остріями вверхъ и на сѣверъ. Колчанъ сдѣланъ былъ изъ дерева и покрытъ снаружи красной кожей, а внутри—какимъ-то невысокимъ мѣхомъ; лицевая сторона его была украшена золотыми (электровыми) бляхами, изъ коихъ 11, расположенныхъ вдоль верхняго края, изображали крылатыхъ львовъ, а остальныя, находившіяся въ нижней половинѣ колчана—горныхъ козловъ (6) и нѣчто въ родѣ грифовыхъ головокъ (11); по срединѣ же колчана находилась большая, круглая, выпуклая бронзовая бляха, обтянутая листовымъ золотомъ и украшенная орнаментомъ. Золотыя изображенія звѣрей имѣли ямочки, въ которыя были вставлены зеленыя стеклышки. Возлѣ колчана лежали нѣсколько роговыхъ пластинокъ, повидимому отъ лука, и четыре желѣзныхъ усика отъ удилъ.—Одинъ нетронутый курганъ удалось раскопать еще г. Зарѣцкому на границѣ Ахтырскаго уѣзда (въ 6 вер. отъ с. Лихачевки). Курганъ этотъ, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ «Мо-

---

[195]) Въ одномъ курганѣ, на доскахъ можно было различить какіе-то знаки, сдѣланные мѣломъ.

гила Опишлянка», вышиною 5 аршинъ, песчанистый и окруженъ 9 маленькими (оставшимися, къ сожалѣнію, нераскопанными). Дно ямы здѣсь, въ желтомъ пескѣ, было посыпано слоемъ бѣлаго песку. Костяка въ могилѣ не оказалось, а только (въ юго-восточномъ углу) куча черепковъ отъ большаго раздавленнаго сосуда, довольно красивой формы (въ родѣ продолговатой маковой головки), но безъ всякаго орнамента и ручной работы. Въ сосудѣ этомъ, способномъ вмѣстить $1^1/_2$ ведра, оказалась на днѣ зола, мелкіе угольки и кусочки сженыхъ костей. Повидимому, эти кусочки костей и зола—прахъ сожженнаго человѣка. Влѣво отъ сосуда аршинахъ въ $1^1/_2$ и противъ восточной стѣны склепа лежала кучка изъ 5 сильно окислившихся желѣзныхъ удилъ и желѣзное копье (длиною въ 15 дюймовъ, съ короткой, дубовой рукояткой и въ широкихъ дубовыхъ ножнахъ, покрытыхъ кожей, съ бронзовымъ восьмиграннымъ наконечникомъ, длиною въ $2^1/_2$ дюйма); подъ рукояткой копья лежалъ кабаній клыкъ, съ вырѣзаннымъ на немъ изображеніемъ какого-то однорогаго животнаго съ птичьимъ клювомъ. На такомъ же разстояніи отъ первой кучки удилъ и отъ стѣны, какъ первая, лежала вторая кучка удилъ, также изъ пяти экземпляровъ, съ ушками, круглыми бляшками, кольцами и трубочками съ остатками ремней. На серединѣ ямы оказалась истлѣвшая голова и кость ноги—овцы или козы, а рядомъ—поломанный желѣзный ножикъ и нѣсколько желѣзныхъ колечекъ. Въ юго-западномъ углу найдена раздавленная глиняная чашка, шириною въ 9″, а противъ западной стѣны лежалъ колчанъ—изъ бересты, обтянутый невысокимъ чернымъ мѣхомъ и украшенный по верхнему краю рядомъ 14 золотыхъ бляшекъ, выбитыхъ изъ листоваго золота и изображающихъ крылатыхъ львовъ, въ родѣ тѣхъ, какіе были найдены въ Витовой могилѣ, но грубѣе сдѣланныхъ и нѣсколько разнящихся въ подробностяхъ. Кромѣ того, на колчанѣ, наискось снизу вверхъ, пришитъ былъ замѣчательный предметъ, (длиной въ $4^5/_8$″, шириною въ $3^7/_8$″) изъ бронзы, обтянутой листовымъ золотомъ, въ родѣ креста, съ тремя болѣе короткими, круглыми отростками и четвертымъ прямымъ и болѣе длиннымъ, обращеннымъ вверхъ. Въ трехъ круглыхъ отросткахъ и на серединѣ креста вычеканены рельефно какія-то чудовища, пожирающія единороговъ. Въ курганѣ оказалось 174 стрѣлы съ бронзовыми трехгранными наконечниками и съ тонкими, окрашенными въ красный цвѣтъ, древками.—Остатки лошадей и желѣзныя удила были найдены г. Зарѣцкимъ и въ нѣсколькихъ курганахъ Зеньковскаго и Полтавскаго уѣздовъ, причемъ чаще конскіе зубы и кости попадались въ насыпи, но иногда и въ самой могилѣ. Такъ, въ одномъ курганѣ у с. Великія Будищи, давшемъ нѣсколько горшковъ и «мисокъ» и цилиндрическую, заостренную бронзовую стрѣлку, была найдена на днѣ могилы обожженая нижняя челюсть лошади; въ другомъ—съ такими же сосудами, бронзовыми стрѣлами, мелкими бусами—желѣзныя удила. Подобнымъ же образомъ, въ одномъ курганѣ Полтавскаго у., въ 15 в. отъ Полтавы, на р. Коломаку, кромѣ конскихъ зубовъ и костей, разбросанныхъ въ насыпи, они оказались также въ самой ямѣ, гдѣ похороненъ былъ воинъ въ желѣзной кольчугѣ, съ

5 бронзовыми, крюкастыми стрѣлами, желѣзнымъ ножикомъ съ костяной ручкой, и послѣдней фалангой пальца медвѣдя [196]).

Въ Западной Европѣ обычай погребенія съ умершимъ лошадей могъ быть констатированъ уже въ могилахъ древнѣйшаго желѣзнаго вѣка (или даже конца бронзоваго, а можетъ быть и каменнаго вѣка) [197]). Бронзовыя и желѣзныя удила, другія принадлежности конскаго убора, а иногда и самыя кости лошадей были находимы въ древнихъ могилахъ Италіи, (скелетъ лошади былъ найденъ даже въ одной могилѣ до-этрусскаго періода, въ Эсте, вмѣстѣ съ каменными орудіями, см. выше), въ курганахъ древнихъ Галловъ и Бриттовъ и въ извѣстномъ Галльштадтскомъ могильникѣ въ Зальцбургѣ, древность котораго заходитъ за 1-ый вѣкъ до Р. Х. Относительно Галловъ мы знаемъ изъ Цезаря (De bello gallico. VI, 19), что они сжигали при торжественныхъ похоронахъ животныхъ умершаго, въ томъ числѣ и лошадей и любимыхъ его рабовъ. Съ другой стороны, раскопки Галльскихъ могилъ доставили какъ остатки конскаго убора и самихъ лошадей, такъ и обломки погребальныхъ или употреблявшихся при жизни колесницъ. Бронзовыя удила находили какъ въ Этрусскихъ гробницахъ (иногда съ бронзовыми мечами) и въ «Скиѳскихъ» курганахъ, такъ и въ нѣкоторыхъ могилахъ Австріи (Галльштадтъ) и Сѣверной Германіи. Въ Англіи костяки лошадей были найдены въ двухъ «Кельтскихъ» могилахъ;—въ Іоркширѣ ихъ встрѣчаютъ также, равно какъ желѣзныя удила и другія принадлежности конскаго убора, въ могилахъ Англо-Саксовъ, какъ напримѣръ близъ Breastdown, въ графствѣ Кентъ [198]). Въ германскую эпоху погребеніе съ умершими лошадей

---

[196]) Вещи изъ раскопокъ И. А. Зарѣцкаго, въ Харьковской губ., пріобрѣтены Императорскимъ Историческимъ Музеемъ. Я имѣлъ въ рукахъ подробный рукописный дневникъ этихъ раскопокъ. Кромѣ того, г. Зарѣцкій сообщилъ мнѣ данныя и объ его раскопкахъ кургановъ въ Полтавской губ.

[197]) Въ Мекленбургѣ, въ одномъ курганѣ, недалеко отъ Балтійскаго моря, на глубинѣ въ 8 футовъ ниже вершины кургана, былъ найденъ костякъ очень высокаго роста человѣка; рядомъ съ черепомъ его, съ лѣвой стороны лежалъ черепъ лошади, а у рукъ и ногъ — нѣсколько кремневыхъ ножей. Кругомъ было положено еще болѣе дюжины скелетовъ, головами къ центру кургана, а ногами къ окружности его. При нихъ тоже были кремневые ножи. — Въ другомъ мѣстѣ, тамъ же, въ курганѣ, ссыпаннымъ изъ камней, были найдены двѣ могилы, въ которыхъ оказались урны, каменныя орудія, украшенія изъ янтаря и лошадиныя кости. См. *J. Kemble,* Horae ferales. 1863, p. 65 — 66.

[198]) О бронзовыхъ удилахъ см. *Gozzadini,* De quelques mors de cheval italiques. 1875 и *Virchow,* Funde von Zaborowo, въ «Verhandl. Berl. Anthr. Ges. 1875. S. 154. Въ Галльштадскомъ могильникѣ, по словамъ *Sacken'a* («Das Grabfeld von Hallstadt». 1868) кости домашнихъ животныхъ встрѣчаются рѣдко, тѣмъ не менѣе остатки лошадей были находимы тамъ Рамзауеромъ и гр. Тышкевичемъ. Послѣдній (гр. *Тышкевичъ;* О курганахъ въ Литвѣ. Вил. 1865, стр. 133) говоритъ, что однажды, въ присутствіи бывшаго австрійскаго министра Баумгартена, онъ «раскрылъ (на Галльштадтскомъ кладбищѣ) одинъ гробъ необыкновенный, въ которомъ, кромѣ бронзовой урны и праха сожженаго человѣческаго тѣла, оказался еще лежавшій остовъ лошади». По словамъ *Лёббока* («Досторическія времена» рус. пер. подъ редакціей Анучина; 1876, стр. 116), «изъ раскопокъ британскихъ кургановъ, произведенныхъ г. Бэтеманомъ, видно, что

составляло вообще довольно распространенный обычай. Мы упоминали уже ранѣе (въ главѣ о ладьѣ) о случаяхъ находокъ остововъ лошадей въ курганахъ викинговъ, а равно и въ могилахъ болѣе древняго желѣзнаго вѣка Скандинавіи. Въ нѣкоторыхъ курганахъ Швеціи и Норвегіи находили даже большое число, до 12 лошадиныхъ остововъ. Въ Даніи короли и вожди хоронились обыкновенно не только съ ихъ оружіемъ и утварью, но и съ лошадями, снабженными удилами, стременами и другими частями конскаго наряда. Въ Скандинанскихъ сагахъ также встрѣчаются, какъ мы видѣли, указанія, что тѣла знатныхъ вождей сожигались или погребались вмѣстѣ съ ихъ осѣдланными конями, а иногда и съ колесницей. Довольно обыкновенны также случаи находокъ лошадиныхъ костей въ могилахъ Франковъ, Бургундовъ и другихъ Германскихъ племенъ. Цѣлые скелеты лошадей, коровъ, овецъ, свиней и собакъ — были находимы, по Линденшмидту, въ бургундскихъ могилахъ у Эшаллана (Echallens), близъ Лозанны. Скелеты лошадей характеризуютъ, впрочемъ, только могилы вполнѣ вооруженныхъ и богато обставленныхъ воиновъ. «Могильникъ у Нордендорфа доставилъ четыре лошадиныхъ остова, могильникъ близъ Ульма — столько-же. Отдѣльные скелеты были найдены въ могилахъ у Фридольфина, Сельцена и Конфлана во Франціи, два — въ могильникѣ Анвермё (Envermeu) и нѣсколько — въ могилахъ Англосаксовъ. Но наибольшее число ихъ доставилъ могильникъ у Бекума (Beckum). Тамъ, еще до систематическаго изслѣдованія, изъ 77 могилъ остовы лошадей были найдены въ трехъ, а затѣмъ было открыто еще четырнадцать лошадиныхъ остововъ, изъ нихъ восемь съ удилами и три, кромѣ того, съ сѣдельнымъ уборомъ.» [199]). Относительно періода времени, когда у Германцевъ продолжался обычай снабжать умершаго лошадью, можно сказать — замѣчаетъ Линденшмидтъ — только то, что въ эпоху Каролинговъ, по крайней мѣрѣ у Франковъ, лошадь уже не зарывалась съ умершимъ, а только удила и другія части конскаго убора, что̀ иногда дѣлалось и ранѣе, а въ нѣкоторыхъ другихъ мѣсностяхъ продолжалось и много позже. При остовахъ лошадей удила встрѣчаются не часто и еще рѣже стремена, шпоры (вѣрнѣе — одна шпора) и узорчатыя бляхи отъ сѣдла и сбруи. Въ нѣкоторыхъ, особенно прежнихъ извѣстіяхъ о раскопкахъ, упоминается о находкахъ однихъ лошадиныхъ череповъ, безъ прочаго костяка, но, по мнѣнію Линденшмидта, извѣстія эти не заслуживаютъ довѣрія, такъ какъ во всѣхъ

кости и зубы лошадей встрѣчаются всего чаще вмѣстѣ съ орудіями изъ металла и весьма рѣдко (если только встрѣчаются) въ могилахъ каменнаго вѣка. Въ позднѣйшую эпоху какъ лошадь, такъ и быки приносились повидимому, въ жертву на могилахъ, и мясо ихъ, вѣроятно, употреблялось въ пищу при похоронныхъ пиршествахъ». О находкахъ лошадиныхъ скелетовъ въ кельтскихъ и англосаксонскихъ могилахъ Англіи, см. *Kemble,* Horae ferales p. 66. Онъ же приводитъ случаи находокъ остатковъ большихъ собакъ, напр. въ кельтскихъ курганахъ Вильтшира.

[199]) *Lindenschmidt,* Handbuch der deutschen Alterthumskunde I. S. 132 — 133, также 284 — 296.

болѣе тщательно изслѣдованныхъ могилахъ Англіи, Бельгіи и Германіи оказывались полные лошадиные остовы. Точно также Линденшмидтъ не придаетъ значенія извѣстію, что въ могилѣ Хильдерика были найдены останки конюха, на что указываетъ, будто-бы, второй, меньшей величины, человѣческій черепъ. Судя по найденнымъ около черепа богатымъ украшеніямъ, онъ принадлежалъ, несомнѣнно, женщинѣ (супругѣ короля?). Узкая форма удилъ, найденныхъ въ прирейнскихъ могилахъ, указываетъ, повидимому, на мелкую породу лошадей, хотя изъ историческихъ данныхъ извѣстно, что у Бургундовъ, Готовъ, Лонгобардовъ существовали, по крайней мѣрѣ съ V вѣка, и крупныя, болѣе рослыя и красивыя породы.

Тотъ-же обычай погребенія съ умершимъ его лошади существовалъ мѣстами у Славянъ и, повидимому, у Литовцевъ. Въ области Лужичанъ (Niederlausitz), въ Губенскомъ округѣ, близъ Haaso, найдено было, при паханіи земли, около дюжины человѣческихъ остововъ съ остатками при нихъ желѣзныхъ вещей, глиняныхъ сосудовъ и, между прочимъ, цѣлаго лошадинаго скелета.[200]). Въ Восточной Пруссіи, въ одномъ холмѣ гравія у Лебертсхофа, близъ Лабіау, найдено было нѣсколько человѣческихъ и лошадиныхъ костяковъ, погребенныхъ отдѣльно, первые—почти безъ всякихъ при нихъ вещей, за исключеніемъ, у одного только, небольшаго желѣзнаго ножа и арабскаго диргема VIII вѣка,—лошади-же, наоборотъ, богато снабженныя желѣзными удилами, стременами, пряжками, бронзовыми украшеніями и костяными рѣзными бляхами. Позже, въ той-же мѣстности были найдены и могилы съ трупосожженіемъ, расположенныя рядомъ съ погребальными и относящіяся, отчасти, къ болѣе древней эпохѣ, характеризуемой римскими императорскими монетами I - II вѣковъ, такъ называемыми римскими провинціальными фибулами, стеклянными бусами и т. д., отчасти—къ позднѣйшей, отличающейся присутствіемъ фибулъ германскаго типа, бронзовыхъ шейныхъ гривенъ и многочисленныхъ желѣзныхъ издѣлій: удилъ, стремянъ, пряжекъ, серповъ, ножей, ножницъ, наконечниковъ копій и др. Въ обоихъ видахъ могилъ, въ большомъ числѣ, были встрѣчены и остатки лошадей, которые были констатированы также и въ нѣкоторыхъ другихъ группахъ могилъ того-же округа, но почти исключительно съ трупосожженіемъ, какъ напр. въ Шакаулакѣ.[201]).

Большинство могилъ восточной Пруссіи и Привислянскаго края заключаютъ въ себѣ однако только погребальныя урны, и въ нихъ нельзя ожидать находокъ сколько нибудь полныхъ лошадиныхъ скелетовъ. Далѣе къ востоку, въ предѣлахъ Литвы и Бѣлоруссіи, встрѣчаются не рѣдко и могилы съ погребеніями, но остатки лошадей попадаются въ нихъ, повидимому, рѣдко.[202]). Чаще находятъ ихъ въ областяхъ болѣе восточныхъ, на

---

[200]) *Jentsch,* Slavische Skeletgräber bei Haaso, въ «Verhandl. d. Berl. Anthr. Ges.» 1886. S. 597.

[201]) Verhandl. d. Berl. Anthr. Ges. IX. 1877. S. 203 ff.

[202]) Такъ можно заключить на основаніи раскопокъ гр. Тышкевича, Киркора, Игнатьева, Романова и др.

территоріи русскихъ Славянъ, Финновъ и Тюркскихъ народовъ. Что касается славянской территоріи, то мы упоминали уже выше о нѣкоторыхъ находкахъ проф. Антоновича и Самоквасова, но къ числу ихъ можно прибавить и рядъ другихъ. Такъ, г. Самоквасовъ, въ одномъ небольшомъ курганѣ, находившемся при впаденіи р. Россавы въ Рось, въ Каневскомъ уѣздѣ, нашелъ могилу съ необыкновенно богато украшеннымъ остовомъ, въ шапкѣ, унизанной золотыми, серебряными, бронзовыми и костяными бляхами, съ серебряной гривной и ожерельемъ изъ янтарныхъ, стеклянныхъ и сердоликовыхъ бусъ на шеѣ, съ золотыми кольцами въ ушахъ и серебрянымъ браслетомъ и перстнемъ на правой рукѣ, съ желѣзнымъ ножикомъ, остатками узорчатой одежды и кожаныхъ сапогъ, и при немъ — остовъ лошади съ остатками узды и сѣдла, украшенныхъ серебряными и мѣдными рѣзными бляхами, желѣзныя стремена, а въ ногахъ человѣческаго и лошадинаго остововъ — большой бронзовый сосудъ, глиняный — и желѣзные обручи, вѣроятно отъ ведра. Въ той-же мѣстности найдены были и другія невысокія насыпи, съ могилами въ материкѣ, лѣвая половина коихъ занята человѣческими остовами въ гробахъ изъ толстыхъ досокъ, сколоченныхъ желѣзными гвоздями, и имѣющими при себѣ желѣзныя кольчуги, сабли, ножи, огнива, наконечники стрѣлъ, — а въ правой половинѣ находятся лошадиные остовы, положенные хребтомъ вверхъ, вытянутые мордою впередъ въ направленіи туловища, и съ положенными подъ него ногами; при нихъ желѣзныя удила, стремена, остатки деревянныхъ сѣделъ, серебряныя и бронзовыя бляхи и т. д. Въ Кіевской губерніи, впрочемъ, находки лошадиныхъ остововъ въ могилахъ были извѣстны съ давнихъ поръ. Въ «Обозрѣніи могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи» *Фундуклея*. (Кіевъ. 1848, стр. 66.) читаемъ, напримѣръ: «Въ городкѣ Беркозовомъ Каневскаго уѣзда, въ могилѣ при селѣ Ребедайловкѣ, Чигиринскаго у., находимы были человѣчьи остовы при остовахъ лошадиныхъ, и сверхъ того стремена и т. п. Между Кегарлыкомъ и Слободкою, Кіевскаго уѣзда, въ нѣсколькихъ могилахъ найдены человѣчьи остовы и при нихъ лошадиные съ разными остатками сбруи». Въ Васильковскомъ уѣздѣ г. Витковскій находилъ въ курганахъ также неоднократно остатки лошадей; между прочимъ въ одномъ курганѣ ему попались три человѣческихъ и три лошадиныхъ костяка, и при нихъ сабли, кольчуга и серебряныя гривны. Въ Каневскомъ уѣздѣ, у с. Яблоновки, въ верхнихъ частяхъ кургановъ (нижніе слои коихъ заключали въ себѣ могилы съ трупосожженіемъ, скиѳской эпохи), г. Самоквасовымъ были найдены человѣческіе и лошадиные остовы съ желѣзными удилами и стременами, и, въ одномъ случаѣ, съ монетой XII вѣка [203]). Ястребовъ, въ одномъ курганѣ близъ с. Компанеевки, Елисаветградскаго у., Херсонской губ., нашелъ кромѣ человѣческаго скелета и нѣсколькихъ отдѣльныхъ человѣческихъ череповъ — скелетъ лошади (2-3 лѣтъ) и, вмѣстѣ съ нимъ, остатки желѣзныхъ удилъ, пряжки и т. д. [204]). Принадлежатъ-ли всѣ эти курганы Славя-

---

[203]) См. Каталогъ Антропол. выставки 1879 г. Отд. доисторич. древностей.

[204]) *Ястребовъ*, въ «Древностяхъ», XII, стр. 113 — 114.

намъ или, что можетъ быть вѣроятнѣе, нѣкоторые изъ нихъ ссыпаны были Тюркскими народами, сказать трудно, но остатки лошадей найдены были и въ несомнѣнныхъ Славянскихъ могилахъ съ кострищами, ссыпанныхъ Сѣверянами и Кривичами, въ нынѣшнихъ Черниговской и Смоленской губерніяхъ. Такъ г. Самоквасовъ встрѣтилъ жженыя человѣческія и конскія (также птичьи и рыбьи) кости и желѣзныя удила въ кострищѣ Чернаго кургана въ г. Черниговѣ, а В. И. Сизовъ находилъ ихъ, вмѣстѣ съ удилами, въ могилахъ съ трупосожженіемъ, Смоленской губерніи (у дер. Гнѣздово, Кощино, Дроково). Вообще, однако, въ предѣлахъ русско-славянской территоріи остатки лошадей попадаются у насъ сравнительно не часто. Проф. Антоновичъ, производившій много раскопокъ кургановъ въ губерніяхъ Кіевской, Волынской, Подольской, Черниговской, Полтавской и Херсонской, встрѣтилъ лошадиныя кости только въ трехъ случаяхъ (трехъ группахъ кургановъ); это именно: 1) у селъ Пышки и Зеленки Каневскаго уѣзда (погребеніе верхомъ на лошади, описанное выше); 2) въ группѣ кургановъ у села Миген, на берегу Буга, въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, Херсонской губ., на границѣ Подольской: здѣсь, на днѣ кургана, рядомъ со скелетомъ человѣка, лежавшимъ горизонтально, головою къ западу, у лѣвой его плечевой кости лежала одна голова лошади; въ зубахъ у нея была желѣзная уздечка, кольца которой прилегали снаружи къ челюстямъ животнаго; по другую сторону лошадиной головы, рядомъ съ нею, лежали четыре копыта, вмѣстѣ съ бабками, но ни длиныхъ костей ногъ, ни другихъ костей лошадинаго остова въ могилѣ вовсе не было; 3) третій типъ встрѣтился въ гробницахъ (числомъ 8), раскопаннымъ г. Немиричемъ у м. Тальное, въ Уманьскомъ уѣздѣ Кіевской губ. Могилы эти — безъ курганныхъ насыпей и имѣли видъ площадокъ, окруженныхъ кольцомъ большихъ валуновъ. Внутри кольца находились могилы, въ каждой былъ скелетъ и при немъ значительное количество желѣзнаго оружія. У ногъ одного скелета стоялъ бронзовый сосудъ (кадильница) византійской работы, съ изображеніемъ четырехъ святыхъ; гр. А. С. Уваровъ относилъ этотъ сосудъ, по стилю, къ VI—VIII вв. Земля, покрывавшая всѣ скелеты, были переполнена множествомъ лошадиныхъ зубовъ, но другихъ костей лошади въ могилахъ не было. За исключеніемъ перечисленныхъ случаевъ, проф. Антоновичъ не встрѣчалъ въ могилахъ лошадиныхъ костей, несмотря на то, что (по 1888-й годъ) имъ было раскопано въ указанныхъ губерніяхъ всего 354 кургана. Сожженыхъ костей лошади онъ также не встрѣчалъ, хотя курганы съ обломками жженыхъ человѣческихъ костей встрѣчались ему часто въ Черниговской губерніи [205]). Довольно рѣдко встрѣчаются также остатки лошадей въ Смоленскихъ курганахъ, а равно и въ Новгородскихъ (какъ могущихъ быть пріуроченными Славянамъ, такъ и Финнамъ). Н. Е. Бранденбургъ, раскопавшій массу кургановъ въ Новгородской губерніи, пишетъ мнѣ, что ни цѣлыхъ скелетовъ лошади, ни череповъ ея ему не

---

[205]) Изъ письма ко мнѣ профессора В. Б. Антоновича, зимою 1888/9 г.

попалось ни разу; конскихъ удилъ также встрѣчено лишь три экземпляра. Попадались только отдѣльныя кости (лопатки, хвостовые позвонки и др.), и ихъ обломки, и то лишь въ восьми курганахъ и исключительно въ могилахъ съ трупосожженіемъ. Два или три изъ этихъ восьми кургановъ г. Бранденбургъ считаетъ славянскими, остальные—финскими[206]). Повидимому, остатки лошадей попадались довольно рѣдко и Л. К. Ивановскому, производившему многочисленныя раскопки въ курганахъ Новгородской и С.-Петербургской губерній[207]). Еще рѣже встрѣчаются они въ могилахъ Волынской губерніи, пріурочиваемыхъ Древлянамъ, какъ о томъ можно заключить изъ раскопокъ гг. Антоновича и Гамченко[208]).

Въ большомъ курганѣ у с. Гнѣздова, Смоленскаго уѣзда, В. И. Сизовъ встрѣтилъ кострище, которое заключало въ себѣ остатки цѣнныхъ, вѣроятно княжескихъ военныхъ доспѣховъ, — меча, копій, шлема, щита, также разныхъ украшеній и проч., и при нихъ остовъ барана, положеннаго, очевидно, въ качествѣ пищи умершему. Остатковъ лошади при этомъ не найдено, но цѣлый лошадиный костякъ оказался въ сосѣднемъ небольшомъ курганѣ, ссыпанномъ, очевидно, одновременно съ большимъ, въ которомъ были найдены, кромѣ того, двѣ бусы, два звена проволочной цѣпочки и восточная монета (диргемъ начала X вѣка), но никакихъ слѣдовъ человѣческихъ костей. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ трупъ

---

206) Изъ письма ко мнѣ Н. Е. Бранденбурга, отъ 8-го марта 1888 г. Къ финскимъ курганамъ Н. Е. причисляетъ (изъ упомянутыхъ восьми): два — на лѣвомъ берегу рѣки Сязниги (притока Паши), на урочищѣ «Дѣдово поле»; въ одномъ изъ нихъ найденъ былъ небольшой слой сожженыхъ костей человѣка и *лошади*, 1 суставъ пальца медвѣдя, желѣзный топоръ, копье, стрѣлы, нѣсколько украшеній и обломокъ Сассанидскаго диргема X в.; въ другомъ оказались, кромѣ жженыхъ костей (человѣка, собаки, коровы) и желѣзныхъ орудій, еще *желѣзныя удила*; два кургана на правомъ берегу рѣки Паши, изъ коихъ, въ одномъ, кромѣ костей человѣка и фаланги медвѣдя, а также нѣсколькихъ бусъ, пряжекъ, копья, ножа, были найдены еще *два хвостовыхъ позвонка лошади* и *желѣзныя удила*, а въ другомъ — рядомъ съ мечемъ, 2 топорами, копьемъ, ножемъ, замкомъ, стрѣлами, бубенчикомъ — *желѣзныя удила* и кости человѣка, медвѣдя и *лошади*; еще одинъ курганъ, у дер. *Городище*, на правомъ берегу рѣки Сяси, въ которомъ, между человѣческими костями, также оказался *хвостовой позвонокъ лошади*. Къ славянскимъ курганамъ Н. Е. относитъ: 1) на лѣвомъ берегу рѣки Волхова, выше Старой Ладоги, на урочищѣ «Побѣдище» — гдѣ вещей не оказалось почти никакихъ, но куча сожженыхъ человѣческихъ и *конскихъ* костей, съ нѣсколькими медвѣжьими фалангами, позвонкомъ змѣи и птичьими костями; 2) на лѣвомъ берегу рѣки Волхова, ниже Старой Ладоги, гдѣ была найдена, между прочимъ, *лошадиная лопатка*, и 3) въ Старой Ладогѣ,—отдѣльный курганъ, гдѣ оказался горшокъ съ сожжеными костями, обломками гребня и нѣсколькими бусами, и около него — слой сожженыхъ костей человѣка и животныхъ: *лошади*, коровы, кошки и россомахи, а также 2 желѣзныхъ обломка. По близости найденъ былъ погребенный скелетъ, но кости въ безпорядкѣ и вещей никакихъ.

207) Впрочемъ въ юго-западной части Новгородской губ., на берегу рѣки Порусья, въ группѣ Марфинскихъ кургановъ, Ивановскій встрѣчалъ по его словамъ, остатки *лошадей*, собакъ и орловъ.

208) *Гатченко*. Житомирскій могильникъ. Жит. 1888.

лошади удостоился отдѣльнаго погребенія въ особомъ, рядомъ ссыпанномъ, курганѣ [209]). Фактъ этотъ не есть, повидимому, исключительный. Объ отдѣльномъ погребеніи коней и о насыпкѣ надъ ними кургановъ мы имѣемъ нѣсколько указаній въ свидѣтельствахъ исторіи и народныхъ преданіяхъ [210]), а равно и въ данныхъ раскопокъ. Не возвращаясь къ ранѣе приведеннымъ случаямъ, къ находкахъ въ греческимъ и скиѳскихъ курганахъ, когда для коней устраивались особые склепы и гробницы, можно привести нѣсколько другихъ, когда надъ лошадиными трупами насыпались отдѣльные курганы. Первый, повидимому, указалъ на такіе случаи гр. А. С. Уваровъ въ своемъ изслѣдованіи о Мерянскихъ курганахъ (во Владимірской и Ярославской губ.) [211]). «Меряне, говоритъ графъ, по обычаю многихъ языческихъ народовъ, клали въ могилу вокругъ покойнаго, несмотря на то, по какому изъ двухъ обрядовъ онъ былъ погребенъ (т. е. было ли тѣло его просто погребено или предварительно сожжено), всѣ любимыя его вещи и домашнюю утварь. Воина хоронили съ оружіемъ, конскою сбруею, стременами... При этомъ на домашнихъ животныхъ смотрѣли тоже, какъ на любимые предметы умершаго хозяина, какъ видно изъ того, что кости животныхъ часто попадаются возлѣ человѣческаго остова.... Конь, однако, въ древнія времена, какъ рѣдкое животное, составлялъ исключительно собственность князей и главныхъ правителей народовъ. Оттого въ Даніи, гдѣ конь всегда считался спутникомъ важнаго лица, раскопка кургановъ доказала, что присутствіе лошадиныхъ костей въ курганѣ всегда составляетъ вѣрный признакъ могилы владѣтельнаго лица или вообще вождя. То же самое заключеніе, повидимому, можетъ быть выведено и изъ раскопки мерянскихъ кургановъ. Во-первыхъ, мы знаемъ изъ арабскихъ писателей, что недостатокъ въ лошадяхъ у народовъ, жившихъ въ окрестностяхъ Волги, сдѣлалъ у нихъ изъ верховаго коня такого рѣдкаго животнаго, что только князья были въ состояніи имѣть его. Владѣть конемъ составляло особую

---

[209]) Любопытно, что въ главномъ курганѣ была найдена также $1/2$ диргема, по времени чеканки весьма близкаго къ тому, который былъ найденъ въ лошадиномъ курганѣ. Остовъ лошади не выказывалъ слѣдовъ сожженія, какъ остатки человѣка и положенныхъ съ нимъ вещей, а только слѣды ожога. Повидимому, лошадь убили, положили на кострище, но потомъ оттащили и зарыли въ особомъ курганчикѣ, куда попала и часть вещей изъ главнаго кургана.

[210]) Андрей Боголюбскій велѣлъ похоронить своего коня— «жалуя комоньства его». П. С. Р. Л, I. 140, II, 47. Сербскій герой Марко Кралевичъ, увидавъ приближеніе смерти, вынулъ саблю и отсѣкъ голову своему вѣрному сподвижнику, коню Шарцу; честно похоронилъ его, затѣмъ разбилъ свою саблю, изломалъ копье и т. д. См. *Котляревскій*, 246.—Надалеко отъ Владикавказа, близъ аула Эльхотъ находится курганъ, который носитъ у туземцевъ названіе «могила кобылицы». Съ нимъ связана легенда, что курганъ этотъ насыпанъ надъ трупомъ кобылицы, оказавшей услуги мѣстному алдару (хану) во время осады аула. См. *Анучинъ*, Отчетъ о поѣздкѣ въ Дагестанъ, въ 1882 г., стр. 19.

[211]) Гр. *Уваровъ*. Меряне и ихъ бытъ, въ «Трудахъ I Археол. Съѣзда», стр. 689 и слѣд.

честь, о которой Ибнъ-Доста замѣчаетъ, что «верховыхъ лошадей имѣетъ только одинъ человѣкъ».... Отсюда видно, что находимыя въ мерянскихъ курганахъ лошадиныя кости должны имѣть то же значеніе, какъ и въ датскихъ курганахъ, при чемъ рѣдкость коней объясняетъ намъ рѣдкость подобныхъ могилъ, которыя между группами многочисленныхъ кургановъ, иногда числомъ до нѣсколькихъ сотенъ, попадаются не болѣе какъ по двѣ или по три на одномъ кладбищѣ. Лица, погребенныя въ такихъ курганахъ, въ которыхъ находятся лошадиныя кости, имѣютъ всегда при себѣ оружіе, какъ признаки воина, иногда особое головное украшеніе въ родѣ обруча изъ листоваго серебра, служившее, можетъ быть, отличіемъ князя или правителя. Даже въ гробницахъ, гдѣ лошадиныя кости лежали близъ сосудовъ съ жжеными костями, постоянно находились предметы, какъ-то: топоры, копья и другое оружіе, указывающее на могилу воина и во всякомъ случаѣ — не простаго.... Почтеніе къ коню у Мерянъ, какъ можно догадываться по раскопкамъ, простиралось далѣе, чѣмъ у какого либо другаго народа. Они не довольствовались погребеніемъ любимаго коня вмѣстѣ съ умершимъ его хозяиномъ, но насыпали иногда высокіе курганы надъ особыми могилами, въ которыхъ находятся однѣ лошадиныя кости. Въ существованіи такихъ особыхъ могилъ нельзя сомнѣваться послѣ найденныхъ примѣровъ. Близъ села Шелебова, въ обширномъ курганѣ, въ 19 арш. въ окружности и въ $1^1/_2$ арш. вышины, находились только лошадиныя кости и разныя кольца и бляхи отъ конской сбруи. У села Шокшова, въ группѣ кургановъ въ урочищѣ «Полевецкая Лужа», были открыты двѣ такія могилы: одна, наполненная только лошадиными костями, безъ всякихъ другихъ предметовъ, заключалась въ высокомъ курганѣ въ 29 арш. въ окружности и въ 2 арш. вышины, другая (курганъ въ 20 арш. окружности) кромѣ лошадиныхъ костей, содержала еще остатки сбруи, бронзовую пряжку и удила. Иногда находили, что въ нижней части кургана стоялъ сосудъ съ пепломъ или погребенное тѣло, а сверху надъ нимъ— лошадиный остовъ со всѣми принадлежностями сбруи, какъ-то: удила, пряжки, стремя и пр. У села Городища въ одномъ курганѣ былъ погребенъ всадникъ, а сверху подъ тѣмъ же курганомъ насыпанъ былъ другой курганъ, въ которомъ лежали лошадиныя кости. Ни въ томъ, ни въ другомъ курганѣ никакихъ вещей не найдено». Подобное же отдѣльное погребеніе коней было констатировано и въ другихъ мѣстахъ, не только въ предѣлахъ Россіи, но и за границею, въ области западныхъ Славянъ. По словамъ Вагнера, напримѣръ, въ одной могилѣ близъ Kalbe, въ Мекленбургѣ, обозначенной тремя большими камнями, былъ найденъ костякъ лошади и при немъ до двадцати урнъ или горшковъ, но никакихъ слѣдовъ костяка человѣка. Н. Ю. Зографъ, производившій раскопки кургановъ, повидимому — тюркскихъ, у сс. Максимова и Замараева, въ Шадринскомъ у., Пермской губ., замѣчаетъ: «скелеты лошадей постоянно сопутствовали человѣческимъ и даже попадались безъ послѣднихъ въ отдѣльныхъ курганахъ». У с. Замараева изъ 69 кургановъ только 47 дали какіе нибудь остатки, кромѣ слѣдовъ досокъ, угля, золы и человѣче-

скихъ костей; изъ нихъ три заключали въ себѣ единственно лошадиные скелеты [212]).

Въ средней Россіи и въ Прибалтійскомъ краѣ, на исконной территоріи Финновъ, остатки лошадей въ могилахъ встрѣчаются не часто. Такъ, они очень рѣдки въ могилахъ древнихъ Ливовъ, Прибалтійскаго края вообще, (хотя встрѣчаются въ Лифляндіи), въ могильникахъ и курганахъ Финляндіи, Петербургской, Новгородской, Олонецкой, Тверской, Ярославской, Костромской и Московской губерній. У мирнаго курганнаго племени Московской, Ярославской и Тверской губерній лошади были, повидимому, довольно рѣдки, и остатки ихъ были найдены лишь въ немногихъ курганахъ изъ нѣсколькихъ сотъ [213]). У Мери, какъ было сказано выше, лошадь сопровождала въ могилу только болѣе знатныхъ лицъ, князей или военныхъ начальниковъ, можетъ быть даже изъ Славянъ или Нормановъ. У древней Муромы, однако, судя по «Житію князя Константина Муромскаго», закаланіе коней на могилахъ, по крайней мѣрѣ князей, было, повидимому, явленіемъ обычнымъ [214]). Въ курганахъ Нижегородской губерніи (Нижегородскаго, Княгининскаго и другихъ уѣздовъ) Дружкинъ находилъ кости лошадей нерѣдко. Особенно интересныя раскопки были произведены имъ въ южной части Нижегородской губ., въ трехъ курганахъ близъ д. Малое Терюшево, въ мѣстности, которая по преданію служила для погребенія мордовскихъ князей и окрестности которой и теперь еще заселены Мордвою. При веденіи траншеи съ восточной стороны, въ курганахъ этихъ открывался прежде всего на материкѣ (аршина на два отъ края кургана) костякъ коня и при немъ удила и стремена. Далѣе въ материкѣ оказывалась яма лодкообразной формы, и въ ней весьма ветхій, почти совершенно истлѣвшій костякъ, при которомъ—много бронзовыхъ пряжекъ и украшеній, остатки мѣховой одежды и кошмы, желѣзные ножи, копья, стрѣлы, топоры, мѣдные котелки и, въ одномъ случаѣ, длинная сабля и скелетъ собаки [215]). Чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ остатки лошадей и конскаго наряда, пови-

---

[212]) *Kemble.* Herae ferales, p. 66; *Зографъ*, въ изданіи «Антропологическая выставка», II, стр. 198—200. — Въ Сибири, въ Абаканской степи, были также найдены двойныя могилы, въ одной — человѣческой костякъ, въ другой—вещи и остатки лошадей и другихъ животныхъ. См. далѣе—о раскопкахъ Радлова. Между Новороссійскомъ и Анапой В. И. Сизовъ вскрылъ одинъ курганъ, въ которомъ оказался только остовъ коня съ удилами и стременами, но безъ слѣдовъ человѣческихъ костей. Къ сожалѣнію, г. Сизовъ не имѣлъ возможности изслѣдовать другіе сосѣдніе курганы, заключающіе въ себѣ вѣроятно и остатки людей.

[213]) Изъ почти 400 кургановъ, раскопанныхъ въ Московской губ., только въ четырехъ были найдены при костякахъ лошадиныя головы (и кости?); кромѣ того, въ нѣсколькихъ случаяхъ находили еще конскія удила. См. *Кельсіевъ*, въ «Древностяхъ» X, стр. 32, 39.

[214]) Разсказывая объ обращеніи Муромы въ христіанство, сочинитель «Житія» восклицаетъ: «Гдѣ рѣкамъ и озерамъ требы кладущеи?.. Гдѣ кони закалающеи по мертвымъ и ременная плетенія древолазныя съ нимъ въ землю покоповающеи» и проч. *Котляревскій*, стр. 126.

[215]) *Анучинъ*, О раскопкахъ Дружкина, въ «Древностяхъ» X, стр. 34—40.

димому, встрѣчаются въ могилахъ чаще. Такъ, они были находимы нерѣдко въ могильникахъ и курганахъ Пермской и Вятской губерній, между прочимъ и въ знаменитомъ Ананьевскомъ могильникѣ, на Камѣ, близъ Елабуги [216]). Припомнимъ здѣсь также разсказъ Ибнъ-Фадлана о сожженіи на берегу Итиля, съ умершимъ Русомъ, его коней и наложницы, — разсказъ, относящійся однако къ пришлымъ купцамъ, Славянамъ или Норманамъ. Желѣзныя удила, стремена и лошадиныя кости, а иногда и цѣлые лошадиные скелеты были находимы въ могилахъ и курганахъ Тамбовской [217]), Воронежской, Самарской, Астраханской, Оренбургской и Уфимской губерній, въ Области Войска Донскаго и Терской,—гг. Игнатьевымъ, Нефедовымъ, Керцелли, Крыловымъ, Кожевниковымъ, Самоквасовымъ и другими [218]).

Но еще большимъ богатствомъ остатками лошадей отличаются многія группы кургановъ Сибири. Уже Сиверсъ, раскопавшій два кургана на верхнемъ Иртышѣ, въ одномъ днѣ пути отъ Норъ-Зайсана, встрѣтилъ подъ грудами камней, слоемъ чернозема и за тѣмъ слюдистаго песка — могилу изъ гранитныхъ плитъ, въ которой сверху лежалъ костякъ лошади, а ниже—остатки человѣка (черепъ). Между человѣкомъ и лошадью оказался прямой мечъ или кинжалъ, 10 трехъгранныхъ желѣзныхъ стрѣлъ,

---

[216]) По *Невоструеву* («Ананьевскій могильникъ». въ «Трудахъ I Москов. Арх. Съѣзда», стр. 664, 685),—у нѣкоторыхъ скелетовъ найдены кости лошадиныя (ноги, зубы), иногда рядомъ съ мѣдными кольцами. Кромѣ того, въ нѣсколькихъ могилахъ найдены мѣдныя и желѣзныя удила, и другія принадлежности конской сбруи и наряда.

[217]) Цѣлый рядъ удилъ изъ могилъ Тамбовской губ. имѣется въ Историческомъ Музеѣ.

[218]) *Игнатьевъ* (см. «Труды I Арх. Съѣзда», стр. 154) находилъ въ курганахъ Троицкаго у., Оренбургской губ., на берегу р. Убалы, — желѣзныя стремена, удила, человѣческія, лошадиныя и верблюжьи кости. *Керцелли* и *Крыловъ* встрѣтили лошадиные остовы въ курганахъ около Новочеркаска и по рѣкѣ Салу. (См. въ изданіи «Антропологическая выставка», т. II). *Керцелли* же находилъ ихъ въ курганахъ Терской области, гдѣ, въ одномъ большомъ курганѣ около Пятигорска, въ нижнемъ слоѣ его, и г. Самоквасовъ нашелъ два лошадиныхъ черепа, при человѣческомъ остовѣ съ каменнымъ молоткомъ. (См. «Труды V Тифлисскаго Съѣзда».) Въ 7 верстахъ отъ Самары, на лѣвомъ берегу Волги, къ сѣверу отъ ст. Кряжъ, въ одномъ курганѣ, при случайной его раскопкѣ въ 1880 г., были встрѣчены человѣческія кости, въ томъ числѣ деформированный черепъ, и при нихъ скелетъ лошади, желѣзная сабля и золотая серьга. См. *Анучинъ*, «О древнихъ искусственно деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи». М. 1887, стр. 46 — 47. — Въ Астраханской губ., въ Яндыковскомъ улусѣ, въ пескѣ Калмыковъ Шабинерова рода, въ 1882 г. случайно былъ найденъ скелетъ человѣка и лошади, и вблизи ихъ: серебряная цѣпочка, колечко и бусы изъ лазури, сердолика и зеленаго стекла. (См. «Моск. Вѣд.» 1885 г. отъ 25 окт.). А. Н. Харузинъ, въ одномъ курганѣ Букеевской степи, близь Ново-Казанки, нашелъ, на глубинѣ 88 сантиметровъ, скелетъ лошади съ удилами, а на глубинѣ 230 сант. скелетъ человѣка, въ ногахъ котораго найдены желѣзныя стремена, сѣдло изъ бересты, наконечникъ копья и желѣзная пряжка. *А. Харузинъ*, «Курганы Букеевской степи», стр. 7). Проф. А. Я. Кожевниковъ нашелъ желѣзныя удила и стремена въ одномъ курганѣ Острогожскаго уѣзда, Воронежской губ. — Ф. Д. Нефедовъ находилъ лошадиныя кости, желѣзныя удила и стремена — въ курганахъ Уфимской, Оренбургской губ. и Тургайской области.

много золотыхъ пластинокъ и на мѣстѣ руки — два золотыхъ кольца. Между костями лошади лежали пряжки, бляхи и остатки кожи [219]). Въ другомъ курганѣ были найдены, между прочимъ, котелъ и бердышъ (топоръ?) изъ мѣди. Позже Малаховъ встрѣтилъ также лошадиные остовы, погребенные вмѣстѣ съ человѣческими, въ деревянныхъ срубахъ, въ курганахъ Семипалатинской области; конскія кости, а равно желѣзныя удила, стремена и части кожанаго сѣдла и сбруи, украшенныхъ бронзовыми бляхями, были добыты и изъ кургановъ по Иртышу въ Тарскомъ округѣ, Тобольской губерніи [220]). Но особенно многія находки лошадиныхъ костяковъ были сдѣланы въ южно-сибирскихъ могилахъ Радловымъ, изслѣдовавшимъ большое число ихъ въ Алтаѣ, въ Киргизской и Барабинской степи, въ долинѣ Енисея, по Бухтармѣ, въ Минусинскомъ краѣ и т. д. [221]). Всѣ изслѣдованныя имъ могилы Радловъ дѣлитъ на четыре категоріи: 1) древнѣйшія, мѣднаго или бронзоваго періода, къ числу коихъ относятся всѣ каменныя могилы долины Енисея и Алтая, такъ же какъ и многіе курганы Киргизской и Барабинской степи; 2) менѣе древнія, перваго желѣзнаго вѣка, къ которымъ онъ причисляетъ курганы изъ большихъ камней въ Уймонской степи, по Бухтармѣ и въ восточной Киргизской степи, равно какъ и большинство другихъ кургановъ южной Сибири; 3) маленькіе курганы Абаканской степи, приписываемые мѣстнымъ населеніемъ Киргизамъ и относящіеся къ позднѣйшему желѣзному вѣку, и 4) могилы по Чердату, еще болѣе позднія, какъ то доказываетъ найденная въ нихъ монета XVII вѣка. Значительное число могилъ первой категоріи оказываются ограбленными; въ сохранившихся нетронутыми находятъ, преимущественно, мѣдныя (бронзовыя), иногда и золотыя издѣлія. Изъ мѣдныхъ—встрѣчаются кинжалы, наконечники копій, стрѣлы, ножи, серпы, топоры, кельты, долота, шила, иглы, браслеты, разныя бляхи, зеркала, котлы и проч., въ томъ числѣ и предметы конскаго убора: удила, стремена, пряжки. Что касается собственно костей лошади, то онѣ, повидимому, рѣдки (если встрѣчаются) въ могилахъ этой категоріи. Но за то онѣ становятся весьма обыкновенными въ могилахъ втораго типа, древняго желѣзнаго періода. Въ трехъ небольшихъ, ссыпанныхъ изъ камней, курганахъ Уймонской степи, близь дер. Катанды, иногда уже въ насыпи оказывались желѣзныя удила, а въ самыхъ могилахъ, выкопанныхъ ниже материка и засыпанныхъ землею и камнями, были найдены: въ одной — два лошадиныхъ остова, лежащихъ головами къ западу; въ другой — двѣ лошади и жеребенокъ, въ томъ же положеніи, и въ третьей — три лошади. Въ каждой могилѣ можно было примѣтить у одной изъ лошадей, въ челюстяхъ, остатки желѣзныхъ удилъ.

---

[219]) *Эйхвальдъ,* О Чудскихъ копяхъ. Ср. *Клеменцъ,* Древности Минус. Музея Томскъ. 1886, стр. 20.

[220]) Вещи эти находятся въ Историч. Музеѣ.

[221]) «Отчеты Археологической Коммиссіи» за 1862, 63, 65 и 69 гг. и *Radloff,* Aus Sibirien. II Bd. 1884 (Кар. VII. Sibirische Alterthümer).

Подъ лошадями находился слой мелкихъ камней и затѣмъ нетронутая земля. На сѣверной сторонѣ могила была вырыта шире и шла глубже; въ этой болѣе глубокой ямѣ встрѣчались прежде всего позвонки барана, а затѣмъ человѣческіе, женскіе и мужскіе скелеты, распростертые на спинѣ и имѣвшіе при себѣ, мужскіе — пращевые камни, желѣзныя и костяныя стрѣлы, желѣзный ножъ, наконечникъ копья и остатки лука, а женскіе — мѣдныя ушныя кольца, остатки головныхъ украшеній, желѣзный кельтъ, серебряное колечко, пряслину и слѣды обуви съ мѣдными застежками. Въ одномъ большомъ курганѣ той же мѣстности, въ насыпи, оказались остатки по крайней мѣрѣ шести лошадей, 6 желѣзныхъ удилъ, желѣзныя и костяныя стрѣлки, желѣзный и мѣдные ножи, желѣзная сабля, синія стеклянныя бусы и т. д., все перемѣшанное съ человѣческими костями, очевидно прежними гробокопателями. На глубинѣ двухъ саженъ оказались также человѣческія и конскія кости и еще желѣзныя удила. Въ другомъ, небольшомъ курганѣ, на глубинѣ двухъ аршинъ, былъ найденъ лошадиный костякъ, и при немъ желѣзныя удила, стремена и пряжки, а полъ-аршина ниже — человѣческій остовъ, высокаго роста и при немъ— прямой мечъ, 17 желѣзныхъ и 1 костяная стрѣлка, на груди — остатки ткани и позвонокъ овцы, близь головы — небольшой серебряный сосудъ съ ручкой. Около устья р. Береля, недалеко отъ берега верхней Бухтармы, г. Радловъ вскрылъ, въ двухъ группахъ, 7 кургановъ, съ насыпью изъ камней и въ каждомъ встрѣтилъ остатки лошадей, иногда въ большомъ числѣ. Такъ, въ одномъ курганѣ у самой рѣки, вышиною въ $2^1/_2$ — 3 сажени, въ поперечникѣ около 14 саженъ, уже между камнями насыпи былъ найденъ лошадиный скелетъ, желѣзныя удила и двое стремянъ. Въ материкѣ оказалась могила въ $3^1/_2$ сажени длины и три ширины, въ южной части которой, на глубинѣ около $2^1/_2$ саженъ, находился слой бревенъ, а въ сѣверной — слой березовой коры. Когда послѣдняя была разобрана, подъ нею оказались 16 лошадиныхъ скелетовъ, всѣ обращенные головами къ востоку и расположенные въ четыре ряда, по четыре лошади. У первыхъ двухъ, обращенныхъ къ востоку, рядовъ находились желѣзныя удила. Эти 8 лошадей покрыты были довольно толстымъ слоемъ украшеній, вырѣзанныхъ изъ коры и дерева, выложенныхъ отчасти золотыми пластинками. Ниже лошадей оказалась нерушенная земля. Въ южной части могилы, по вынутіи бревенъ и досокъ открылась четырехугольная яма, въ которой, прежде всего, встрѣтился почти истлѣвшій лошадиный костякъ, а на глубинѣ 10 аршинъ (отъ поверхности)—остатки человѣческаго остова и при немъ слѣды мѣдныхъ и нѣсколькихъ золотыхъ, маленькихъ пластинокъ. Въ юго-восточной части ямы, около остова, встрѣтилась еще кучка золы и углей. Въ другихъ, меньшихъ курганахъ той же мѣстности оказались также лошадиные скелеты, иногда до пяти въ одной могилѣ и всегда аршина на $1^1/_2$ выше человѣческихъ. Нѣкоторое отличіе представили земляные курганы къ сѣверу отъ Алтая, въ Кулундѣ, Барабинской степи и близь Барнаула. Устройство ихъ, въ общемъ, такое же, но лошадей или нѣтъ, или скелеты ихъ лежатъ рядомъ съ человѣческими остовами.

Въ челюстяхъ лошадей — остатки желѣзныхъ удилъ, по бокамъ тѣла — стремена, около головы — пряжки и кусочки желѣза. Сопоставляя всѣ данныя о курганахъ этой категоріи, Радловъ замѣчаетъ, что одно изъ характерныхъ отличій ихъ заключается въ большомъ числѣ лошадиныхъ скелетовъ [222]). Въ одномъ курганѣ, какъ сказано, было найдено ихъ 16, въ другихъ 8, 6, 4, даже въ маленькихъ, на Катандѣ, 2 — 3,— фактъ, доказывающій, что народъ, воздвигавшій эти курганы, былъ народомъ коннымъ, обладавшимъ большимъ числомъ лошадей и жизнь котораго была тѣсно связана съ конемъ. Съ другой стороны, находки доказываютъ, что народу этому были извѣстны не только удила, но также стремена и сѣдла. Въ одной могилѣ на Бухтармѣ и въ большомъ курганѣ на Катандѣ, между вырѣзанными изъ дерева украшеніями встрѣтились фигурки лошадей съ сѣдлами на спинѣ, передняя часть которыхъ украшена золотыми пластиночками. Копыта этихъ фигуръ также позолочены. На шеѣ нѣкоторыхъ лошадиныхъ костяковъ встрѣчались также низки кабаньихъ клыковъ и разныя деревянныя, обложенныя золотомъ, украшенія. Удила были снабжены по бокамъ большими кольцами; ремни узды украшены мѣднымъ, но иногда также серебрянымъ и золотымъ наборомъ, а на лбу и переносицѣ виднѣлись часто круглыя бляхи съ бубенчиками. Находимыя около средней части конскихъ скелетовъ украшенія изъ березовой коры, съ золотыми на нихъ листками, свидѣтельствуютъ, повидимому, объ употребленіи чепраковъ, а остатки ремней и металлическихъ пластинокъ на мѣстѣ груди, живота, задней части спины позволяютъ составить нѣкоторое понятіе о различныхъ частяхъ сбруи.

Могилы третьей категоріи, приписываемыя современными инородцами Киргизамъ, встрѣчаются въ большомъ числѣ, въ степи по среднему Абакану. Онѣ — небольшія, не болѣе $1^1/_2$ сажени въ діаметрѣ, расположены группами по 60 — 80 и болѣе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, попарно, причемъ въ каждой парѣ — одинъ холмикъ круглый, другой овальный. Въ овальныхъ холмикахъ, на глубинѣ не болѣе аршина подъ материкомъ, лежатъ человѣческіе остовы, головами на западъ, безъ всякихъ слѣдовъ одежды и какихъ либо орудій; круглые же курганчики никогда не заключаютъ въ себѣ остова, а только утварь и оружіе. Прежде всего въ нихъ встрѣчается глиняный сосудъ съ узкимъ горломъ, за тѣмъ слой отчасти жженыхъ, отчасти цѣльныхъ костей животныхъ, чаще всего — овецъ, рѣже — лошадей и быковъ; между костями — желѣзныя издѣлія: топоры, кельты, ножи, наконечники копій, удила, стремена и изрѣдка — золотыя или серебряныя колечки. Отдѣльное погребеніе вещей и животныхъ, по мнѣнію Радлова, могло развиться со временемъ изъ древняго обычая — хоронить лошадей съ ихъ уборомъ, хотя и въ одной могилѣ съ покойникомъ, но въ сторонѣ или въ особомъ отдѣленіи. Въ одной могилѣ по Абакану Радловъ нашелъ также остатки подковъ изъ тонкой желѣзной пластины съ отверстіями для гвоздей, напоминающіе подковы, употребительныя въ современ-

---

222) Въ одномъ курганѣ оказались также кости верблюда.

номъ Китаѣ. По сторонамъ удилъ встрѣчаются разнообразной формы баранчики; подошва стремянъ иногда съ узорами. Къ сѣверу отъ Маріинска, по р. Чердату, Радловъ встрѣтилъ небольшія земляныя насыпи еще болѣе позднія, съ остатками одежды, оружія, украшеній, причемъ въ одной могилѣ нашлась даже русская мѣдная копейка XVII в. Эти могилы не заключали въ себѣ остатковъ лошадей; по крайней мѣрѣ Радловъ ничего о нихъ не говоритъ. Въ большемъ или меньшемъ числѣ лошадиныя кости (ребра, позвонки, лопатки, ножныя кости) были находимы также Адріановымъ и Клеменцомъ при раскопкахъ ими древнихъ могилъ въ Минусинскомъ краѣ [223]).

Первоначально обрядъ погребенія съ умершимъ его коня исполнялся, вѣроятно, во всей его полнотѣ, т. е. трупъ коня хоронился въ цѣлости или, если сожигался, то также цѣликомъ, какъ и трупъ человѣка. Но впослѣдствіи стали допускаться, повидимому, отступленія отъ этого порядка, и даже въ весьма древнихъ могилахъ встрѣчаются нерѣдко только части лошадиныхъ остововъ, иногда лишь немногія кости и зубы. Подобные случаи были констатированы какъ въ западной Европѣ, такъ и во многихъ могилахъ Россіи. Относительно германскихъ могилъ Линденшмидтъ, правда, сомнѣвается, какъ мы видѣли, въ вѣрности этого факта и полагаетъ, что въ дѣйствительности погребалась вся лошадь, но что многія части ея остова впослѣдствіи истлѣвали или не обращали на себя достаточнаго вниманія при раскопкахъ. Такое объясненіе однако едва ли приложимо ко всѣмъ извѣстнымъ случаямъ; въ нѣкоторыхъ могилахъ, особенно съ трупосожженіемъ, но также и съ погребенными костяками, повидимому, дѣйствительно, находили только части лошадинаго скелета, иногда даже лишь нѣсколько позвонковъ или зубовъ [224]). Въ Россіи, по крайней мѣрѣ, такіе случаи были констатированы неоднократно и притомъ опытными и внимательными изслѣдователями, такъ что сомнѣваться въ вѣрности ихъ показаній нѣтъ никакихъ основаній. Выше мы упоминали о находкахъ проф. Антоновича и Самоквасова, которые встрѣчали только лошадиные черепа и копыта съ бабками; въ другомъ случаѣ проф. Антоновичъ встрѣчалъ только лошадиные зубы [225]). Наоборотъ, г. Ванкель нашелъ въ пещерѣ

---

[223]) *Адріановъ,* Путешествіе на Алтай и за Саяны. Омскъ 1888, стр. 15, 27, 44 и др.; *Клеменцъ,* «Минус. древности» и рукописные отчеты его объ экспедиціяхъ, совершенныхъ по порученію Моск. Археол. Общества. — Лошадиныя кости и удила были находимы также въ могильникахъ Осетіи и Закавказья, г. Байерномъ и др.

[224]) Близъ деревни Буковинъ въ Мерзебургскомъ округѣ, въ одной могилѣ съ трупосожженіемъ было найдено нѣсколько бронзовыхъ сосудовъ, глиняный горшокъ, желѣзный топоръ, ножницы, ножъ и 5 обожженыхъ лошадиныхъ зубовъ. Фоссъ относитъ эту находку къ II — III вв. См. Verh. d. Berl. Anthr. Ges. 1877. S. 208. Онъ же, Фоссъ, сообщаетъ и о нѣсколькихъ другихъ подобнаго рода находкахъ, когда въ урнахъ, среди пепла, находили лошадиные зубы, бычьи рога, птичьи когти и т. п. См. Verhandl. Berl. Ges. 1879. S. 60.

[225]) См. *Самоквасовъ,* Могил. древности Александр. у., Екатериносл. губ., по р. Конкѣ, въ «Трудахъ VI Одесскаго Съѣзда». I. Около д. Новогригорьевки, близъ боль-

«Бычья скала» скелеты безъ череповъ; г. Керцелли встрѣтилъ въ одномъ курганѣ близъ Новочеркаска почти полный костякъ лошади, но безъ зубовъ, копытъ и бабокъ; г. Игнатьевъ находилъ въ курганахъ Оренбургской губ. лошадиные остовы безъ головъ. При раскопкахъ г. Мазараки, въ «скиѳскихъ» курганахъ Роменскаго уѣзда, «изъ находимыхъ костей почти никогда нельзя было составить полнаго остова животнаго; только кости переднихъ конечностей, головы, правой лопатки и ребра встрѣчались въ курганахъ постоянно... Изъ числа всѣхъ разрытыхъ кургановъ только одинъ заключалъ въ себѣ полный скелетъ лошади» [226]). Не рѣдки также случаи, когда находили только одни лошадиные черепа или даже только нѣсколько реберъ, позвонковъ, зубовъ. Г. Самоквасовъ, при раскопкѣ Кисловодскихъ кургановъ, находилъ иногда, при горшечкѣ, одинъ лошадиный зубъ [227]); Бранденбургъ встрѣчалъ въ нѣкоторыхъ Новгородскихъ курганахъ только 2—3 лошадиныхъ хвостовыхъ позвонка [228]). Всѣ эти случаи мо-

шаго кургана № 2, онъ встрѣтилъ одинъ курганъ, въ которомъ, на материкѣ, находился человѣческій остовъ въ скорченномъ положеніи, вѣроятно весьма древней эпохи. Въ сѣверной же половинѣ этого кургана, почти подъ центромъ насыпи встрѣтилась могила позднѣйшаго устройства, вырытая въ насыпи и углубленная въ материкѣ на 1 аршинъ. Подлѣ ея, въ южной половинѣ, сохранились кости человѣка; въ сѣверной же половинѣ оказались части лошадинаго остова, именно черепъ, обращенный мордой къ западу, а за нимъ, по длинѣ человѣческаго остова, переднія и заднія лошадиныя конечности; но остальныхъ частей лошадинаго остова, какъ-то лопатокъ, позвонковъ и таза въ могилѣ не было. Въ челюстяхъ лошади сохранились желѣзныя удила, а между конечностями—окисшія желѣзныя стремена. Недавно было сообщено въ газетахъ («Новое Время», 1889, № 4791, отъ 2-го іюля) что г. Эварницкій, въ одномъ большомъ курганѣ на берегу р. Орели, въ 60 в. отъ Днѣпра, въ мѣст. Котовкѣ, Екатериносл. губ., Новомосковск. у., въ имѣніи г. Алексѣева, нашелъ, вверху, деревянный столбъ, а возлѣ него двѣ конскія головы: одна у самаго столба бокомъ, другая поодаль, зубами внизъ, лбомъ вверхъ; между головами лошадей зарыта голова человѣка безъ туловища и тутъ же небольшая бронзовая пряжка. Ниже найденъ былъ скелетъ человѣка и при немъ горшокъ самаго примитивнаго издѣлія, а еще ниже, на глубинѣ 8 вершковъ отъ вершины кургана, открыты 2 деревянныхъ сруба изъ громадныхъ дубовыхъ бревенъ и 2 небольшія могилы, «Въ этихъ двухъ срубахъ и двухъ могилахъ погребены были по частямъ кости человѣка, въ одномъ голова, въ другомъ — ноги, въ третьемъ — руки, въ четвертомъ — одни позвонки и сильно обожженныя ребра; при костяхъ найдены разныя вещи и орудія неолитическаго періода, какъ-то: кремневый ножъ, кремневый скребокъ, праща, пряслица, нуклеусъ, точильный камень, амулетъ изъ человѣческой кости и нѣсколько глиняныхъ горшковъ». Находка эта (если тутъ не произошло какой ошибки) замѣчательна по соединенію погребенія каменнаго вѣка съ насыпаніемъ большаго кургана и съ положеніемъ въ верхнемъ слоѣ его двухъ лошадиныхъ головъ.

[226]) Указатель выставки при VII Археол. Съѣздѣ въ Ярославлѣ, стр. 91—92.

[227]) *Самоквасовъ*. Могильныя древности Пятигорскаго округа. Вар. 1882; стр. 27.— А. А. Ивановскій, въ одномъ разрытомъ имъ курганѣ въ Зайсанской долинѣ (на Китайской границѣ) нашелъ черепъ лошади и черепъ овцы, обращенные въ противоположныя стороны, а ниже—костякъ человѣка, безъ всякихъ при немъ вещей. Въ другомъ курганѣ той же долины былъ найденъ при раскопкѣ бронзовый ножъ, но не было остатковъ лошади,

[228]) У американскихъ Команчей, по наблюденіямъ Ten-Kate, въ настоящее время, по смерти хозяина, лошадямъ его обрубливаютъ хвосты. Этимъ, повидимому, замѣнил-

гутъ объясняться тѣмъ, что бо́льшая часть туши лошади употреблялась въ пищу на похоронной тризнѣ, и въ могилу клались только нѣкоторыя, менѣе цѣнныя части, напримѣръ голова, копыта или кожа съ хвостомъ [229]). Кромѣ того, нѣкоторыя части лошадиной туши могли полагаться еще въ качествѣ пищи умершему; этимъ, можетъ быть, объясняется, нахожденіе иногда въ могилахъ 2—3 длинныхъ костей реберъ или позвонковъ. Наконецъ, положеніе одного или нѣсколькихъ зубовъ могло имѣть символическое значеніе или предохранительное въ качествѣ амулета. Во всякомъ случаѣ, замѣна полнаго трупа его частью была уже шагомъ къ паденію обычая, дальнѣйшая стадія въ исторіи котораго состояла въ томъ, что вмѣсто взнузданнаго коня стали полагаться въ могилу только удила, стремена, части сѣдла или только изображеніе лошади. Могилъ такого рода, съ одними только символами лошадей, извѣстно не мало какъ на западѣ, такъ и у насъ. Онѣ встрѣчаются среди этрусскихъ, германскихъ, греческихъ, скиѳскихъ, славянскихъ, финскихъ и тюркскихъ могилъ, иногда рядомъ съ могилами, заключающими въ себѣ лошадиные остовы, иногда же съ такими, въ которыхъ нѣтъ уже никакого намека на лошадь [230]).

Когда прекратился окончательно въ Европѣ обычай убиванія при похоронахъ лошади и положенія съ умершимъ ея трупа или принадлежностей лошадиной сбруи, сказать трудно и очевидно, что въ разныхъ странахъ и мѣстностяхъ онъ долженъ былъ окончиться не одновременно. У Германцевъ онъ сталъ исчезать въ эпоху Карловинговъ; у Славянъ, вѣроятно, въ XI вѣкѣ; у Финскихъ и Тюркскихъ племенъ Восточной Россіи и Сибири онъ продолжался, повидимому, еще въ XIV—XV столѣтіяхъ, мѣстами даже позже, до XVIII вѣка, а въ Азіи кое-гдѣ сохранился

ся прежній обычай, когда лошадей убивали и зарывали въ землю. Можно предположить, что и нахожденіе хвостовыхъ позвонковъ лошади въ нѣкоторыхъ Новгородскихъ курганахъ объясняется тѣмъ, что лошади умершаго обрубали хвостъ, который (можетъ быть съ остальной шкурой) и полагался въ могилу.

[229]) У нѣкоторыхъ племенъ Индѣйцевъ-Арауканцевъ цѣнныя вещи умершаго, при похоронахъ, замѣняются уже теперь деревянными имъ подражаніями. Даже у втыкаемаго въ могилу копья, желѣзный наконечникъ замѣняется деревяннымъ. По словамъ нѣкоторыхъ наблюдателей, закаланіе лошади, вѣроятно, также было бы замѣнено какимъ нибудь символомъ, еслибы Арауканцы не были большими любителями конины и не пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы ее поѣсть.

[230]) Борисякъ нашелъ въ одномъ курганѣ, въ 30 вер. отъ Таганрога, въ долинѣ Мокраго Чулека, человѣческій скелетъ съ золотыми цѣпочками, подвѣсками, бляхами, браслетами и при немъ бронзовыя удила (Труды Кіевск. съѣзда II.) — Кельсіевъ, въ одномъ подмосковномъ курганѣ у д. Митиной, нашелъ ниже человѣческаго костяка — остатки черепа коровы и желѣзныя лошадиныя удила, но безъ лошадиныхъ костей. Недавно въ Бузулукскомъ у. были найдены, въ нѣсколькихъ курганахъ, бронзовыя удила съ бронзовыми наконечниками стрѣлъ и массами угля («Моск. Вѣд,» 1889, отъ 5 іюля, «Новое Время» отъ 2 іюля 1889). Извѣстны также многіе случаи находокъ въ южно-русскихъ, тамбовскихъ, смоленскихъ и другихъ курганахъ. Гр. Ѳ. А. Уваровъ нашелъ желѣзныя удила, положенныя съ разными другими вещами, на доскѣ, около праха умершаго, въ Курманскомъ могильникѣ, на правомъ берегу рѣки Оки, въ Касимовскомъ уѣздѣ.

еще и теперь [231]). Отдѣльные случаи убиванія при похоронахъ лошадей продолжали встрѣчаться и въ западной Европѣ до XVIII вѣка. Сентъ-Фуа сообщаетъ о церемоніи при погребеніи Бертрана Дюгесклена, въ Сентъ-Дени, въ 1389 г., когда было убито нѣсколько лошадей, причемъ епископъ Оксерскій сначала возложилъ руки на ихъ головы. Послѣдній случай соблюденія этого обряда былъ, повидимому, при погребеніи кавалерійскаго генерала Фридриха Казиміра, похороненнаго въ Трирѣ, въ 1781 г., согласно обрядамъ Тевтонскаго ордена. Лошадь его вели за гробомъ и, когда послѣдній опустили въ могилу, лошадь убили и зарыли вмѣстѣ съ ея хозяиномъ [232]). Съ тѣхъ поръ память о давнемъ обычаѣ сохранилась только въ обрядѣ веденія за гробомъ, при похоронахъ королей и военныхъ начальниковъ, ихъ осѣдланныхъ и взнузданныхъ коней, которые однако, по окончаніи церемоніи, отводятся обратно въ свои стойла.

Добавленіе. Послѣ отпечатанія настоящей статьи я познакомился на VIII археологическомъ съѣздѣ съ результатами раскопокъ Г. Л. Скадовскаго въ курганахъ близь м. Бѣлозерки, между низовьемъ р. Ингульца и началомъ Днѣпровскаго лимана. Въ одномъ изъ этихъ кургановъ г. Скадовскій встрѣтилъ три типа погребеній, одинъ надъ другимъ. Въ насыпи оказалось 7 скелетовъ съ вещами греческаго издѣлья, повидимому современными процвѣтанію Ольвіи. Въ самомъ низу, въ материкѣ, была найдена могила каменнаго періода, съ двумя кремневыми накочнечниками стрѣлъ при скелетѣ. Между же обоими могилами оказался скелетъ, погребенный въ *ладьѣ* съ остроконечнымъ носомъ и кормой, въ которой онъ еле помѣщался; обшивка ладьи совершенно истлѣла, но сохранились полуистлѣвшіе дубовые бруски, составлявшіе ея остовъ. Подъ поясницей скелета была найдена мѣдная пряжка, а у ногъ — *конскіе зубы.* Скелетъ былъ покрытъ другой такой же *ладьей,* надъ которой, нѣсколько къ западу, были найдены *кости коня,* безъ черепа и позвоночника и — части желѣзныхъ удилъ. — Въ двухъ другихъ курганахъ скелеты оказались погребенными въ *ладьеобразныхъ ямахъ;* въ одномъ курганѣ яма имѣла очертанія широкой ладьи съ заостреннымъ носомъ (длина — 3 арш. 4 в., ширина 2 арш. $7^1/_2$ в.); въ другомъ — болѣе узкой, къ обоимъ концамъ одинаково острой. Одинъ бокъ ямы былъ вырытъ вертикально, другой — отлого. Ближе къ вертикальной стѣнѣ лежалъ скелетъ человѣка, ближе къ отлогой — *кости коня,* именно — черепъ, переднія и заднія конечности (но безъ позвоночника). У одного скелета, у головы, оказался горшокъ грубой работы и костяная оправа ножа. Между скелетомъ человѣка и костями коня (въ курганѣ № 31) лежали остатки деревяннаго лука съ костяными накладками у концовъ и древки трехъ стрѣлъ съ желѣзными наконечниками, вложенныя въ какое-то деревянное вмѣстилище (колчанъ?). Между черепомъ коня и человѣка оказались остатки сбруи, съ деревянными частями сѣдла, мѣдными пряжками, пластинками и желѣзными удилами. Оба костяка были покрыты толстымъ слоемъ истлѣвшаго звѣринаго мѣха, и кромѣ того примѣтны были слѣды деревянныхъ досокъ (но не отъ гроба). У одного костяка можно было различить остатки пояса съ мѣдными пластинками, также желѣзную пряжку и два осколка кремня. У другаго скелета оказалась золотая серьга (у лѣваго уха), два золотыхъ крючка (застежки), серебрянное кольцо съ 4 синими стеклами и 10 мѣдныхъ пуговицъ у берцовыхъ костей (отъ обуви?).

---

231) Въ одномъ курганѣ на берегу Дона, въ с. Маровѣ, Острогожскаго у., Воронежской губ., А. Я. Кожевниковъ нашелъ при костякѣ: желѣзныя удила, стремена, части сѣдла, остатки желѣзнаго копья и стрѣлъ, кремень и монету XIV вѣка (чеканенную въ Гюлистанѣ Мюридъ-ханомъ, въ 764 г. гиджры, или въ 1363-мъ). Мордовскіе курганы у с. Малаго Терюшева, раскопанные Дружкинымъ, относятся, повидимому, также къ XIV вѣку. Нѣкоторые курганы Терской области и Сибири были ссыпаны даже, вѣроятно, въ XVI и XVII вѣкахъ.

232) *Kemble,* Horae ferales, p. 66.

2007237466